

RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131-6141 (Print)
ISSN 2619-0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2020. — Т. 81. — № 5

Гамбринус

(отрывок)

...И вот однажды, спустя месяца три, тихим весенним вечером, в то время когда музыканты играли вальс «Ожидание», чей-то тонкий голос воскликнул испуганно:

– Ребята, Сашка!

Все обернулись и встали с бочонков. Да, это был он, дважды воскресший Сашка, но теперь обросший бородой, исхудалый, бледный. К нему кинулись, окружили, тискали его, мяли, совали ему кружки с пивом. Но внезапно тот же голос крикнул:

– Братцы, рука-то!..

Все вдруг замолкли. Левая рука у Сашки, скрюченная и точно смятая, была приворочена локтем к боку. Она, очевидно, не сгибалась и не разгибалась, а пальцы торчали навсегда около подбородка.

– Что это у тебя, товарищ? – спросил, наконец, волосатый боцман из «Русского общества».

– Э, глупости... там какое-то сухожилие или что, – ответил Сашка беспечно.

– Та-а-ак...

Опять все помолчали.

– Значит, и «Чабану» теперь конец? – спросил боцман участливо.

– «Чабану»? – переспросил Сашка, и глаза его заиграли.

– Эй ты! – приказал он с обычной уверенностью аккомпаниатору. – «Чабана»! Ейн, цвей, дрей!..

Пианист заиграл веселую пляску, недоверчиво оглядываясь назад. Но Сашка здоровой рукой вынул из кармана какой-то небольшой, в ладонь величиной, продолговатый черный инструмент с отростком, вставил этот отросток в рот, и, весь изогнувшись налево, насколько ему это позволяла изуродованная, неподвижная рука, вдруг засвистел на окарине оглушительно веселого «Чабана».

– Хо-хо-хо! – раскатились радостным смехом зрители.

– Черт! – воскликнул боцман и совсем неожиданно для самого себя сделал ловкую выходку и пустился выделять дробные коленца. Подхваченные его порывом, заплясали гости, женщины и мужчины. Даже лакеи, стараясь не терять достоинства, с улыбкой перебирали на месте ногами. Даже мадам Иванова, забыв обязанности капитана на вахте, качала головой в такт огненной пляске и слегка прищелкивала пальцами. И, может быть, даже сам старый, ноздреватый, источенный временем Гамбринус пошевеливал бровями, весело глядя на улицу, и казалось, что из рук изувеченного, скрюченного Сашки жалкая, наивная свистулька пела на языке, к сожалению, еще не понятном ни для друзей Гамбринуса, ни для самого Сашки:

– Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит.

(К статье С. В. Косихиной)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года
Выходит 6 раз в год

Том 81

5

2020

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Зам. главного редактора

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Компьютерная верстка

К. В. Морозов

Редакционный совет

Харри Вальтер, д-р филол. наук, профессор, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, д-р филол. наук, лектор, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, д-р филос. наук, канд. пед. наук, член-корреспондент РАО, профессор, научный руководитель, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, д-р пед. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Борис Юстинович Норман, д-р филол. наук, профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Сергей Саядович Оганесян, д-р пед. наук, профессор, государственный советник РФ 1-го класса, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Ильдико Палоши, PhD, старший преподаватель, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошевич, профессор, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, д-р пед. наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев, д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор, г. Орел, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, д-р филол. наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, канд. пед. наук, научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, д-р пед. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Людмила Геннадьевна Ларионова, д-р пед. наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Васильевна Науменко, канд. филол. наук, доцент, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия

Наталья Викторовна Патроева, д-р филол. наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, канд. пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, канд. филол. наук, главный редактор, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, канд. пед. наук, учитель, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Марина Робертовна Шумарина, д-р филол. наук, доцент, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.)
ISSN	0131–6141 (Print) 2619–0966 (Online)
Учредитель и издатель	ООО «Наш язык»
Адрес учредителя и издателя	Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: 8 (495) 671-09-85; сайт: https://www.riash.ru/ ; e-mail: admin@riash.ru
Типография	АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия
Подписано в печать	25.08.2020
Формат	70x100 ¹ / ₁₆
Бумага	офсетная
Печ. л.	8
Тираж	500 экз.
Заказ	
Подписка и распространение	Журнал распространяется по подписке. Оформить подписку можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс П3896), «Урал-Пресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информ-система», «Информ-наука», ООО «ИВИС». Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: https://www.riash.ru/. Журнал «Русский язык в школе» входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки) (http://vak.ed.gov.ru/87). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования. Журнал «Русский язык в школе» индексируется в 16 российских и международных базах данных, в том числе ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar. Издание охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, запрещается.

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 81

5

2020

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Computer Layout

Kirill V. Morozov

Editorial Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer, Tampere University, Tampere, Finland

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Boris Yu. Norman, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Ildikó Pálosi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshevich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev, Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Oryol, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila G. Larionova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

Name of the body that registered the edition

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Legislation in the Field of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage (certificate ПИ № ФС 77–22548, date of issue November 30th, 2005)

ISSN

0131–6141 (Print)
2619–0966 (Online)

Founder and publisher

Company «Our Language»

Postal address founder and publisher

17 Bolshaya Andronevskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: 8 (495) 671-09-85; site: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru

Printing house

JSC «First Exemplary printing house», branch of «Chekhov Printing House», 1 Poligrafistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia

Signed for printing

25.08.2020

Format

70x100¹/₁₆

Paper

offset

Printed sheet

8

Edition

500 ex.

Ordering

Subscription and distribution

The magazine is distributed by subscription. You can subscribe through subscription agencies: «Russian Post» (index П3896), «Ural-Press» (index 73334), «Pressinform», «Inform-system», «Informnauka», «IVIS» (official partner and exclusive distributor of the American company East View Information Services, Inc.). You can buy the electronic version of the magazine on the website: <https://www.riash.ru/>.

The journal «Russian language at school» is in «The list of peer-reviewed scientific publications where main scientific dissertation results in candidacy for a PhD degree, in candidacy for a Doctor of science degree shall be published» of the State Commission for Academic Degrees and Titles in the specialities: 10.02.01 – Russian language (philological Sciences), 13.00.02 – Theory and methods of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (pedagogical Sciences) (<http://vak.ed.gov.ru/87>).

The journal is registered in the database of the Russian Science Citation Index. The journal «Russian language at school» is indexed in 16 Russian and international databases, including ERIHPLUS, WorldCat and GoogleScholar.

The publication is protected by the Law of the Russian Federation «On copyright and related rights» from 09.07.1993 N 5351-1. Any reproduction of materials published in the magazine is prohibited.

© Company «Our Language». 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Скрябина О. А.</i> Методы и приемы систематизации умений учащихся при изучении темы «Обособленные члены предложения: определение, приложение»	7
<i>Шутан М. И.</i> Виды заданий при изучении инфинитива на уроках по синтаксису в VIII–IX классах	15
<i>Борщевская М. Ю.</i> Система развивающих изложений для V–XI классов	23

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

Викторина, посвященная 150-летию со дня рождения И. А. Бунина	31
---	----

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Косихина С. В.</i> Библиейские аллюзии в рассказе А. И. Куприна «Гамбринус» (К 150-летию со дня рождения)	32
<i>Фролова Е. А.</i> «Осенняя» любовь хулигана: анализ стихотворения С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...» (К 125-летию со дня рождения)	38
<i>Семенова Н. А.</i> Фразеология в художественной прозе М. А. Шолохова	43

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Николина Н. А.</i> Функционирование диминутивов в современной русской речи	49
<i>Замальдинов В. Е.</i> Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире	55

Проблемы русской орфографии

<i>Иванова О. Е., Бешенкова Е. В.</i> Об академическом описании русской орфографии (К теории орфографического правила)	61
--	----

Язык и культура

<i>Зеленин А. В., Иванова Н. Л.</i> Кто ты? (Родительские стратегии имяназвания детей-билингвов)	67
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Бондаренко М. А.</i> Жизнь и деяния Сергея Ивановича Ожегова (К 120-летию со дня рождения)	75
<i>Стукова Е. Г.</i> Лексикографическая деятельность С. И. Ожегова в 1926–1936 гг. (ленинградский период)	85
<i>Барандеев А. В.</i> Топонимическое наследие академика О. Н. Трубочёва (К 90-летию со дня рождения)	92

ХРОНИКА

<i>Никитин О. В.</i> III Григорьевские чтения	100
«Служение на ниве русской филологии есть самая патриотическая миссия» (К юбилею профессора Гурия Васильевича Судакова)	101
Памяти Галины Александровны Золотовой (1924–2020)	103

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Scriabina O. A.</i> Methods and Techniques for Organizing Students' Skills in the Study of the Topic «Detached Parts of a Sentence: Definition and Application»	7
<i>Shutan M. I.</i> Types of Assignments when Teaching the Infinitive in Syntax Lessons in Grades 8–9	15
<i>Borschevskaya M. Yu.</i> System of Developing Writing Assignments (<i>Izlozhenie</i>) for Grades 5–11	23

OUT-OF-SCHOOL ACTIVITIES

A Quiz Dedicated to the 150th Anniversary of I. A. Bunin	31
--	----

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Kosihina S. V.</i> Biblical Allusions in Kuprin's Short Story «Gambrinus» (To the 150th Anniversary of the Birth)	32
<i>Frolova E. A.</i> Hooligan's «Autumn» Love: Analysis of S. A. Yesenin's Poem «You Have Been Used by Someone Else...» (To the 125th Anniversary of the Birth)	38
<i>Semenova N. A.</i> Phraseology in M. A. Sholokhov's Fiction Prose	43

LINGUISTIC NOTES

<i>Nikolina N. A.</i> Diminutive Functioning in Modern Russian Speech	49
<i>Zamaldinov V. E.</i> Innovations as a Reflection of the Current Epidemic Situation in the World	55

The Problems of Russian Spelling

<i>Ivanova O. E., Beshenkova E. V.</i> About the Academic Description of Russian Spelling (To Spelling Rule Theory)	61
---	----

Language and Culture

<i>Zelenin A. V., Ivanova N. L.</i> Who Are You? (Parent's Naming Strategies for Their Bilingual Children)	67
--	----

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Bondarenko M. A.</i> The Life and Deeds of Sergey Ivanovich Ozhegov (To the 120th Anniversary of the Birth)	75
<i>Stukova E. G.</i> Lexicographic activity of S. I. Ozhegov in 1926–1936 (Leningrad Period) ..	85
<i>Barandeev A. V.</i> Toponymic Heritage of Academician O. N. Trubachev (To the 90th Anniversary of the Birth)	92

CHRONICLE

<i>Nikitin O. V.</i> Third Grigoriev Reading	100
«Serving in the Field of Russian Philology is the Most Patriotic Mission» (To the Anniversary of Professor Guriy Vasilyevich Sudakov)	101
In Memory of Galina A. Zolotova (1924–2020)	103

МЕТОДИКА И ОПЫТ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-7-14

Методы и приемы систематизации умений учащихся при изучении темы «Обособленные члены предложения: определение, приложение»

Ольга Алексеевна Скрябина

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия,
e-mail: olgaskr1@mail.ru*

Цель статьи – анализ теоретических основ систематизации пунктуационных умений учащихся и актуализация методических условий для оптимизации данного процесса. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: аналитический обзор данных современной лингвистики, психолингвистики, дидактики, методики и обобщение многолетнего практического опыта автора статьи. В процессе анализа теоретических источников и практического опыта делается вывод о необходимости реализации в обучении активной познавательной (когнитивной) деятельности, в основе которой лежат механизмы выбора и контроля. Систематизация пунктуационных умений учащихся организуется на основе приемов проблемного обучения, активной познавательной деятельности учащихся при доминировании индуктивного метода, реализуемого в приемах беседы, языковой наглядности, дифференциации, сопоставления, анализа состава предложений и таблиц. Делаются выводы о значимости систематизации знаний и умений для развития мышления учащихся.

Ключевые слова: дифференциация; смешиваемые языковые явления; системное мышление; многокомпонентные правописные умения; пунктуационные умения; обучающие тематические модули; структурные знаки препинания

Ссылка для цитирования: Скрябина. О. А. Методы и приемы систематизации умений учащихся при изучении темы «Обособленные члены предложения: определение, приложение» // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 7–14. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-7-14.

Methods and Techniques for Organizing Students' Skills in the Study of the Topic «Detached Parts of a Sentence: Definition and Application»

Olga A. Scriabina

*Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia,
e-mail: olgaskr1@mail.ru*

This article aims to analyse the theoretical foundations of systematizing students' punctuation skills and updating methodological conditions for optimizing this process. An analytical review of the data of modern linguistics, psycholinguistics, didactics and methodology was conducted, as well as the author's extensive practical experience was generalized. While studying theoretical sources and practical experience, the necessity of implementing active cognitive activity in training, based on selection and control mechanisms, was recognized. The systematization of students' punctuation skills is achieved by stimulating students' intensive cognitive activity using problem-based learning methods under the dominance of the inductive method, which is implemented in the techniques of conversation, language visibility, differentiation, comparison, sentence composition and table analysis. Conclusions are drawn about the importance of systematizing knowledge and skills for the development of students' cognitive abilities.

Keywords: *differentiation; mixed language phenomena; systems thinking; multicomponent spelling skills; punctuation skills; educational thematic modules; structural punctuation marks*

A reference for citation: *Scriabina O. A. Methods and techniques for organizing students' skills in the study of the topic «Detached parts of a sentence: definition and application». In Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 7–14. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-7-14.*

Введение. Анализ нашего многолетнего практического опыта свидетельствует о том, что темы «Обособленное определение» и «Обособленное приложение» не осознаны даже теми учащимися, которые успешно сдали ЕГЭ по русскому языку и стали студентами филологического факультета. Студенты первого курса не различают синтаксические понятия «определение», «приложение». Не могут дифференцировать состав сказуемого и обособленный член предложения, не отличают обращение от приложения. Как видим, налицо «спутанность понятий» (В. А. Добромыслов) и отсутствие системы необходимых синтаксических и пунктуационных умений. Все это показатели неразвитости синтаксического мышления выпускников школы, демонстрирующих так называемое «фидейное мышление» [Никитин 2003]. Его суть при незнании способа действия такова: «Пишу, как мне кажется», «Как я считаю», вследствие чего происходит замещение несформированного умения фантазией или неоправданной верой в нее. Отсутствие системного речевого мышления и системы умений у школьников в области синтаксиса и пунктуации констатировалось в исследованиях А. В. Дудникова, В. П. Озерской, В. В. Бабайцевой, Е. Ф. Глебовой, А. П. Еремеевой, А. Ю. Купаловой, Г. И. Блинова и других ученых. Анализ современного состояния знаний и умений учащихся в сфере синтаксиса и пунктуации указывает на необходимость продолжать научный поиск.

Развитие у учащихся системного мышления и формирование системных знаний, а главное — умений определены в материалах ФГОС как цели обучения русскому языку. Рассмотрим, что представляет собой систематизация и как можно сформировать системное знание. Определим понятия. **Систематизация** — это «мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа»¹.

Логическая структура самого учебного предмета — объективное условие для организации процесса систематизации. По утверждению Е. Г. Шатовой, неотъемлемой частью системного знания является не только систематизация, но и обобщение [Шатова 1990]. Согласно данным словаря, **обобщение** — это «операция и продукт мышления, выделение общего в ряде предметов или явлений. Виды обобщения соответствуют видам мышления. Простейшие обобщения заключаются в объединении, группировке объектов на основе отдельного признака»². Результатом работы мышления по выделению общего и отдельного признака в явлении становится **системное знание** — «результат внутренне сложившихся и логически осознаваемых аналогий и противоречий грамматического материала, подчеркиваемых педагогами»³. Таким образом, целостность изучаемого явления постигается осознанием его структуры, связей и отношений между отдельными элементами. Подчеркнем, что важным фактором для процесса обобщения становится дифференциация — универсальный закон мышления.

Какие методические выводы можно сделать, опираясь на данное понимание систематизации? Во-первых, в процессе обучения необходимо развешивать языковые связи и выявлять в изучаемых явлениях общие признаки и различия (при сопоставлении). Во-вторых, следует актуализировать смешиваемые языковые явления для дифференциации как основы систематизации. В-третьих, X–XI классы — этап систематизации и обобщения языковых и речевых умений учащихся, необходимых для создания текста. Это подразумевает ориентацию процесса обучения на формирование многокомпонентных правописных умений, в состав которых входят пунктуационные умения. В-четвертых, систематизация пунктуационных умений может быть организована на и практика обучения языкам). — М., 2009. — С. 276.

² Там же. — С. 163.

³ Сахарный Л. В. К тайнам мысли и слова: кн. для внекл. чтения. 8–10 кл. — М., 1983. — С. 11.

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория

основе обучающих тематических модулей, что представлено нами в учебно-методическом пособии «Система работы над грамотностью учащихся в старших классах» [Скрябина 2017].

Структурирование дидактического материала в модулях производится с учетом оппозиций в языковой системе и системе правописания, отражающих существующие в них закономерности, знание которых обеспечивает необходимую базу для целесообразного и актуального поиска условий выбора написаний и самоконтроля. В основание нашего подхода положен тезис Н. И. Жинкина: «Чтобы построить структуру, необходимо: во-первых, найти различия элементов и, во-вторых, способы их соединения в интегральное целое» [Жинкин 1982: 37].

Владение системой способов оформления письменного текста подчеркивается системностью пунктуации как качеством, обусловленным ее двоякой значимостью: «пунктуацией от пишущего» (направленность от смысла к знакам) и «пунктуацией для читающего» (направленность через знаки к смыслу») [Валгина 2004].

Текст как единство грамматического и семантического для выражения мысли, чувства и интонации «держится» и «членится» знаками препинания. Особая роль отводится «структурным знакам препинания» (Н. С. Валгина), которые обусловлены строением предложения. К разряду структурных относятся, например, знаки, выделяющие приложения, определения, обстоятельства, у них первична функция структурного разграничителя, а смысловая функция вторична. В основе общеупотребительных правил расстановки знаков препинания лежит именно структурный принцип. Осознанное владение структурными знаками препинания есть «необходимый минимум», обеспечивающий общение между пишущим и читающим.

Следовательно, содержательной лингвистической основой для систематизации пунктуационных умений становятся структурные знаки препинания, а сформированные на данной основе пунктуационные умения можно признать ведущими, представляющими необходимый минимум, в который входят умения выделять обособленные члены предложения.

В сфере нашего внимания находятся обособленные члены предложения,

выделяемые на основе структурного принципа пунктуации. Предложения с обособленными членами представляют собой своеобразное «лингвистическое пространство» между простыми и сложными предложениями – простые осложненные предложения. Позиция промежуточного явления дает основания для рассмотрения общего и различного между простыми и сложными предложениями. Будучи монопредикативной единицей, простое предложение с обособленными членами противопоставлено сложному предложению как полипредикативной единице. Следует подчеркнуть, что обособленные члены не являются самостоятельными синтаксическими единицами, но при этом они обладают особым синтаксическим значением, сближающим осложненное простое предложение со сложным предложением, поскольку в определенных условиях «скрытая предикативность» может стать «полной предикативностью» [Шмелев 1976: 71]. Так, например, возможно преобразовать простое предложение с обособленным определением в сложноподчиненное с придаточным определительным.

Таким образом, обучающий потенциал пунктуации как системы во многом зависит от понимания учащимися значения и структуры простого предложения с обособленными членами.

Обособленными называются члены предложения, выделяемые по смыслу и интонационно. Это обособленные определения, приложения, дополнения и обстоятельства. В устной речи они имеют особый, исключительный смысл для автора, выделяются логическим (смысловым) ударением, которое падает на главное слово и на зависимое, а в письменном тексте – структурными знаками препинания, например:

1. Мир, *воспринимаемый нами* (обособленное определение), запечатлен в словах. 2. В Мещере я сдружился с Гайдаром – *с этим удивительным человеком* (обособленное приложение). (К. Паустовский). 3. Присут мне, что ты, *тая тревогу* (обособленное обстоятельство), загрустила шибко обо мне. (С. Есенин).

Обсуждение. В обучении следует опираться на общие, характерные для всех обособленных членов предложения признаки:

- 1) значение (добавочное сообщение);
- 2) интонация обособления;
- 3) функция (второстепенное сказуемое).

На обособление влияет:

- 1) распространенность члена предложения (наличие при нем зависимых слов);
- 2) положение (позиция) члена предложения по отношению к слову, к которому относится: это имеет особое значение для обособления определений, иногда обстоятельств (одиночных деепричастий).

Опираясь на эти признаки, анализируем с учащимися те случаи, когда определение и приложение всегда обособляются.

1. Всегда обособляется приложение, стоящее после определяемого слова и перед ним:

1. *Задумчивость, /ее подруга от самых колыбельных дней/,* течение сельского досуга мечтами украшала ей. (А. Пушкин).
2. Вот иду я, /заморский страус/, в перьях строф, размеров и рифм. (В. Маяковский).
3. /Несчастью верная сестра/, надежда в мрачном подземелье разбудит бодрость и веселье... (А. Пушкин).

2. Всегда обособляется согласованное определение:

- 1) в позиции после определяемого слова:

На окне, /серебряном от инея/, за ночь хризантемы расцвели. (И. Бунин);

- 2) в удалении от определяемого слова:

/Стеклянный, редкий и ядреный/, с веселым шорохом спеша, промчался дождь... (И. Бунин); Прижавшись, голубь молодой сидит, /испуганный грозой/. (М. Лермонтов).

- 3) если относится к личному местоимению:

/Облитый этим странным светом/, /подавлен мертвой тишиной/, я стал, — и бледным силуэтом упала тень за мной. (И. Бунин); Я грущу по лесному уюту, /взятый городом в плен на два дня/. Что ты делаешь в эту минуту там, у моря, теперь без меня? (И. Северянин).

Рассмотрим методические условия, необходимые для формирования осознанного понимания обособленных членов предложения. Ведущим методом обучения является индуктивный метод. К методическим приемам реализации индуктивного метода обучения относятся следующие:

- 1) наблюдение;
- 2) языковая наглядность (языковые факты для анализа);
- 3) прием языковой оппозиции (смешиваемые явления) для сопоставления, наблюдения;

- 4) беседа на основе проблемных вопросов для определения значения и функций обособленных членов предложения;

- 5) анализ состава предложений;

- 6) графическая поддержка восприятия.

Приведем примеры реализации этих приемов.

Тема «Обособленное приложение»

1. Сравниваем.

Сравните предложения, записанные на доске или выведенные на экран:

1. Онегин, *добрый мой приятель*, родился на берегах Невы. (А. Пушкин).
2. Онегин родился на берегах Невы.
3. Онегин — *добрый мой приятель*.

2. Задаем проблемные вопросы.

1. Найдите в предложениях грамматическую основу (подлежащее, сказуемое).
2. Для чего даны эти предложения?
3. Что сообщается об Онегине в предложении 1? (*Ответ.* Об Онегине сообщается, что он родился на берегах Невы.)
4. Что добавочно сообщается о нем? (*Ответ.* Добавочное сообщение — параллельное наименование, второстепенное сказуемое: *добрый мой приятель*.)
5. Задайте вопрос к добавочному сообщению. От какого слова задается вопрос? (*Ответ.* Вопрос задается от слова *Онегин*. *Онегин* (какой?)...)

6. Какой частью речи является слово *приятель*? (*Ответ.* Это имя существительное.)

7. *Добрый мой приятель*. Какой это член предложения? (*Ответ.* Определение, выраженное именем существительным с зависимыми словами, — приложение.)

8. Чем осложнено предложение 1? (*Ответ.* Предложение осложнено обособленным приложением.)

3. Делаем выводы.

Приложение — это разновидность определения, выраженное именем существительным (одиночным или с зависимыми словами). «Приложение — это существительное-определение». (А. М. Пешковский).

Приложение:

- 1) всегда выражено **именем существительным** (собственным или нарицательным);

- 2) согласуется с определяемым словом **в числе и падеже**;

- 3) характеризует предмет через его **параллельное наименование**, например:

Сергей Александрович Есенин, *великий русский поэт*, родился в селе Константиново.

4) всегда относится к имени существительному или местоимению и обособляет-ся.

Тема «Обособленное определение»

1. Сравниваем.

Сравните предложения, записанные на доске или выведенные на экран:

1. Входит солнце, *бодрое от холода*, золотит-ся отблеском в окно. (И. Бунин).
2. Солнце бодрое от холода.

2. Задаем проблемные вопросы.

1. Найдите в предложениях грамматиче-скую основу (подлежащее, сказуемое).
2. Для чего даны эти предложения?
3. Что сообщается о солнце в предложе-нии 1? (*Ответ.* О солнце сообщается, что оно всходит.)
4. Что сообщается о солнце в предложе-нии 2? (*Ответ.* О солнце сообщается, что оно бодрое.)
5. Что добавочно сообщается о солн-це в предложении 1? (*Ответ.* Добавочное сообщение — второстепенное сказуемое *бодрое от холода*.)
6. Задайте вопрос. От какого слова зада-ется вопрос? (*Ответ.* Вопрос задается от слова *солнце*: *солнце* (какое?)...)
7. К какой части речи относится слово *бодрое* (*солнце*)? (*Ответ.* Слово *бодрое* отно-сится к имени прилагательному.)
8. Какой это член предложения? (*Ответ.* В предложении слово *бодрое* явля-ется согласованным определением.)
9. Чем осложнено предложение 1?

(*Ответ.* Предложение осложнено согласо-ванным определением, выраженным прила-гательным с зависимым словом.)

Отметим, что сопоставление синтакси-ческих функций — сказуемого и «второсте-пенного сказуемого» (обособленного члена) как потенциального сказуемого, готового занять позицию полноценного сказуемо-го, помогает учащимся сознательно усваи-вать синтаксические явления, что является основой для формирования пунктуацион-ных действий.

При изучении обособленных опреде-лений и приложений учитель формирует у учащихся следующие умения:

- распознавать приложение, определе-ние и обстоятельство и различать их, что существенно для решения правописных задач;
- выбирать схему действия по правилу и включать обособленные члены предложе-ния в текст;
- редактировать текст, что дает возмож-ность соединить формирование правопис-ных и речевых умений.

Для систематизации знаний и уме-ний в X и XI классах следует обращаться к названной теме поэтапно, опираясь на модульную подачу материала (см. табл.), на то, какими частями речи выражены обосо-бленные члены предложения. Например, при обобщении темы «Имя существитель-ное» можно систематизировать умения по теме «Приложение»; при обобщении тем «Имя прилагательное», «Причастие» систе-матизируются умения по теме «Обособлен-ное определение» и т. д.

Таблица

Обособленные определение и приложение

Приложение	Определение
1. Приложение — это существительное-определение, является параллельным наимено-ванием предмета; отвечает на вопросы: какой? какая? какое? какие?	1. Определение — это второстепенный член предложения, отвечает на вопросы: какой? какая? какое? какие?; обозначает признак предмета
2. Выражено а) именем существительным нарицательным (одиночным или с зависимыми словами): Фонарщик, /юный бес/, бежит по тротуа-рам. (В. Ходасевич); б) именем существительным собственным: Сам он, /Раскольников/, пожалуй, попал в капкан. (Достоевский)	2. Выражено а) причастным оборотом или прилагатель-ным с зависимыми словами: Камень, /брошенный в тихий пруд/, всхлип-нет так, как тебя зовут. (М. Цветаева); б) одиночным прилагательным/причастием: А этот дождик, /солнечный и редкий/, мне утешенье и благая весть. (А. Ахматова)

Рассмотрим систему упражнений, которая реализует методическую идею Г. Н. Приступы о необходимости упражнений (у него орфографических) для превращения знания в умение. Мы используем данную продуктивную идею при изучении не только орфографии, но и грамматики и пунктуации, подбирая дидактический материал на основе принципа языковой оппозиции, включая смешиваемые языковые явления, требующие выбора пунктуационного оформления.

Упражнение 1 (устное). Прочитайте предложения. Найдите грамматические основы. Укажите, чем осложнены предложения. (Обособленным приложением? Обособленным определением?) Отметьте номера предложений с обособленными приложениями.

1. Я здесь, от суетных оков освобожденный, учусь в истине блаженство находить... (А. Пушкин). 2. Сижу, освещаемый сверху, я в комнате круглой моей. (В. Ходасевич). 3. Ему Гораций, умный льстец, послал торжественную оду, где другу Августов певец сулил хорошую погоду. (А. Пушкин). 4. Жаворонки, невидимые в воздухе, напоенном парами и светом, заливались над степью безотчетно-радостными трелями. (И. Бунин). 5. По переулкам ветер, гость залетный, гонял сухую пыль, окурки, стружки. (В. Ходасевич). 6. Есть думы светлые, как ангел божий, затерянные мной в холодных днях. (В. Брюсов). 7. Отступник света, друг природы, покинул он родной предел... (А. Пушкин).

Ответ: 3, 5, 7.

Упражнение 2 (распределительный диктант). Запишите предложения с обособленными приложениями в первый столбик, с обособленными определениями – во второй столбик.

1. И душа моя – поле безбрежное – дышит запахом меда и роз. (С. Есенин). 2. Наступает еще одна осень, всегда пробуждающая потребность в самоочищении. (В. Астафьев). 3. И фосфором дымится снег, и видно, как мерцает нежно твой ледяной душистый мех, на плечи кинутый небрежно... (И. Бунин). 4. Именно в Риме Гоголем был создан выразительный по поэтической силе образ России – птицы-тройки. (В. Пиккуль). 5. В древнем Риме отличившиеся в боях легионеры награждались знаком – фалером. (Он же). 6. Осень, рыжая кобыла, чешет гриву. (С. Есенин). 7. Седины пасмурного дня плывут, всклокоченные, мимо,

и грусть вечерняя меня волнует непреодолимо. (Он же). 8. Что он видел, верблюд кирпичный, в завывании дождевом? (Он же). 9. Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему. (Б. Пастернак). 10. И холод, чародей всесильный, один здесь царствует вполне. (Ф. Тютчев). 11. На крыльях вымысла носимый, ум улетал за край земной... (А. Пушкин). 12. Я спряталась за стол, укрытый нишей, дождь за окном пристроился, как нищий, и сквозь стекло желал пройти ко мне. (Б. Ахмадулина).

Ответ: обособленное приложение (1, 4, 5, 6, 8, 10); обособленное определение (2, 3, 7, 9, 11, 12).

Для активизации речевой деятельности учащихся можно давать задание на синонимическую замену осложненных предложений с обособленными определениями придаточными определительными, если это возможно. Поскольку трансформация поэтического текста мешает его эстетическому восприятию, данный вид работы целесообразно проводить, используя прозаические тексты.

Для развития умений сознательно выбирать схему действия по правилу можно предложить учащимся выписать из текста, например, обособленное удаленное определение или определение в препозиции (перед определяемым словом) со значением причины, в данном случае добавочно задается вопрос и от сказуемого. Так, в предложении *Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом* (А. Пушкин) к определению (*довольный праздничным обедом*) задается вопрос от сказуемого для уточнения добавочного значения причины (*сопит почему?*). Это показывает «двунаправленность» синтаксических связей: зависимость осложненного синтаксического компонента (определения, приложения) от двух членов предложения: подлежащего *сосед* и сказуемого *сопит*.

Упражнение 3. Запишите предложения. Сопроводите их схемой, объясняющей выбор обособления для определения.

1. Я счастлив жестокой обидой, и в жизни, похожей на сон, я каждому тайно завидую и в каждого тайно влюблен. (О. Мандельштам). 2. Разлитый Ольгиной рукою, по чашкам темною струей уже душистый чай бежал... (А. Пушкин). 3. И бурых подберезовиков ряд, таких родных, пахучих, мшистых, и слезы леса летнего горят на корешочках их пятнистых.

(В. Набоков). 4. Однообразный и безумный, как вихорь жизни молодой, кружится вальса вихорь шумный; чета мелькает за четой. (А. Пушкин). 5. И проходишь ты в думах и грезах, как царица блаженных времен, с головой, утопающей в розах, погруженная в сказочный сон. (А. Блок). 6. Чужая радость так же, как своя, томит ее и вон из сердца рвется, и девочка ликует и смеется, охваченная счастьем бытия. (Н. Заболоцкий). 7. Неслышный и неторопливый, так странно плавлен шаг ее, назвать нельзя ее красивой, но в ней все счастье мое. (Н. Гумилев). 8. Веселый, прохладой лугов освеженный, я красного солнышка жду. (И. Никитин).

Упражнение 4. Прочитайте предложения. Отметьте номера предложений с обособленными согласованными определениями, расставьте необходимые знаки препинания.

1. Угасал теплый вечер полный терпких запахов. (Ч. Айтматов). 2. Смотрю в окно и вижу серый скудный мой небосклон. (В. Ходасевич). 3. Согретый вдохновенья богом другой поэт роскошным слогом живописал нам первый снег. (А. Пушкин). 4. Я встал с постели весь разбитый едва держась на ногах. (А. Куприн). 5. Солнце стоит над глубокими и со всех сторон замкнутыми долинами... (И. Бунин). 6. Глубоким может быть никем не нарушаемое молчание. 7. Отец вернулся с работы уставший до изнеможения. 8. Грубой жизнью оглушенный нестерпимо уязвленный опускаю веки я... (В. Ходасевич). 9. Лицо Юлечки было серьезное, мужественное, привлекательное. 10. Лицо Юлечки серьезное и мужественное было привлекательным. 11. Серьезное и мужественное лицо Юлечки казалось волевым. 12. Сороки состоявшие с воронами в близком родстве заметили переключку воронов и застрекотали. (М. Пришвин). 13. А на дворе унылый и докучный раздался колокольчик однозвучный. (М. Лермонтов).

Ответ: 1, 3, 8, 10, 12, 13.

При систематизации темы «Обособленные члены предложения» мини-диктанты обеспечивают многократное и отсроченное повторение и взаимосвязанное обобщение орфографии и пунктуации. Например, систематизация темы «Правописание *и* и *ни* в именах прилагательных, причастиях» сопровождается углубленным изучением способов оформления обособленных членов предложения: закрепляется ранее

изученная тема «Обособленное приложение», требующая многократного восприятия; при этом актуализируется изучение темы «Обособленное определение»; продолжается тренинг по трудным орфографическим написаниям. Приведем пример мини-диктанта.

Дилетантский подход; свирепое лицо; увидишь вявь; приедешь из-за границы; заграница поможет; Масленица; южноуральские села; Южно-Уральский бассейн; жить на периферии; деревья в инее; рассуждаешь о гении Пушкина, о щеголе, о шовинизме; раскорчеванный участок; «Окаянные дни»; написанные И. Бунными; плетеная корзина; сушеные фрукты; засушенные цветы; он смешон; лишён смысла; в продолжении повести; болеть в продолжение месяца; Великая Отечественная война; День Победы; Герой Советского Союза.

1. Некогда, на заре нашей литературы, другой поэт, тоже великий жизнелюбец, написал стихи, над которыми позже плакал Лев Толстой. (Б. Зайцев). 2. Чужой для всех, ничем не связан, я думал: воля и покой замена счастьем. (А. Пушкин). 3. Недоволен стою и тих я, создатель миров моих, — где искусственны небеса и хрустальная спит роса. (О. Мандельштам). 4. Парень бравый, кучерявый ломит шапку набекрень. (С. Есенин).

На основе мини-диктанта можно связать обобщение и систематизацию орфографии с пунктуацией, используя в тексте не только смешиваемые орфографические, но и смешиваемые пунктуационные написания, требующие умения осознавать выбор и контролировать его. Для этого реализуем в дидактическом материале принцип языковой оппозиции, что способствует активизации рефлексии при сопоставлении и противопоставлении языковых и пунктуационных фактов.

Выводы. Итак, в ходе исследования проблемы систематизации знаний и умений учащихся по теме «Обособленные члены предложения: определение, приложение» проведен анализ лингвистических, психолингвистических, методических, дидактических источников; установлены методические условия для организации обучения; определены методы и приемы организации обучения на основе реализации принципа опоры на смешиваемые написания, что способствует созданию образа языка и правописания как системы оппозиций (В. В. Виноградов, Б. С. Шварцкопф) и формированию у школьников системного

мышления; представлены примеры проблемной подачи дидактического материала; предложена система упражнений, расположенных в определенной последовательности.

Организация процесса систематизации знаний освобождает память от суммы частных сведений; способствует развитию системного мышления; обеспечивает ориентировочную основу действий; создает благоприятные условия для успешного формирования пунктуационных умений. Эффективность и продуктивность предлагаемого пути систематизации пунктуационных умений доказана многолетним практическим педагогическим опытом автора статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. Теория текста. — М., 2004.
Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982.
Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб., 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Алексеевна Скрыбина, доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; ул. Свободы, д. 46, г. Рязань, 390000, Россия.

Скрыбина О. А. Система работы над грамотностью учащихся в старших классах: учеб.-метод. пособие. — Рязань, 2017.

Шатова Е. Г. Методика формирования обобщений при обучении орфографии. — М., 1990.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М., 1976.

REFERENCES

- Valgina N. S.* Text theory. Moscow, 2004. (In Rus.)
Zhinkin N. I. Speech as a conductor of information. Moscow, 1982. (In Rus.)
Nikitin M. V. Foundations of cognitive semantics. St. Petersburg, 2003. (In Rus.)
Skriabina O. A. The system of work on literacy of students in high school: a teaching aid. Ryazan, 2017. (In Rus.)
Shatova E. G. Methodology for the formation of generalizations in teaching spelling. Moscow, 1990. (In Rus.)
Shmelev D. N. Syntactic severity of utterance in modern Russian. Moscow, 1976. (In Rus.)

Olga A. Scriabina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods, Ryazan State University named for S. Yesenin; 46 Svobody str., Ryazan, 390000, Russia.

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-15-22

Виды заданий при изучении инфинитива на уроках по синтаксису в VIII–IX классах

Мстислав Исаакович Шутан

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: mshutan@mail.ru

В статье характеризуются виды заданий для изучения инфинитива на уроках по синтаксису в VIII–IX классах. Предлагаемые задания помогают школьникам увидеть различные уровни языковой системы в их единстве. Функциональный подход к изучению русской грамматики проявляется в организации учебных занятий, посвященных главным и второстепенным членам предложения, односоставным предложениям, однородным членам, вводным словосочетаниям, сложносочиненным, сложноподчиненным и бессоюзным сложным предложениям. В заданиях, апробированных в основной общей школе, актуализируется комплекс приемов: анализ предложений с целью идентификации явлений языка, в ряде случаев предполагающий группировку высказываний, трансформация синтаксических конструкций, написание сочинений с грамматической установкой, лингвостилистический анализ стихотворения. В статье представлен один из возможных путей формирования лингвистической компетенции школьников и развития их речевых навыков.

Ключевые слова: *зависимый и независимый инфинитив; член предложения; инфинитивное предложение; сложное предложение; семантико-синтаксический анализ предложения; трансформация предложения; сочинение с грамматической установкой*

Ссылка для цитирования: Шутан М. И. Виды заданий при изучении инфинитива на уроках по синтаксису в VIII–IX классах // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 15–22. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-15-22.

Types of Assignments when Teaching the Infinitive in Syntax Lessons in Grades 8–9

Mstislav I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education, Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: mshutan@mail.ru

The article describes types of assignments used in teaching the infinitive in lessons on syntax in grades 8–9. The proposed assignments help students recognize the unity of different levels of the language system. A functional approach to the study of Russian grammar is manifested in the organization of lessons devoted to principal and subordinate parts of a sentence, one-member sentences, homogeneous parts, introductory phrases, compound sentences, syndetic and asyndetic complex sentences. The proposed assignments tested during secondary school lessons included sentence analysis for language phenomenon identification, in some cases involving a grouping of sentences; transformation of syntactic constructions; writing compositions with a grammatical setting; linguostylistic analysis of a poem. The article presents an approach to forming the linguistic competence of students and the development of their speech skills.

Keywords: *dependent and independent infinitive; part of the sentence; infinitive sentence; complex sentence; semantic-syntactic analysis of sentences; sentence transformation; composition with a grammar setting*

A reference for citation: Shutan M. I. Types of assignments when teaching the infinitive in syntax lessons in grades 8–9. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 15–22. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-15-22.

В лингвистике инфинитив рассматривается как исходная форма глагольной парадигмы, «называющая действие и никак не обозначающая его отнесенности к лицу, времени, реальности или ирреальности». Из морфологических значений, присущих глаголу, в инфинитиве заключены только значения вида и залога [Русская грамматика 1980: 674].

В V–VII классах школьники получают общее представление об инфинитиве. При этом акцентируется внимание на основе инфинитива, от которой образуются формы прошедшего времени у глагола и причастия прошедшего времени, а также деепричастия совершенного вида. Школьники учатся разграничивать на письме *-тся* и *-ться*, знакомятся с орфограммой в суффиксе

инфинитива в формах прошедшего времени у глагола. При изучении повелительного наклонения учащиеся работают с предложениями, в которых инфинитив выражает резкое побуждение к действию.

Полезной для шестиклассников является работа по образованию существительных и прилагательных от инфинитива при помощи целого комплекса суффиксов с обозначением производящей основы глагола:

работяга, вожак, консультант, пекарь, ходатай, организатор, ткач, творец, проводник, труженик, стрелок, инструктор, плакса, житель, хвастун, переводчик, прицепщик; вертлявый, ворчливый, игривый, изменчивый, бранчливый, прерывистый, колкий, загорелый, читальный, заметный, хвалебный, медленный, колдовской, колючий, ловчий, взрывчатый¹.

Внимание к инфинитиву при изучении синтаксиса помогает школьникам увидеть и осмыслить особенности функционирования этой глагольной формы, что принципиально важно прежде всего для их речевого развития. Причем в подборе и характеристике самого лингвистического материала и заданий разных видов мы не претендуем на универсальность, а акцентируем внимание на тех синтаксических конструкциях, работа с которыми, как показывает наша практика, доступна для школьников, так как непосредственно соотносится с изучаемыми ими в VIII и IX классах грамматическими темами.

При изучении синтаксиса простого предложения в VIII классе учащиеся узнают, что инфинитив может быть любым членом предложения. На этапе систематизации изученного о членах простого предложения восьмиклассники составляют сводную таблицу с примерами, доказывающую справедливость этого тезиса.

При этом актуальным становится определение границы сказуемого в синтаксических конструкциях типа *решил уехать* и *приказал выйти*. Так, в одном из учебников на основе формулировки задания школьники сами должны подойти к выводу о приеме разграничения составного глагольного сказуемого и сочетания простого

глагольного сказуемого с дополнением, выраженным инфинитивом: «Укажите, в каких предложениях выделенные глаголы обозначают действия одного и того же лица, в каких — разных. Какими членами предложения являются глаголы в неопределенной форме?» Предполагается, что в первом случае употребляется составное глагольное сказуемое, а во втором — налицо сочетание простого глагольного сказуемого с дополнением. Следует назвать удачным подбор пар сочетаний слов, которые объединены одним и тем же инфинитивом, выполняющим разные синтаксические функции: *собирались вернуться* — *просила вернуться*; *продолжал посещать* — *советовал посещать*; *начали собирать* — *рекомендовал собирать*².

Требуют комментариев и другие второстепенные члены предложения, выраженные инфинитивом: несогласованное определение обычно употребляется при отглагольном существительном (*умение танцевать*), а обстоятельство цели — при глаголе движения (*приехал учиться*).

На указанном этапе изучения синтаксиса простого предложения школьники в целом успешно выполняют упражнения на разграничение функций инфинитива. Ниже приведем пример такого упражнения:

1. Можно признать идею полезной, но не уметь ею пользоваться. (И. В. Гёте). 2. Искусство — это попытка создать рядом с реальным миром другой, более человечный мир. (А. Моруа). 3. Проявлять упорство в своих обязанностях и оставаться молчаливым — лучший ответ на клевету. (Дж. Вашингтон). 4. Тот, кто умеет лстить, умеет и клеветать. (Наполеон I). 5. Функция литературы — превращать события в идеи. (Дж. Сантаяна). 6. Рассуждать о любви — это терять рассудок. (С. Буффлер). 7. Спенсер советует устраивать скрипичные концерты в помещениях, обитых тонкими сосновыми досками... (А. Грин). 8. Друзья мои, вы просите рассказать что-нибудь из летнего велосипедного? (А. Солженицын). 9. Приходи на меня посмотреть. (*Название фильма*).

Отметим, что в упражнении представлены все синтаксические функции

¹ Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. — М., 1984. — С. 152–153, 162.

² Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / С. Г. Бархударов и др. — М., 2019. — С. 98–99.

инфинитива. При этом подлежащее *остаться молчаливым* по грамматической форме напоминает составное именное сказуемое (предложение 3), а составное именное сказуемое *можно признать полезной* имеет осложненную связку (предложение 1).

Полезным для восьмиклассников, если иметь в виду умение идентифицировать явления языка и речевое развитие, следует назвать такое упражнение: на примере одного из инфинитивов (его называет учитель) школьники должны доказать, что неопределенная форма глагола может выполнять любую синтаксическую функцию. При этом допускаются различные виды трансформации того или иного предложения. Ниже приведем вариант выполнения задания с глаголом *исследовать*:

1. Исследовать окружающий мир — чудесное свойство человека. (Подлежащее? Простое глагольное сказуемое?) 2. Чудесное свойство человека — исследовать окружающий мир. (Простое глагольное сказуемое? Подлежащее?) 3. Я не могу не исследовать удивительные явления, происходящие в океанских глубинах. (Составное глагольное сказуемое.) 4. Нельзя не исследовать удивительные явления, происходящие в океанских глубинах. (Осложненная форма составного глагольного сказуемого.) 5. Я советую тебе исследовать удивительные явления, происходящие в океанских глубинах. (Косвенное дополнение.) 6. Умение исследовать окружающий мир просто-напросто бесценно. (Несогласованное определение.) 7. Я отправился в дальние края исследовать удивительные явления, происходящие в океанских глубинах. (Обстоятельство цели.)

В этих предложениях мы видим сказуемые разных типов, в том числе и осложненную форму составного глагольного сказуемого. Отдельно остановимся на предложениях 1 и 2, которые интерпретируются неоднозначно, если при определении синтаксической функции инфинитива учитывается не только грамматическая семантика и порядок слов, но и логическое ударение.

Отметим, что Б. Н. Головин, характеризуя грамматическую категорию словесных позиций, останавливается на месте, занимаемом полнозначным словом в микроструктуре предложения: «Но пусть нас не вводит в заблуждение слово “место”. Этот синтаксический термин обозначает здесь не порядок следования слов в высказывании, а типовое, воспроизводимое

в структуре предложения отношение одной его структурной части (полнозначительного слова) к другим — такая структурная часть и оказывается членом предложения» [Головин 1994: 103].

Нельзя проигнорировать на уроках и употребление сочетаний слов категории состояния и инфинитива **в безличном предложении**. Подобные сочетания выражают грамматические значения необходимости, желательности, возможности или невозможности: *нужно (надо, необходимо, пора, важно, полезно, желательно, можно, невозможно) приехать*. При наличии же слов *трудно, легко, нелегко, просто* «устанавливаются возможности осуществления действия, выраженного инфинитивом, в зависимости от связанного с конкретными условиями способа совершения этого действия». То есть налицо совмещение выражения возможности действия и способа его осуществления³: *Это задание легко (нелегко, трудно, просто) выполнить*.

Отдельно остановимся на слове *необходимо*, с которым нередко сочетается инфинитив. Это слово выражает модальную семантику должествования в категоричной форме и характерно для книжной речи. «Выражаемое им побуждение к действию часто ощущается как имеющее внешний по отношению к человеку, “объективный” источник» [Зеленин, Руднев 2018: 50].

В лингвистике выделяется **группа инфинитивных предложений**. Наряду со сходством с безличными предложениями (выражают независимое действие, не соотношенное с деятелем), они имеют и специфические черты: во-первых, сказуемое, входящее в их грамматическую основу, выражено независимым инфинитивом; во-вторых, если в безличных предложениях независимое действие представлено как протекающее во времени, то инфинитивным предложениям свойственно отсутствие форм времени⁴.

Предложения, относящиеся к инфинитивным, выражают: 1) категорические приказы и призывы, будучи синонимичными

³ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис: учебн. пособие для педаг. институтов. — 4-е изд. — М., 1973. — С. 93.

⁴ Современный русский литературный язык: учебник / под ред. П. А. Леканта. — М., 1982. — С. 296.

определенно-личным предложениям со сказуемым в повелительном наклонении (*Встать!* — *Встаньте!*); 2) долженствование (*Быть метели!*); при этом дополнение, обычно стоящее в дательном падеже, называет лица или предметы, долженствующие осуществить намеченное действие; 3) возможность (*Почему нам не поработать?*); в такие предложения обязательно входит вопросительное местоимение или наречие; 4) желательность (*Сходить бы в театр!*) или советы (*Тебе бы успокоиться!*); обязательный элемент таких предложений — частица *бы*⁵.

По мнению А. Н. Гвоздева, промежуточную группу между инфинитивными и безличными предложениями составляют предложения с отрицательными местоименными словами *некого, нечего, некуда, незачем* и др. (*Мне не к кому обратиться*), выражающие «невозможность действия в связи с отсутствием необходимого для его совершения объекта или необходимых обстоятельств, условий»⁶.

В VIII классе рассматривается употребление конструкций, соответствующих модели «не + инфинитив + *бы*». Эта модель «способна выражать не только значение нежелательности, но также значение контрфактичности, однако в этом случае высказывание или его ближайший контекст содержит компонент со значением (гипотетического) условия: *Во-первых, без революции не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора* (А. Битов)» [Дымарский 2015: 27]. В приведенном высказывании контрфактичность (действие со знаком минус) сочетается с указанием на условие, выраженное словами *без революции*.

Предложим восьмиклассникам расширить синтаксические конструкции, дополнив их семантическое поле значением условия (*Не сдать бы мне этот экзамен; Не решить бы мне эту труднейшую задачу; Не сыграть бы мне бетховенскую сонату*). Учащиеся выполняют это задание, включая в структуру предложений как обстоятельства условия, так и придаточные с тем же грамматическим значением, например: *Без помощи друга не решить бы мне эту*

труднейшую задачу и *Если бы не помощь друга, не решить бы мне эту труднейшую задачу*.

В школьной практике преподавания инфинитивные предложения включают в группу безличных. Но при анализе соответствующих односоставных предложений с инфинитивом, входящим в структуру сказуемого, методически целесообразно характеризовать инфинитив как зависимый или независимый. Кроме того, необходимо указывать грамматическое значение, выражаемое каждым предложением с независимым инфинитивом (в приведенный ниже дидактический материал вошли фрагменты из произведений Г. Н. Владимова):

1. Можно ли было провести эту операцию хуже, чем мы ее провели? 2. Не начинать разговора самому, ни о чем не спрашивать, но скромно войти, всем кивнуть глубоко и сесть отдельно... 3. Сколько дают, столько и брать! 4. Что же мелочиться? Ты бы уж всю армию у меня прихватил. 5. И автомат пришлось отдать. 6. Счастливо тебе все пройти. 7. Парню отдохнуть бы. Нервы подлечить — и в строй. 8. Не унять было дрожи в руке, державшей трубку. 9. Еще другим должно нравиться. 10. Ну, где у вас та комната? Может, мне вам ее показать? 11. В эту комнату не входить. 12. Незачем голову забивать. 13. Было приятно узнать, что за ним наблюдали пристально и так неназойливо, что он этого не замечал... 14. Силами одной армии Предславль же не взять.

В предложениях 1, 5, 6, 8, 9, 12, 13 встречается зависимый инфинитив, входящий в составное глагольное сказуемое (*можно было провести, пришлось отдать, счастливо пройти, не унять было, должно нравиться, незачем забивать, было приятно узнать*). В остальных предложениях встречаются независимые инфинитивы со значением долженствования (2, 14), приказа (3, 11), возможности (4, 10), совета (7). Отдельно отметим, что в предложении 10 значение возможности совершения действия усиливается лексически — употреблением вводного слова со значением предположения *может*.

При изучении **однородных членов предложения** обращаем внимание восьмиклассников на следующую грамматическую ошибку — употребление в рамках одного блока однородных членов имени существительного и инфинитива:

⁵ Гвоздев А. Н. Указ. соч. — С. 95–96.

⁶ Там же. — С. 97.

Я обожаю танцы и петь. Налицо парадоксальная ситуация: прямое дополнение и часть составного глагольного сказуемого, выражающая основное лексическое значение последнего, занимают синтаксическую позицию однородных членов, и они, соответственно, связаны друг с другом на основе сочинительной связи.

В этом случае на этапе исправления ошибки инфинитив превращается в отглагольное существительное (*Я люблю танцы и пение*) или же существительное (если это возможно) — в инфинитив (*Я люблю танцевать и петь*). В первом случае перед нами однородные прямые дополнения, во втором — однородные составные глагольные сказуемые с общим вспомогательным глаголом — инфинитивом.

Разграничение вводных словосочетаний, в состав которых входит инфинитив, и членов предложения непосредственно связано с пунктуационной нормой: как известно, вводные конструкции выделяются при помощи запятой. В состав вводных словосочетаний с указанной выше структурной особенностью входят такие конструкции, как *может быть, должно быть, надо полагать* (значение предположения), *так сказать* (замечание о способе оформления мысли).

В VIII классе школьники выполняют задание по идентификации синтаксических структур с пропуском знаков препинания. При этом обязательным является развернутое обоснование школьником своего мнения. Приведем пары таких предложений:

1. Может быть ты вернешься к своим повседневным делам? — Твое предположение о дальнейшем ходе исторических событий может быть оригинальным, неожиданным. 2. Я должен был поторопиться со своим выводом. — Твое решение должно быть продуманным. 3. Сергей надо полагать не прочитал инструкцию. — Надо полагать что раньше жизненный ритм у людей был совсем другой. 4. Игорь так сказать тот еще юморист. — Надо умудриться так сказать.

Кроме того, школьники могут сами придумывать похожие пары предложений.

В сложносочиненных предложениях независимый инфинитив в функции простого глагольного сказуемого может входить в каждую из грамматических основ наряду с подлежащим, а сами предикативные части в этом случае связываются

противительный союз. Именно на такие синтаксические конструкции обращает внимание В. В. Виноградов (предложения типа *Люди пировать, а мы горевать*). По его мнению, «противопоставленные здесь действия не прикреплены ни к какому определенному времени. Они осознаются как обычные и как взаимообусловленные, как параллельно возникающие и протекающие» [Виноградов 1972: 476]. Отметим, что нередко в таких предложениях инфинитивы отличаются созвучием и даже рифмуются.

По этой семантико-синтаксической модели девятиклассники придумывают предложения (*Сергей книги умные читать, а Игорь песни веселые распевать; Мать ребенка своего качать, а отец о вольво мечтать*).

Независимый инфинитив может входить **в состав придаточного предложения в рамках сложноподчиненной конструкции**. В этом случае девятиклассникам дается для осмысления предложения с заданием указать в каждом конкретном случае вид придаточного:

1. Сергей не знал, что ему **делать** после печального известия о тяжелой болезни отца. (Придаточное изъяснительное.) 2. Ирина увидела чудесный дом, в котором ей **жить и жить**. (Придаточное определительное.) 3. Кому в эмпиреях **вытаты**, тому и горя-то не знать. (Местоименно-определятельное придаточное.) 4. Если внимательно **читать** научные книги, то можно познать методы исследования самой жизни. (Придаточное условия.) 5. Где **родиться**, там и трудиться. (Придаточное места.) 6. Лучше один раз увидеть, чем сто раз **услышать**. (Придаточное сравнения.) 7. Он так быстро уехал в город, чтобы **поступить** в университет. (Придаточное степени с дополнительным значением цели.) 8. Он уехал в город, чтобы **поступить** в университет. (Придаточное цели.)

Отдельно скажем о придаточном цели: если действия, называемые главным и придаточным предложениями, совершаются разными лицами, инфинитив не употребляется. Аргументируя этот тезис, А. Н. Гвоздев приводит следующие примеры: *Чтобы не проспать, отец завел будильник. — Чтобы отец не проспал, мать завела будильник*⁷. Кроме того, придаточное цели с инфинитивом нередко можно заменить

⁷ Гвоздев А. Н. Указ. соч. — С. 277.

простым предложением с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, в связи с чем трансформируем последнее предложение из приведенного выше упражнения: *Он уехал в город поступать в университет*. Ресурсы синтаксической синонимии активно используются при подготовке заданий для школьников.

Манипулятивные глаголы (*позволять, заставлять, требовать, разрешать, запрещать, велеть, приказывать* и др.) «в целом склонны присоединять инфинитив, а не придаточное. Это отвечает положениям “иерархии связанности”: манипулятивные глаголы предполагают тесную связь между ситуациями» [Пекелис 2014: 16]. Отметим, что имеется в виду возможность присоединения придаточного изъяснительного, а не цели, в связи с чем в качестве примера приведем простое предложение с дополнением, выраженным инфинитивом, и сложноподчиненное предложение с придаточным цели с общим манипулятивным глаголом: *Я от Алексея **требовал** вернуться в родной дом и Я от Алексея **требовал**, чтобы он развивался как личность*.

Независимый инфинитив может войти и в структуру **бессоюзного сложного предложения**. Так, с точки зрения Н. Н. Холодова, разделительно-мотивировочные синтаксические конструкции со словами *иначе, в противном случае* в начале второй предикативной части могут быть легко соотнесены со сложносочиненными предложениями с разделительными союзами, например: *Александр, сруби две мачты, иначе мне не успеть*⁸. Вместо слова *иначе* может быть употреблен союз *или*.

Независимый инфинитив может употребляться и в бессоюзных сложных предложениях с грамматическими значениями условия и следствия; ср.: *Биться в одиночку — жизни не перевернуть* (Н. Островский); *Хвалы приманчивы — как их не пожелать!* (И. Крылов).

Охарактеризованный выше подход к бессоюзному сложному предложению выводит нас за рамки пунктуационной

проблематики, к которой нередко сводится изучение этой разновидности сложного предложения в школе [Соловьёва 2018: 15].

После изучения видов сложного предложения девятиклассники выполняют упражнение, нацеливающее их на группировку синтаксических конструкций с инфинитивами. Приведем пример упражнения, в которое входят русские пословицы:

1. В большом месте сидеть — много надобно ума иметь. 2. На палатах лежать, так и ломтя не видать. 3. Силою милу не быть. 4. Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить. 5. Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть. 6. Идти внаймы — принимать кабалу. 7. Не бывать калине малиною. 8. В камень стрелять — только стрелы терять. 9. В сиротстве жить — слезы лить. 10. Добро творить — себя веселить. 11. За деревьями леса не видать. 12. Лучше молчать, нежели врать. 13. Где жить, там и слыть. 14. Муж в поле пахать, а жена руками махать.

Девятиклассники группируют предложения следующим образом: двусоставные предложения с грамматическими основами, выраженными независимыми инфинитивами (1, 4, 6, 9, 10); простые инфинитивные предложения (3, 7, 11); сложносочиненные предложения с двусоставными частями (14); придаточные инфинитивные предложения со значениями цели (5), сравнения (12) и места (13), инфинитивные предложения в составе бессоюзных сложных предложений со значениями следствия (2) и условия (8).

В IX классе учащимся предлагается для лингвостилистического анализа стихотворение Б. Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...». На начальном этапе деятельности школьники осмысливают содержание произведения, в котором ярко выражена мысль о том, что подлинное творчество художника невозможно без внутренней, кровной связи с окружающим миром, без связи, которая «не убивает» индивидуальность человека, а позволяет ей раскрыться в полной мере. Главное — быть живым, главное — самоотдача, а не шумиха, успех, слава, о которых подлинная творческая личность не должна задумываться.

Далее перед учащимися ставится задача — сгруппировать предложения, в которых встречается инфинитив, и свое решение обосновать. Эта классификация отражена в следующей таблице:

⁸ Современный русский литературный язык: учебник / под ред. П. А. Леканта. — М., 1982. — С. 370.

Таблица

Вид синтаксической конструкции с инфинитивом	Примеры с комментариями
Подлежащее, выраженное сочетанием инфинитива с именной частью речи	<i>Быть знаменитым</i> некрасиво <i>Позорно, ничего не знача,</i> <i>Быть притчей</i> на устах у всех
Зависимый инфинитив, сочетающийся со словом категории состояния в безличном предложении (осложненная форма составного глагольного сказуемого)	<i>Но надо жить</i> без самозванства... <i>И надо оставлять</i> пробелы <i>В судьбе, а не среди бумаг...</i> <i>И окунаться</i> в неизвестность, <i>И прятать</i> в ней свои шаги... (в двух последних примерах опущено слово категории состояния <i>надо</i>)
Зависимый инфинитив, сочетающийся с кратким прилагательным в двусоставном предложении (осложненная форма составного глагольного сказуемого)	<i>Но пораженъ от победы</i> <i>Ты сам не должен отличать</i> <i>И должен ни единой долькой</i> <i>Не отступаться</i> от лица...
Зависимый инфинитив, сочетающийся с прилагательным в двусоставном предложении (осложненная форма составного именного сказуемого)	<i>Но быть живым, живым</i> и только... (в примере опущено краткое прилагательное <i>должен</i>)
Придаточное образа действия с дополнительным значением цели с независимым инфинитивом (односоставная конструкция)	<i>Так жить, чтобы в конце концов</i> <i>Привлечь</i> к себе любовь пространства, <i>Услышать</i> будущего зов
Придаточное времени с независимым инфинитивом (односоставная конструкция)	<i>Как прячется в тумане местность,</i> <i>Когда в ней не видать</i> ни зги

Прежде всего учащиеся выделяют грамматические основы, в которых подлежащее выражено сочетанием инфинитива с именной частью речи, прилагательным или существительным (*быть знаменитым некрасиво, позорно быть притчей*). Синтаксические конструкции, встречающиеся в первых двух строфах, передают этическую позицию поэта, для которого суэта вокруг творческой личности и самореклама последней просто-напросто неприемлемы. Причем употребление односложного слова-инфинитива делает речь резкой, что соответствует поучительной направленности стихотворения, которое не может не восприниматься как нравственный императив.

И не удивляет, что далее поэт активно использует в безличных конструкциях составные глагольные сказуемые, состоящие из сочетания слова категории состояния *надо* со значением необходимости с инфинитивами *жить, оставлять, окунаться, прятать*. При этом слово *жить* выражает предельно обобщенное содержание, которые впоследствии конкретизируется поэтом: *надо жить*, т. е. «оставлять пробелы в судьбе», «окуна-

в неизвестность», «прятать в ней свои шаги» (симптоматична ассоциация с миром природы: *Как прячется в тумане местность, // Когда в ней не видать ни зги*).

Обратим особое внимание на сложноподчиненные предложения, в придаточных частях которых встречается независимый инфинитив. При помощи этого инфинитива характеризуется действие, соотношенное с определенной целью или временным отрезком. Причем фиксация субъекта действия отсутствует, что принципиально важно: в лирическом стихотворении, которое претендует на утверждение истины, максимы, имеющей отношение к этике творчества, должна присутствовать высокая степень обобщенности суждений, ибо они не могут быть распространены только на одну личность.

После развернутой аналитической деятельности школьники создают собственные тексты в художественном или публицистическом стиле, в которых должны быть представлены различные виды синтаксических конструкций с инфинитивом. Предлагаемые им темы сочинений выражены следующими афоризмами:

1. Протягивая руку друзьям, не надо сжимать пальцы в кулак. (Диоген). 2. Не доверять друзьям позорнее, чем быть ими обманутым. (Ф. Ларошфуко). 3. Ты не должен сердиться на друга, который, желая тебе добра, заставит тебя очнуться от сладких грез, если бы даже он сделал это несколько сурово и грубо. (В. Скотт).

Само наличие в структуре афоризмов инфинитивов и слов, к которым некоторые из них относятся (*надо, не должен*), определяет логику долженствования, которая является определяющей в содержании творческих работ.

Сделаем **выводы**.

Работа с инфинитивом охватывает многие разделы синтаксиса: грамматическая основа предложения, второстепенные члены предложения, односоставные предложения, предложения с однородными членами и вводными словосочетаниями, сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные сложные предложения. При их изучении нужно особое внимание уделять употреблению независимого инфинитива.

Главное место в деятельности школьников занимает идентификация грамматических явлений языка и выявление их функций. При этом следует выделить группировку синтаксических конструкций по тому или иному признаку, а также их трансформацию, опирающуюся на потенциал синтаксической синонимии, и, конечно же, составление собственных предложений в соответствии с определенной моделью.

Работа с текстом, грамматически сфокусированная, расширяет представление школьников о функциях инфинитива. На основе этой деятельности, близкой к исследовательской, девятиклассники выполняют творческое задание в художественном или публицистическом стиле.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972.

Головин Б. Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. — Нижний Новгород, 1994.

Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. — 2015. — № 5. — С. 26–48.

Зеленин А. В., Руднев Д. В. Модальное наречие «необходимо»: русский иностранец // Русский язык в школе. — 2018. — № 1. — С. 45–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-45-51.

Пекелис О. Е. Инфинитив vs Придаточное с союзом «чтобы»: к вопросу о выборе способа оформления актанта в русском языке // Вопросы языкознания. — 2014. — № 4. — С. 13–45.

Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980.

Соловьёва С. А. Бессоюзное предложение: проблемы изучения в школьной грамматике // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 12–17. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-12-17.

REFERENCES

Vinogradov V. V. Russian language: Grammatical teaching about the word. 2 ed. Moscow, 1972. (In Rus.)

Golovin B. N. Fundamentals of the theory of syntax of the modern Russian language. Nizhny Novgorod, 1994. (In Rus.)

Dymarsky M. Ya. Infinitive statements with the semantics of undesirability: type, time, face, typical values. In *Voprosy yazykoznaniya* [Topic sin the study of language]. 2015, No. 5, pp. 26–48. (In Rus.)

Zelenin A. V., Rudnev D. V. Modal adverb «necessary»: Russian foreigner. In *Russkii yazyk v shole* [Russian language at school]. 2018, No. 1, pp. 45–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-45-51. (In Rus.)

Pekelis O. E. Infinitive vs Subordinate with the Union «to»: on the question of choosing the method of registration of actants in the Russian language. In *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 2014, No. 4, pp. 13–45. (In Rus.)

Russian grammar. Vol. 1 / ed.-in-chief N. Yu. Shvedova. Moscow, 1980. (In Rus.)

Solovyova S. A. Conjunctionless sentence: problems of study in the school grammar. In *Russkii yazyk v shole* [Russian language at school]. 2018, No. 7, pp. 12–17. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-12-17. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой словесности и культурологии, Нижегородский институт развития образования; ул. Ванеева, д. 203, г. Нижний Новгород, 603122, Россия

Mstislav I. Shutan, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Head of the Department of Literature and Cultural Studies, Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education; 203 Vaneev str., Nizhny Novgorod, 603122, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-23-30

Система развивающих изложений для V–XI классов

Марианна Юрьевна Борщевская

*Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: mamarianna@rambler.ru*

Цель автора статьи – обосновать обращение к изложению как синтезирующей и развивающей форме учебной деятельности с V по XI класс. Поэтому основными задачами являются раскрытие потенциала изложения неизученного художественного текста и создание методической системы развивающих изложений, соотносенных с изучаемым материалом на уроках русского языка и литературы. При создании системы изложений проведен анализ исследований, отражающих ведущие тенденции в области методики преподавания русского языка (сближение уроков русского языка и литературы, метапредметность, моделирующая и интерпретирующая деятельность, лингвокультурологический и концептный анализ), а также результатов педагогической практики. Представленная система с комплексом постепенно усложняющихся заданий к каждому из текстов развивает как логическую, так и чувственно-эмоциональную сферу мышления обучающихся; помогает формированию творческой языковой личности, читательских навыков, а также учитывает требования, предъявляемые к выпускникам во время государственной итоговой аттестации, способствуя более успешному ее результату.

Ключевые слова: *учебная деятельность; грамматический материал; взаимосвязь уроков русского языка и литературы; моделирование; стилизация; метапредметность; проблема*

Ссылка для цитирования: Борщевская М. Ю. Система развивающих изложений для V–XI классов // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 23–30. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-23-30.

System of Developing Writing Assignments (*Izlozhenie*) for Grades 5–11

Marianna Yu. Borshevskaya

*Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education, Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: mamarianna@rambler.ru*

The aim of the study was to justify the choice of such a writing assignment as a written reproduction (Rus: *izlozhenie*) as a synthesizing and developing form of educational activity in grades 5–11. To this end, the educational potential of reproducing an unfamiliar literary text was revealed, and a methodological system of developing written reproductions was created in correlation with the material being taught during the lessons of Russian language and Russian literature. When creating a system of written reproduction assignments, an analysis of studies reflecting the leading trends in the methodology of Russian language teaching (i.e. the convergence of lessons of the Russian language and Russian literature, meta-subjects modeling and interpreting activities, linguocultural and conceptual analyses), as well as the results of pedagogical practice, was carried out. The presented system with a complex of assignments gradually increasing in complexity develops both the logical and sensory-emotional sphere of students' thinking, facilitates the formation of a creative linguistic personality and reading skills, as well as takes into account the requirements for graduates during the State final certification, contributing to a more successful result.

Keywords: *educational activity; grammar material; the relationship of the lessons of the Russian language and Literature; modeling; stylization; meta-subject matter; problem*

A reference for citation: Borshevskaya M. Yu. System of developing writing assignments (*izlozhenie*) for grades 5–11. In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 23–30. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-23-30.

Введение. Практические задачи подготовки к государственным экзаменам нацеливают учителя и обучающихся на сжатое изложение текста. Однако изложение как вид учебной деятельности, не теряющей своей актуальности вплоть до XI класса, обладает огромным потенциалом, зачастую игнорируемым. Деятельность эта не

исчерпывается вычленением микротем и ключевых слов, запоминанием и кратким воспроизведением текста. Она может быть более многогранной, яркой, эмоциональной и творческой. А ученик, развивающийся как языковая личность, как читатель, легче справится и с устным собеседованием, и с заданиями на письменном

экзамене: сжатым изложением, информационной обработкой текста, сочинением.

При восприятии и воспроизведении текста, по мнению психолингвистов, происходят сложные процессы перекодирования, т. е. свертывания словесной информации и разворачивания «смысловых сгустков» в слова [Жинкин 1982]. Интенсивности этих процессов способствует положительный эмоциональный отклик учащихся на предлагаемый учителем текст. «Ценность изложения в том и состоит, что это одно из немногих упражнений, создающих идеальные условия для тренировки речемыслительных механизмов в условиях взаимосвязанного обучения двум разнонаправленным видам речевой деятельности»¹. Поэтому вопрос отбора текстов и комплектования заданий к ним оказывается весьма непростым.

Методы исследования. На основе анализа тенденций современной науки о языке и методики преподавания предмета мы пытались обобщить и систематизировать практический педагогический опыт работы в обозначенном выше направлении.

Обсуждение и результаты. Предлагаемая нами методическая система основывается на двух принципах: обращении к изложению преимущественно классических художественных текстов как высочайших образцов функционирования языка и на тесной взаимосвязи уроков русского языка с уроками литературы, в учительской практике существующими раздельно.

Каждый из текстов изложения служит решению определенных задач в соответствии с программой по русскому языку, а также соотносится с программой по литературе, актуализируя контекстный подход к изучению произведений, развивая аналитические навыки и творческие способности обучающихся. Кроме того, изложение художественного текста с сохранением особенностей языка и стиля писателя оказывает суггестивное воздействие на учеников, и подчас эти особенности неосознанно ими воспроизводятся (пусть и в редуцированной форме) в той части письменной работы, которая основана на самостоятельном рассуждении по поводу прочитанного, или в каком-либо творческом задании.

Такие изложения с комплексом аналитических, интерпретационных и творческих заданий могут проводиться один раз в год. По необходимости это может быть учебная пара: есть смысл начать работу с художественным произведением на уроке литературы и, переведя фокус внимания на языковые особенности текста, продолжить ее на уроке русского языка. При этом учитель может отдельно оценивать разные части такой комплексной ученической работы, выставляя оценки как по литературе, так и по русскому языку.

Приведем примеры подобных развивающих изложений, показав их соотносительность с программами по русскому языку и литературе в V–XI классах (см. табл.).

Таблица

Класс	Вид изложения	Художественное произведение (фрагмент) для изложения	Актуальный лингвистический материал в программе по русскому языку	Связь текста изложения с программой по литературе
V	Подробное изложение фрагмента произведения с сохранением авторских тропов и устным творческим заданием	Сказка О. Уайльда «Соловей и роза» в пер. М. Благоченской	Признаки текста, стили и типы речи; описание предмета; речь монологическая и диалогическая	Литературная сказка. Художественный образ
VI	Изложение эпизода с сохранением деталей авторского стиля и письменным творческим заданием моделирующего типа	Рассказ А. Грина «Голос и глаз»	Глагол и его особые формы. Предложение простое и сложное	Жанр рассказа и повести. Феерия А. Грина «Алые паруса». Образ мечты

¹ Капинос В. И., Сергеева Н. Н., Соловейчик М. С. и др. Сборник текстов для изложений с лингвистическим анализом: 5–9 кл.: книга для учителя. – М., 1991. – С. 8.

Окончание таблицы

Класс	Вид изложения	Художественное произведение (фрагмент) для изложения	Актуальный лингвистический материал в программе по русскому языку	Связь текста изложения с программой по литературе
VII	Изложение, близкое к тексту, с воспроизведением композиции в форме рондо; сочинение-стилизация с цитатой по выбору	Стихотворение в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» (с использованием мелодекламации на музыку А. Аренского)	Дефис в наречиях, правописание глаголов, причастий и деепричастий, обособление причастных и деепричастных оборотов	Рассказ И. Тургенева «Бирюк». Роль эпизода в эпическом произведении. «Русский язык», «Два богача»: жанр стихотворения в прозе
VIII	Выборочное изложение с сохранением ключевых художественных деталей и образов-символов; письменный ответ на проблемный вопрос на основе сопоставительного анализа	Рассказ В. Гаршина «Attalea Princeps»	Виды сказуемых, односоставные предложения, разные виды осложнения простого предложения, способы передачи чужой речи	Романтизм, романтический герой, романтический конфликт. Поэма М. Лермонтова «Мцыри»
IX	Устное изложение с комплексным анализом текста и письменным ответом на вопрос на основе базового концепта	Стихотворение в прозе И. Тургенева «Памяти Ю. П. Вревской»	Сложные предложения с сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью; пунктуация в них. Подготовка к итоговому собеседованию и ОГЭ по русскому языку	Литературные эпохи и направления. Страницы русской классики. Тип литературного героя. Подготовка к ОГЭ по литературе
X	Изложение, близкое к тексту, с комплексом заданий по стилистическому анализу текста и ответом на проблемный вопрос (контекстный подход)	Фрагмент главы «Луковка» из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»	Текст как самая крупная единица синтаксической системы. Способы выражения темы. Связь предложений в тексте	Роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Духовно-нравственные искания героев русской литературы второй половины XIX века
XI	Изложение с грамматической установкой на воспроизведение стиля автора и комплекс аналитико-интерпретационных заданий с элементами экспериментально-исследовательской деятельности	Эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин» (фрагмент)	Обобщение изученного: жанр эссе, вводные и вставные конструкции, риторические вопросы, авторские знаки пунктуации. Подготовка к сочинению и ЕГЭ по русскому языку	Творчество М. Цветаевой в контексте Серебряного века; повторение ранее изученных произведений А. Пушкина. Подготовка к сочинению и ЕГЭ по литературе

V класс. О том, как можно поработать с текстом сказки О. Уайльда «Соловей и роза» на уроке литературы, мы писали ранее². Это произведение в перево-

де М. Благовещенской содержит богатый материал для знакомства учащихся V класса с тропами, которые легко воспринимаются, так как основаны на ярких визуальных и музыкальных образах. После чтения первой части сказки для изложения на уроке русского языка ребятам предлагается фрагмент со слов «И стала алой

² Борщевская М. Ю. О чем заливался соловей? // Литература. — 2012. — № 3 (731). — С. 21–23.

великолепная роза, подобно утренней заре на востоке» до упоминания о мертвом соловье с острым шипом в сердце. Это описание, пожалуй, наиболее эмоциональный момент сюжета; внимание учащихся, как правило, напряжено до предела. И если они нацелены учителем представлять умышленно описываемое в сказке, то не опустят живописных деталей произведения. При повторном чтении фрагмента дается задание к изложению: воспроизвести и подчеркнуть встретившиеся в тексте эпитеты и сравнения.

Далее сказка учителем специально не читается и создается некоторая игровая интрига. Сообщается, что произведение О. Уайльда на этом не заканчивается, и предлагается задание: «Если бы ты был писателем, как бы закончил сказку “Соловей и Роза”?»

Как правило, большинство учащихся сочиняют счастливый финал, т. е. их мысль движется по алгоритму, словно заданному писателем: Соловей (метафора художника, творца) жертвует собой ради счастья человека. Стремление детей к счастливому концу объяснимо и психологически, и следованием традиции сказочного финала. Но в классе обязательно найдутся дети, которые уловят в тексте детали, предвещающие грустный и более глубокий по мысли финал. Они не отгадают его в точности, да это и не нужно. Но если они попытаются его смоделировать, отойти от колеи *общего места*, их следует отметить и поощрить как наиболее внимательных и чутких к слову писателя читателей.

В VI классе подобную комплексную работу по развитию языка и речи, читательского восполняющего воображения (род антиципации) и мыслительных способностей можно продолжить, обратившись к рассказу А. Грина «Голос и глаз». Текст его содержит актуальный для VI класса грамматический материал: особые формы глагола, предложения с прямой речью. Как показывает опыт, рассказ этот обычно не известен ребятам. Первые две главы произведения читаются в классе учителем, для изложения может быть выбран фрагмент из второй главы рассказа со слов «Меж тем повязка была снята» до начала третьей, заключительной, главы.

Рассказ о любви доброй, самоотверженной, но некрасивой девушки и прекрасного,

мужественного, но ослепшего моряка завораживает ребят. В наиболее интригующий момент повествования, когда Рабид, прозревший после операции, с нетерпением ждет встречи с Дэзи, чтение останавливается учителем и ребятам предлагается завершить рассказ.

Не случайно мы повторяем, как в V классе, задание на моделирование возможного финала произведения. Эта моделирующая деятельность осуществляется «на образной основе как мысленный эксперимент, как мысленное преобразование, как идеальный, предполагаемый образ результата. Эффект такой деятельности очень высок» [Шамрей 2019: 200]. Анализ и обсуждение гипотетических финалов — это не просто проверка творческого читательского воображения, которое оживлено, спровоцировано словом писателя. Это и проверка уровня восприятия и понимания произведения через те модели его окончания, которые предложат ученики, тем более что они уже знакомы с повестью «Алые паруса» и, может быть, самостоятельно читали другие произведения автора. Также мы убеждены, что многие языковые и стилистические особенности текста, вызвавшего эмоции, воспринимаются почти бессознательно, на чувственном уровне, т. е. стилистический слух и память сродни слуху и памяти музыкальным. Одновременно это обострение любопытства к дальнейшему развитию сюжета и подготовка к восприятию и осмыслению писательского финала.

В VII классе ребятам можно предложить для прослушивания и изложения произведение синтетического жанра, усиливающего метапредметную направленность обучения. О. Е. Дроздова указывает на два направления такого обучения: деятельность, предусматривающую выход из предмета «Русский язык» в другие предметные области, и деятельность, выявляющую в других предметных областях аспекты применения русского языка [Дроздова 2016]. Соединение музыкального и словесного искусства в одном произведении как раз дает возможность реализации двух этих направлений.

На слова тургеневского стихотворения в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» композитором А. Аренским написана мелодекламация. Для изложения в VII классе можно использовать

именно прослушивание мелодекламации (рекомендую исполнение Сати Спаваковой и Алексея Горюбола: <https://www.youtube.com/watch?v=oNZC0yAfyE8>), так как музыка усиливает лиризм и эмоциональное воздействие, подчеркивает своеобразие композиции и настроения словесного текста. Повторяющаяся строчка И. Мятлева, разделяющая фрагменты стихотворения, является рефреном (обозначим его буквой R) и придает тексту форму рондо (от франц. 'круг'). Рондо — это форма, встречающаяся как в музыке, так и в литературе, поэтому в мелодекламации она проявлена в языке обоих искусств: строчка Мятлева сопровождается вальсовым напевом. Это отчетливо слышится и помогает зафиксировать последовательность эпизодов, на которую учащиеся будут опираться при воспроизведении текста как на план:

R — зима — R — любовь — R — зима — R — семья — R — зима — R.

В слабом классе второе прослушивание может сопровождаться одновременным зрительным чтением текста.

После написания изложения предлагается вопрос для небольшого письменного ответа: «Как музыка помогает ярче почувствовать и глубже понять произведение Тургенева?» При проверке всей работы ответ на вопрос оценивается отдельно.

По окончании работы можно дать домашнее задание творческого характера: создать собственный текст-стилизацию, обыграв в качестве рефрена, как у Тургенева, одну из стихотворных строчек по выбору:

Снег идет, снег идет... (Б. Пастернак).
Хорошо быть молодым... (Ю. Мориц).

Написание стилизации основано на соединении репродуктивной и творческой деятельности учащихся: по образцу тургеневского текста выбранная стихотворная строчка должна приобрести свойства рефрена, запускающего ассоциативный механизм авторского сознания, при этом у каждого автора-ученика это будут собственные, неповторимые картины, образы, размышления. Следовательно, это будет уже его собственный художественный текст — мысль, выраженная через образ.

В VIII классе после изучения поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» интересно

обратиться к рассказу В. М. Гаршина «Attalea Princeps»: в рассказе присутствует романтическая антитеза и романтическая символика, сюжет, как и в лермонтовской поэме, основан на стремлении героя вырваться из замкнутого пространства. Также рассказ изобилует актуальным для VIII класса грамматическим материалом — всеми видами сказуемых, примерами односоставных и осложненных простых предложений. Обращение к этому тексту актуализирует элементы лингвокультурологического анализа в совокупности с обучением интерпретации, что, по мысли О. Н. Левушкиной, обеспечивает осмысление целостности текста [Левушкина 2017].

После прочтения рассказа во время фронтальной работы с классом определяется последовательность эпизодов:

1. Оранжевая. 2. Пальма. 3. Споры растений. 4. «Умру или освобожусь!» 5. Победа и смерть.

Затем обращаем внимание учащихся на яркие символические образы (они же — ключевые слова), характеризующие конфликт, который положен в основу сюжета: небо, свет солнца, железные рамы оранжевой, гордая пальма, маленькая травка. Для изложения предлагаются два заключительных эпизода рассказа (это могут быть и другие эпизоды, например 1 и 3 или 2 и 4, по усмотрению учителя), а также задания:

1) выпишите составные именные и составные глагольные сказуемые и охарактеризуйте их;
2) сформулируйте проблему, содержащуюся в рассказе Гаршина, в виде вопросительного по цели высказывания предложения;

3) ответьте на вопрос: «Как в рассказе представлена идея романтического двоемирия?» При ответе на вопрос опирайтесь на выделенные ключевые слова (3–5 предложений);

4) подготовьте рассуждение на тему «В чем сходство и отличие образов Мцыри из поэмы Лермонтова и пальмы из рассказа Гаршина» (до 10 предложений).

В IX классе обращение к стихотворению в прозе И. С. Тургенева «Памяти Ю. П. Вревской» интересно по нескольким причинам. Во-первых, в стихотворении содержатся сложные предложения с сочинительной, подчинительной, бессоюзной и комбинированной связью, которые изучаются в этом классе по программе. Во-вторых, написанное на основе достоверных фактов,

оно являет читателю образец жизни-подвига, показывает реального человека, воплотившего в себе качества, которые дают возможность исследователям и критикам творчества писателя говорить о литературном типе «тургеневской девушки» (в VIII классе ребята уже изучили повесть И. С. Тургенева «Ася» и имеют первоначальное представление об этом типе). Кроме того, заключая в себе черты очерка, это произведение может быть использовано в качестве дидактического материала при подготовке обучающихся к итоговому собеседованию в IX классе, а также к сочинению в формате ЕГЭ по русскому языку в XI классе. Умение видеть стилистические особенности текста, формулировать его основную мысль, содержащуюся в нем проблему — все это может базироваться на методике концептуального подхода. Так, В. В. Гаврилов предлагает поэтапную деятельность в этом направлении: «выявление ключевых слов», «определение базового концепта» и «описание концептуального пространства» [Гаврилов 2019: 39].

Поэтому данные ниже вопросы и задания соотносены с этой методикой, а также с заданиями и проверяемыми навыками в названных формах аттестации.

1. Прочитайте внимательно текст про себя и приготовьтесь к выразительному чтению вслух.
2. Определите тип текста, приведите аргументы.
3. Выделите смысловые части (микротемы) текста, к каждой из них запишите ключевые слова.
4. Назовите базовый концепт прочитанного текста (например, «Патриотизм», «Жертвенность» или «Самоотверженность»). Поясните свою точку зрения.
5. Охарактеризуйте особенности стиля, приведите примеры.
6. Перескажите текст, сохранив элементы авторского стиля (устное изложение).
7. Сформулируйте 2–3 вопроса, связанных с проблемой, содержащейся в тексте.
8. Расскажите о людях, горящих желанием помогать другим. Почему они делают это? Свой ответ запишите (до 10 предложений).
9. Домашнее задание. Какие виды повторов, придающих ритмичность тексту, присутствуют в стихотворении И. С. Тургенева «Памяти Ю. П. Вревской»?

Комментируя домашнее задание, следует обратить внимание учащихся на то, что

в тургеневской прозе явно ощутим ритм как одно из проявлений ее музыкальности. Об этом не раз писали исследователи творчества писателя. Здесь уместно будет вспомнить стихотворение в прозе «Как хороши, как свежи были розы...», к которому ребята обращались в VII классе. В нем ритмическая организация была положена в основу композиции текста и подчеркивалась музыкой.

В X классе можно обратиться к главе «Луковка» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (часть третья, книга седьмая). Сначала фрагмент главы (рассказ Грушеньки о злой бабе и ее ангеле-хранителе) читает учитель и предлагает «атрибутировать» текст, т. е. высказать предположения, кому из известных писателей XIX в. он мог принадлежать и почему. Расчет не только на точное «попадание в цель», угадывание (возможно, кто-то и читал роман), но и на аргументацию, которая должна строиться на прочувствовании эмоционально-нравственного заряда, интенции автора, что вообще свойственно русской классике.

Учитель раскрывает интригу, называя автора и произведение.

Далее учащиеся работают с текстом и коллективно отвечают на вопросы и выполняют задания.

1. Определите тему текста.
2. Покажите, как смысловая цельность текста находит выражение в его строении.
3. Выпишите ключевые слова, определяющие микротемы. (Абзацы в тексте Достоевского не выделены.)
4. Определите тип текста, приведите аргументацию.
5. Какие свойства и качества текста указывают на стиль речи? (Особенности лексики, морфемки, синтаксиса.)
6. Как можно определить жанр текста, если рассмотреть его как законченный и самостоятельный? Поясните. (Притча; героиня-рассказчица называет это басней. Почему? Можно ли согласиться?)

Затем учащиеся получают задание написать изложение, сохранив выявленные особенности текста, и ответить на вопрос: «Кому из известных вам героев Достоевского мог бы принадлежать подобный рассказ? Поясните свою позицию».

Это пояснение (т. е. мысленное «применение» притчи на героя изученного романа — сложный мыслительный процесс по

определению соответствия или несоответствия содержащейся в ней морали убеждениям конкретного персонажа) выявляет представления учеников о мировоззрении героев Достоевского: Раскольникова, Сонечки, Мармеладова, Катерины Ивановны, Свидригайлова, Лужина... Любопытно, что это соотношение притчи из романа «Братья Карамазовы» с героями «Преступления и наказания» обязательно обнаружит соответствия или несоответствия не только мировоззренческого, но и речевого плана. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что «приближенные уроки русского языка и литературы друг к другу будет способствовать их взаимообогащению» [Шутан 2016: 55].

XI класс. Текст для работы приведем полностью, он должен быть у учащихся перед глазами. Это фрагмент (с купюрами) эссе М. И. Цветаевой «Мой Пушкин». Здесь актуально буквально все: и сам жанр, и яркое проявление личности и стиля автора, и образ героини пушкинского романа, и лингвистический материал, дающий возможность повторения и обобщения изученных тем, и тот эмоционально-нравственный посыл, который содержится в тексте.

Мать ошиблась. Я не в Онегина влюбилась, а в Онегина и Татьяну (и, может быть, в Татьяну немножко больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в нее — немножко больше), не в них двух, а в их любовь. В любовь.

Скамейка, на которой они не сидели, оказалась предопределяющей. Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда целовались, всегда — когда расставались. Никогда — когда садились, всегда — расходились. Моя первая любовная сцена была нелюбовная: он не любил (это я поняла), потому и не сел, любила она, потому и встала, они ни минуты не были вместе, ничего вместе не делали, делали совершенно обратное: он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушел, она осталась, так что если поднять занавес — она одна стоит, а может быть, опять сидит, потому что стояла она только потому, что он стоял, а потом рухнула и так будет сидеть вечно. Татьяна на той скамейке сидит вечно.

Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь — обрекла. <...>

Но еще одно, не одно, а многое, предопределил во мне «Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда — то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда — уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей.

Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества.

У кого из народов — такая любовная героиня? <...>

Все козыри были у нее в руках, чтобы отомстить и свести его с ума, все козыри — чтобы унижить, втоптать в землю той скамьи, сравнять с паркетом той залы, она все это уничтожила одной только обмолвкой: «Я вас люблю, — к чему лукавить?»

К чему лукавить? Да к тому, чтобы торжествовать! А торжествовать — к чему? А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны — внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда — в зачарованном кругу сада, — в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда — непонадобившаяся, сейчас — вожденная, и тогда и ныне — любящая и любимой быть не могущая.

Все козыри были у нее в руках, но она — не играла.

Да, да, девушки, признавайтесь — первые, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почетных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них — и вы будете в тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы³.

1. Что привлекает М. И. Цветаеву в образе Татьяны Лариной?

2. Есть ли противоречие в характере пушкинской героини? Аргументируйте свою точку зрения примерами из прочитанного фрагмента.

3. Проследите, как автор в этом отрывке сочетает элементы разных типов текста.

4. Определите роль в тексте вставных конструкций, риторических вопросов и синтаксического параллелизма.

5. Покажите на примерах, что лексические повторы могут быть средством выразительности, а не речевой ошибкой.

6. Выпишите из текста 2–3 примера с авторскими тире. Рядом запишите эти предложения

³ Цветаева М. И. Проза: автобиографическая проза. Воспоминания о поэтах. Мой Пушкин. Литературно-критические статьи. — Кишинев, 1986. — С. 348–349.

без авторских знаков и мысленно поместите их в текст на соответствующие места. Сделайте вывод о том, чего лишается цветаевская проза без авторской пунктуации.

7. Напишите подробное изложение второй части текста со слов «Урок смелости». Постарайтесь сохранить черты авторского стиля.

Если первый вопрос направлен на выяснение общего понимания прочитанного, то второй вопрос носит проблемный характер, так как предполагает возможность разных ответов, связан с личностным восприятием, интерпретацией образа героини и представлениями о счастье. Вопрос 3 связан с повторением типов речи, а вопросы 4–6 направлены на повторение важных тем по синтаксису и пунктуации. Кроме того, выполнение задания 6 основано на элементах экспериментально-исследовательской деятельности. И, наконец, написанию изложения с сохранением авторского стиля (задание 7) помогает выполнение всех предыдущих заданий.

Выводы. Подобная комплексная работа с художественными текстами и постепенным усложнением заданий к ним развивает не только умения воспринимать устную и письменную речь, а затем воспроизводить услышанное и прочитанное, но и умения анализировать, синтезировать, формулировать собственную мысль, основанную на эмпатии, без которой невозможно целостное восприятие художественного текста и коммуникация в современном мире. Эта работа, проводимая в системе с V по XI класс, дает положительные результаты: поддерживает интерес к предметам «Русский язык» и «Литература», помогает ощутить и осмыслить их неразрывную связь, позволяет обучающимся ярче проявить свои индивидуальные особенности, мотивирует к углубленному изучению предмета.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов В. В. Определение проблемы в тексте Единого государственного экзамена по

русскому языку: концептуальный подход // Русский язык в школе. — 2019. — № 2. — С. 35–40. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-35-40.

Дроздова О. Е. Метапредметное обучение русскому языку в школе: теория и пути практического воплощения: монография. — М., 2016.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982.

Левушкина О. Н. Тексториентированный урок русского языка на основе лингвокультурологической характеристики текста // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / под ред. Н. Л. Мишатиной. — СПб., 2017. — С. 180–193.

Шамрей Л. В. Роль образно-ассоциативного мышления в развитии читателя-школьника: монография. — Нижний Новгород, 2019.

Шутан М. И. Что это за предмет такой — «русский язык и литература»? // Литература. — 2016. — № 1. — С. 55–59.

REFERENCES

Gavrilov V. V. Problem definition in the text of the unified state exam in the russian language: conceptual approach. In *Russkii yazyk v shole* [Russian language at school]. 2019, No. 2, pp. 35–40. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-35-40. (In Rus.)

Drozдова O. E. Metapredmetal teaching of Russian at school: theory and ways of practical implementation: monograph. Moscow, 2016. (In Rus.)

Zhinkin N. I. Speech as a conductor of information. Moscow, 1982. (In Rus.)

Levushkina O. N. Text-oriented lesson of the Russian language on the basis of linguocultural characteristic of the text. In *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografiya* [Methodical linguoconceptology: results and prospects of development: monograph]. Ed. N. L. Mishatina. Saint-Petersburg, 2017, pp. 180–193. (In Rus.)

Shamrey L. V. Role of model-associative thinking in the development of the reader-schoolboy: monograph. Nizhny Novhorod, 2019. (In Rus.)

Shutan M. I. What is this subject — «Russian language and literature»? In *Literatura* [Literature]. 2016, No. 1, pp. 55–59. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марианна Юрьевна Борщевская, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра словесности и культурологии, Нижегородский институт развития образования; ул. Ванеева, д. 203, г. Нижний Новгород, 603122, Россия

Marianna Yu. Borschevskaya, Cand. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of Literature and Cultural Studies, Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education; 203 Vaneev str., Nizhny Novgorod, 603122, Russia

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

Викторина, посвященная 150-летию со дня рождения И. А. Бунина

Уважаемые любители русского языка!

Вы, конечно, знаете, что в 2020 г. исполняется 150 лет со дня рождения И. А. Бунина. В связи с этим журнал проводит викторину для учащихся IX–XI классов, посвященную этой знаменательной дате. Ждем ваших писем с ответами по адресу журнала до 1 декабря 2020 г. Итоги викторины будут подведены в январе 2021 г., а призы получат грамоты.

Желаем удачи!

1. И. А. Бунин не противопоставлял поэзию прозе. Его прозаические произведения часто строятся как лирический монолог. Лирическая экспрессия создается в них риторическими и рефлексивными вопросами, восклицаниями, использованием параллелизма, приемом умолчания, повторами разных типов. Приведите примеры подобных приемов из рассказа И. А. Бунина «Косцы».

2. И. А. Бунин вспоминал: «...зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...» Приведите из произведений И. А. Бунина примеры речевых средств, воссоздающих разные проявления чувственного восприятия.

3. Типично для Бунина, например, следующее описание:

Солнце нынче опускалось в слепящее золото. Океан все штилел. Всюду вокруг нас, по матово-стальным медленно перекатывающимся волнам, тоже текло, переливалось, блистало золото.

Мы поднялись с верхней палубы еще выше, на мостик. Океан за это мгновение стал уже весь млечно-стальной с голубым налетом, и по этой безграничной млечности пошли от заката (ставшего менее слепящим, оранжево-золотым) оранжевые глянца, меж тем как небо на востоке стало гелиотроповым, а вдоль бортов медленно изгибалась, как лилово-синие удавы, мертвая волна.

Мы поспешили на самую высшую точку, на капитанскую рубку: солнце успело уже скрыться, восточное небо стало фиолетовым, а западное позеленело и пошло по зеленому огненно-оранжевыми полосами, над нами же, в бездонной глубине, тени облаков, легчайшие, как дамасский газ, окрасились в нежно-малиновый цвет.

А через мгновение все опять изменилось: восточный небосклон стал сине-лиловый, море под ним — густо-фиолетовое. И все огненной разгорались полосы на небосклоне закатном. Когда же, с быстро набегающим вечером, превратилось в фиолетовое и западное море, эти полосы раскались, как темно-рдяное железо в горне. Темнело все быстрее, над закатом сверкнула первая звезда. Неприметная и маленькая луна, все белевшая очень высоко над нами, стала оживать. Мы простояли еще несколько минут и побежали вниз на звонок к обеду: она уже сияла! Вдоль бортов потекло блестящее серебро, на палубе обозначились в лунном свете тени от снастей... И потянуло с востока бризом. («Воды многие»).

Как можно охарактеризовать изображаемый предметный и природный мир в прозе Бунина? С помощью каких речевых средств фиксируются изменения в восприятии повествователя?

4. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» главный герой, как и другие персонажи, не имеет имени. Чем, с вашей точки зрения, это можно объяснить?

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-32-37

Библейские аллюзии в рассказе А. И. Куприна «Гамбринус» (К 150-летию со дня рождения)

Светлана Владимировна Косихина

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия,
e-mail: svkosihina@yandex.ru*

В статье исследуется многослойная природа рассказа А. И. Куприна «Гамбринус», которая представлена профанической и сакральной сферами в их взаимосвязи. С этой целью автор рассматривает библейские символы как глубинное кодирующее устройство и важный механизм культурной памяти. Используются методы сопоставительного анализа и ассоциативных связей. В статье проводятся параллели между библейскими образами и главным героем рассказа. В своих выводах автор опирается на идеосферу А. И. Куприна, прежде всего на его религиозный и прозаический опыт.

Ключевые слова: А. И. Куприн; «Гамбринус»; библейские аллюзии; символ; кроткий; «Чабан»

Ссылка для цитирования: Косихина С. В. Библейские аллюзии в рассказе А. И. Куприна «Гамбринус» (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 32–37. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-32-37.

Biblical Allusions in Kuprin's Short Story «Gambrinus» (To the 150th Anniversary of the Birth)

Svetlana V. Kosihina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
e-mail: svkosihina@yandex.ru*

The article explores the multi-layered nature of the short story «Gambrinus» by A. I. Kuprin, which is represented by the profane and sacred spheres in their relationship. To this end, the author considers biblical symbols as a deep coding device and an important mechanism of cultural memory. The methods of comparative and associative analysis are used. The article draws parallels between biblical images and the main character of the story. In her conclusions, the author relies on the ideosphere of A. I. Kuprin, primarily on his religious and prosaic experience.

Key words: A. I. Kuprin; «Gambrinus»; biblical allusions; symbol; meek; «Shepherd»

A reference for citation: Kosihina S. V. Biblical allusions in Kuprin's short story «Gambrinus» (To the 150th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 32–37. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-32-37.

«**К**уски моей жизни...» Именно так в одном из писем Александр Иванович Куприн точно охарактеризовал свою жизнь. И именно такое впечатление мозаичности складывается у любого, кто знакомится с биографией писателя. Из калейдоскопа профессий, городов, друзей — от портовых грузчиков и воров до величайших писателей и мыслителей

XX в. — складывается непростой жизненный путь А. И. Куприна. На этом пути он мог с легкостью менять города, страны, профессии, мог принять непростое решение изменить свою личную жизнь и создать новую семью, но при этом одно в его жизни всегда оставалось неизменным и было тем стержнем, рядом с которым всё это сочетание несочетаемого обретало не только

удивительную гармонию, но и огромную человеческую силу. Православная вера была тем единственным, в чем не сомневался А. И. Куприн, чему не изменял и остался верен до последних минут жизни: последняя просьба умирающего писателя — желание прочитать «Отче наш» и «Богородицу».

А. И. Куприн умирал в нищете, но бедным себя никогда не называл, так как к этому слову у него было особое отношение: «Хорошее есть старое мужицкое словечко. Пожалейте мужика, скажите ему: “Ах ты, бедный!” Он поправит вас: “Беден один черт. У него души нет”» [Куприн 1999: 591]. Душа для А. И. Куприна — это основа русского человека, при этом русская душа черпает свое богатство прежде всего в соборной вере православной культуры. «Конечно, очень легко упразднить душу и рассчитать за ненадобностью Бога... Но русскому человеку не жить без души» [Там же]. Писатель был убежден в том, что именно вера укрепляет дух человека, не дает ему сломиться под натиском силы, воспитывает до бесстрашия, которое способно противостоять любым обстоятельствам. Это бесстрашие писатель всю жизнь воспитывал в себе самом и больше всего ценил в людях. Бесстрашию души А. И. Куприн дал особое имя — *небоязнь боязни* [Куприн 1971: 359]. Это выражение в рассказе «Гамбринус» писатель выделит из всего текста курсивом, тем самым подсказывая своему читателю, где искать ключ к разгадке того «не понятного ни для кого языка» [Там же: 362], на котором говорил его главный герой — Сашка.

В описании главного героя «Гамбринуса» А. И. Куприн придерживался принципов, сформулированных им в «Литературно-профессиональном кодексе», где подчеркивал роль точной и яркой характеристики: «Если хочешь что-нибудь изобразить... найди образные незатасканные слова, лучше всего неожиданные» [Афанасьев 1972: 156]. В представлении Сашки неожиданным становится не сам выбор слов, а то, в какой последовательности их дает автор: «Сашка — еврей — кроткий, веселый, пьяный, плешивый человек с наружностью облезлой обезьяны, неопределенных лет» [Куприн 1971: 340]. Графическое выделение слова *еврей* позволяет автору не только обратить внимание на национальность героя, но и зрительно объединить три

слова. Двойное тире при этом, с одной стороны, делает акцент не только на одном слове, но и на каждом компоненте предложения, а с другой стороны, выделяет триаду: имя — принадлежность к народу — главное душевное качество — делает ее единым смысловым центром, который отделен от последующего описания запятой. Таким образом, важная внутренняя характеристика Сашки, представленная всего одним словом *кроткий*, резко сменяется описанием временного эмоционального и физического состояния — *веселый и пьяный* — и характеристикой его внешности, где автор с помощью синонимов *плешивый* и *облезлый* намеренно усиливает непривлекательность героя, завершая портрет сравнением с обезьяной. Такая последовательность в описании Сашки не только показывает резкий контраст внутренней и внешней характеристик, но и способствует тому, что первое неприятное впечатление от внешности героя приглушает и даже скрывает глубинную положительную характеристику душевных качеств, оставляя ощущение неопределенности и непонятности образа, что на вербальном уровне подчеркивает последнее уточнение — *неопределенных лет*. По мере развития сюжета происходит не только рассеивание этой неопределенности, но и изменение валентности некоторых характеристик главного героя. Неизменным в его описании остается только определение *кроткий*. Многократный повтор этого слова в описании Сашки (*кроткая и смешная доброта; кроткие смешные глаза*) усложняет его семантику и позволяет рассматривать в качестве ключевого слова.

Слово *кроткий* имеет давнюю историю. В словаре М. Фасмера указывается его общеславянское происхождение от глагола *krotiti*, что означает ‘укрощать, умирять’; *krotъkъ* — буквально ‘укрошенный’¹. В «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского представлено словообразовательное гнездо с этим общеславянским корнем: *кротити*, *кротитища*, *кротость*, *кротъкыи* и др.² В словарной статье, посвященной слову *кроткий*, И. И. Срезневский

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 2003. — Т. 2. — С. 384.

² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 1. — Ч. II. — С. 1336.

в качестве примера приводит слова Иисуса Христа из Евангелия от Матфея, например: «Блаженны кротчайшии, ꙗко ти наследѹать землѹ» (Мф. 5:5). Приведенные примеры слов с этим корнем свидетельствуют об особой сфере употребления — религиозной, где душевное качество — кротость — является той добродетелью, к которой должен стремиться человек и которой обладает Бог: «Крътъкъ ѿсмь и смѣренъ сръдцьмъ» (Мф. 11: 29). Постепенное снижение значимости в обществе религии привело к тому, что одни слова исчезли из языка, а другие — ушли из активного употребления. Так, например, навсегда были утрачены слова *кроткодушный* и *кротколюбивый*, а слово *кроткий* перешло в разряд пассивной лексики. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово *кроткий* не имеет отдельной словарной статьи и упоминается лишь в качестве синонима в толкованиях к другим словам. В синодальном переводе Библии слова *кротость* и *кроткий* встречаются более сорока раз. Это качество трактуется как один из плодов Духа и считается важной добродетелью наряду с такими христианскими добродетелями, как милосердие и долготерпение. Для понимания образа кротости важно осознавать, что она является признаком не слабости, а силы, когда мягкость характера сочетается с твердостью духа. Кротость связывается в Библии с двумя людьми — с Иисусом Христом и Моисеем. Слово *кроткий* в характеристике Моисея играет особую роль, что находит подтверждение на языковом уровне: использование этого прилагательного в превосходной степени является единственным случаем подобного употребления в Библии: «Моисей же кротчайший из всех людей на земле» (Чис. 12:3).

Сходство характеристик, где слово *кроткий* выходит за пределы своего словарного значения и становится словом-кодом в описании еврейского пророка Моисея и еврейского музыканта Сашки из рассказа «Гамбринус», позволило нам увидеть библейскую аллюзию и провести дальнейшие параллели между этими образами. Следует отметить, что внутренняя форма слова *кроткий*, которая несет в себе значение древнего корня *усмирять, укрощать*, эксплицируется в рассказе: *Сашка действовал на них, как Орфей, усмиряющий волны*

[Куприн 1971: 349]; *Его попросту поколотили бы, если бы не Сашкино заступничество* [Там же: 356]. Семантика заступничества также отсылает нас к библейскому подтексту, так как напрямую связана с образом Моисея: еврейский пророк должен был спасти свой народ. Когда Моисею пришлось откровение Господа, он был пастухом. Образ пастуха — пастыря овец — является важнейшим в Библии. Пастухами были Авраам, Давид, Моисей, Авель. Об этом образе говорил сам Иисус: «Я есмь пастырь добрый» (Ин. 10:14). Образ пастыря основывается на двух взаимодополняющих значениях в Ветхом Завете — это руководитель и защитник народа. Слова *пастух* и *пастырь*, которые бы дали прямую отсылку к Библии, в тексте А. И. Куприна отсутствуют. Вместо этого автор использует этнографизм *чабан*, которым на юге России называли пастухов, а именно там и происходят события в рассказе. В словаре Брокгауза и Эфрона, издававшемся на рубеже XIX–XX вв. (1890–1907), т. е. в то время, когда и создавался рассказ, слову *чабан* посвящена отдельная большая словарная статья³. Это слово пришло в русский язык из персидского языка — *šubān*, где оно буквально означало ‘страж скота’, ‘пастух’. На юге России этим словом называли только тех пастухов, которые пасли овец. В «Гамбринусе» слово *чабан* встречается шесть раз. Лексический повтор в этом рассказе можно назвать основным приемом, позволяющим автору выделять ключевые слова. Все случаи употребления в «Гамбринусе» слова *чабан* связаны с названием одноименной песни. Первое упоминание данной номинации заметно выделяется на фоне остальных названий песен, так как автор с помощью графики передает особенности речи говорящего: «*Ча — ба — на!*» — *орал... какой-то жеребячий голос* [Куприн 1971: 345]. Последующий повтор этого названия не может не обратить на себя внимание, так как во всем рассказе, где А. И. Куприн упоминает более пятнадцати названий песен, ни одно название не повторяется. В финале рассказа, в пределах небольшого абзаца, название песни «Чабан» повторяется четыре раза, причем слово произносится не только с разной интонацией, но и разными людьми:

³ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1903. — Т. XXXVIII.

— Значит, и «Чабану» теперь конец? — спросил боцман участливо.

— «Чабану?» — переспросил Сашка, и глаза его заиграли...

— «Чабана!» <...> вдруг засвистел на окарине оглушительно веселого «Чабана» [Куприн 1971: 362].

Слово *чабан* в вопросе боцмана выполняет функцию синекдохи, так как не только выделяет одну песню, но и подразумевает все песни, которые исполнял музыкант. Вместе с тем вопрос сформулирован таким образом, что слово можно рассматривать и как новое имя для самого музыканта. Сашка, словно понимая двойной смысл выражения боцмана, отвечает двойным утверждением. Риторический вопрос Сашки фактически представляет собой утверждение в вопросительной форме. Будучи графически и интонационно выделенным, риторический вопрос выразительно акцентирует слово, которое Сашка еще раз повторит, но уже с восклицательной интонацией, получившей в побудительном предложении особую тональность: «*Чабана!*» Помимо Сашкиного ответа на вопрос, жив ли еще «Чабан», в тексте присутствует и ответ самого автора, который становится понятным лишь при обращении к библейской символике. Речь идет об авторском уточнении, какая именно рука у музыканта сохранила свою жизнеспособность. Правая рука, или десница, в Библии отождествляется с личностью, а следовательно, оставшаяся здоровой правая рука Сашки становится символом несомненности его духа. При этом важной деталью в создании нового образа Сашки-чабана является смена музыкального инструмента. Изуродованная левая рука музыканта не позволяла ему больше играть на скрипке. Новый инструмент в руке Сашки — окarina — «наивная свистулька», как ее назвал А. И. Куприн, представляет собой важный атрибут пастуха и свидетельствует об изменении образа главного героя. Таким образом, слово *чабан*, введенное в текст в самом начале и многократно повторенное в конце произведения, выполняет функцию своеобразной рамки, в которую вставлено всё повествование. Каждый повтор этого слова постепенно усложняет образ, который приобретает в финале символическое звучание. Слово *чабан* выступает в рассказе в роли «сгущенной программы творческого процесса» [Лотман 2004: 239], где

развитие сюжета становится разворачиванием скрытых в нем потенциалов. Это слово можно назвать «глубинным кодирующим устройством, своеобразным текстовым геном» [Там же: 239], который служит планом выражения для более ценного культурного содержания. Актуализация архаических образов в рассказе происходит за счет символического прочтения несимволического, создавая при этом «кристаллическую решетку взаимных связей» [Там же: 225]. Библейские символы обладают большей культурно-смысловой емкостью и представляют символическое ядро культуры. Они пронизывают по вертикали историю человечества и переносят смысловое содержание из одного пласта в другой. К таким древним символам относятся рыба, рыбаки, крест, пир, гора, которые также представлены в рассказе.

Важным образом, который формирует смысловое поле, связанное с пастырем овец, является гора. С именем Моисея соотносится гора Синай, где он получил от Господа Заветы на каменных скрижалях. Гора — это всегда подъем вверх. В символике, связанной с направлением по вертикали, верх имеет положительное значение, а низ — отрицательное. Для поклонения Богу в храме, который всегда расположен на возвышенности, «нужно взойти на гору Господню» (Пс. 23: 3). В творчестве А. И. Куприна подъем вверх соответствует христианской символике: «Мы идем всё вверх. Всё выше и выше. Не это ли символ всех человеческих стремлений?» [Куприн 1972, 6: 287]. В «Гамбринусе» с мотивом восхождения связан образ Сашки. Город находился на возвышенности, а пивная, где играл Сашка, была расположена в центре города:

Здесь обитатели редко подымались наверх. Но каждый из них, прежде чем расшвыривать по ветру свои трудовые, засаленные, рваные, разбухшие рублевки, непременно посещал «Гамбринус». Это было освящено древним обычаем [Куприн 1971: 343].

Основными посетителями «Гамбринуса» были рыбаки. В Библии Христос называет апостолов, бывших рыбаков, «ловцами человеков» (Мф. 4:19), а Царствие Небесное — «неводом, закинутым в море и захватившим рыб всякого рода» (Мф. 13: 47). В «Гамбринусе» А. И. Куприн скрупулезно перечисляет рыбу, попавшую

в сети рыбаков. Подчеркивая общность тех, кто поднимался в «Гамбринус», автор использует профессионализм *вира*, который становится словом-символом, напрямую связывающим имя Сашки с мотивом восхождения:

— Идем к Сашке? — Есть! Так держать. И уже все вместе говорили: — Вира! [Куприн 1971: 343].

Помимо профессиональной общности, автор обращает особое внимание на единую цель идущих — *душе без него тесно* [Там же: 354]. Таким образом, пространственная вертикаль, связанная с особенностями географии города, превращается в рассказе в духовную вертикаль, формирующую этическое пространство. Усложнение мотива восхождения и появление религиозного подтекста сопряжено с употреблением особой книжной лексики старославянского происхождения (*освящено, древний*), которая стилистически выделяется на фоне сниженных и отрицательно оценочных слов (*грязные кишки, гниль, отбросы* и др.). Помимо этого, важным доказательством присутствия религиозного подтекста является автоцитация фразы *освящено древним обычаем* из «Гамбринуса» в рассказе «Листригоны» — *освященный седой древностью обряд*, где фраза имеет однозначное религиозное прочтение. *Древним обрядом* в данном случае А. И. Куприн называет погружение рыбаков в море 6 января, в день крещения Господня. Но если в «Листригонах» фраза *освященный седой древностью обряд* поддерживается христианской атрибутикой, то в «Гамбринусе» это выражение становится своеобразной антитезой, которая вступает в стилистический и семантический конфликт со своим окружением.

На наш взгляд, то, что рыбаки называли *к Сашке*, а писатель назвал *древним обычаем*, связано в рассказе с евхаристической символикой. Пир как соединение людей в братский круг становится подобием причастия, когда совместное вкушение вина и хлеба является «древним символом жертвенного союза» [Лотман 2004: 226]. В этом союзе Сашка становится духовным наставником, что подчеркивается автором с помощью семантики «верха». Предлог

над неоднократно повторяется в рассказе и играет важную смысловую роль, преобразуя физическое пространство в духовное: *и только неутомимая скрипка Сашки, сидевшего на своем возвышении, торжествовала над духотой, над жарой, над запахом табака, газа, пива и над оранием бесцеремонной публики* [Куприн 1971: 345]. Символическое значение предлога *над* становится особенно заметным в кульминации рассказа, когда Сашка разбивает свою скрипку о голову Гундосова: *В руках у Сашки остался только гриф, который он победоносно подымал над головами толпы* [Там же: 361]. В этой сцене можно увидеть библейскую аллюзию, когда Моисей в гневе разбивает Господни скрижали. То, что сделал Моисей, увидев, как народ поклоняется Золотому Тельцу, заставило людей объединиться, одуматься и раскаяться. Поступок Сашки также вывел людей из состояния *сна человека в параличе*, разбил *тайный ужас*, который сковал душу народа: *мощная сила окружила Сашку и закрыла его* [Там же]. Кротость, которая на самом деле являлась сдерживаемой силой, проявила дух Сашки. Эта сила духа — *небоязнь боязни* — до неузнаваемости изменила главного героя, который из вечно кривляющегося клоуна превратился в того, кто один смог противостоять толпе палачей, смог подняться над людьми и разбудить в них человеческое, — то, что объединяет разные народы, разные языки, разные религии в единое братство и является духовным спасением.

С символикой духовного восхождения напрямую соотносится мотив воскресения. В «Гамбринусе» автор называет Сашку *дважды воскресшим*. В мотиве воскресения важным является момент встречи, который связан с быстротой распространения Благой Вести и с сильным эмоциональным напряжением, когда переплетаются чувства радости, недоверия, недоумения и даже страха. Но если первая встреча Сашки связана с бурной радостью, то вторая передает смятение, недоверие и страх, которые испытали посетители «Гамбринуса». Сила воскресения состоит в том, что оно оказывается источником воскресения верующих, обретающих более высокое духовное состояние. «Воскресение» Сашки становится

образом метафорического праздника спасения. Встретив своего Чабана, посетители Гамбринуса словно совоскресли с ним. Мелодия Сашкиной свистульки вдохнула жизнь в подземную пивную, где ожили даже стены: *И, может быть, даже сам старый Гамбринус пошевеливал бровями, весело глядя на улицу* [Куприн 1971: 362].

Финал рассказа «Гамбринус» А. И. Куприн оставляет открытым. По мнению Д. С. Лихачева, «произведение искусства всегда в известной мере не завершено» [Лихачев 1996: 16], и именно эта незавершенность и побуждает активность познающего, «чье познание становится “движущимся”, идущим вслед за авторскими “подсказками”» [Там же: 10]. В рассказе «Гамбринус» А. И. Куприн не только оставил открытым финал, но и дал «подсказки», с помощью которых читатель сможет приблизиться к разгадке *не понятного ни для кого языка* [Куприн 1971: 362], способного противостоять злу и бездуховности. Поиск ответа, который, таким образом, становится сотворчеством, предполагает, по мнению Д. С. Лихачева, «возможность множественности “правд”» [Лихачев 1996: 12]. Одна из таких «правд», на наш взгляд, относится к глубинному подтексту рассказа и связана с библейской символикой.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Светлана Владимировна Косихина, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и теории словесности, Переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет; ул. Остоженка, д. 38, г. Москва, 119034, Россия

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев В. Н.* Александр Иванович Куприн: критико-биографический очерк. — М., 1972.
Куприн А. И. Собр. соч. Произведения 1913–1915 гг. — М., 1972. — Т. 6.
Куприн А. И. Собр. соч. Произведения 1907–1913 гг. — М., 1972. — Т. 5.
Куприн А. И. Собр. соч. Произведения 1905–1907 гг. — М., 1971. — Т. 4.
Куприн А. И. Голос оттуда. — М., 1999.
Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. — СПб., 1996.
Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2004.

REFERENCES

- Afanasyev V. N.* Alexander Ivanovich Kuprin: a critical and biographical essay. Moscow, 1972. (In Rus.)
Kuprin A. I. Collected Works. Works of 1913–1915. Moscow, 1972, vol. 6. (In Rus.)
Kuprin A. I. Collected Works. Works of 1907–1913. Moscow, 1972, vol. 5. (In Rus.)
Kuprin A. I. Collected Works. Works of 1905–1907. Moscow, 1971, vol. 4. (In Rus.)
Kuprin A. I. Voice from there. Moscow, 1999. (In Rus.)
Likhachev D. S. Essays on the philosophy of art. Saint-Petersburg, 1996. (In Rus.)
Lotman Yu. M. Semiosphere. Saint-Petersburg, 2004. (In Rus.)

Svetlana V. Kosihina, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language and Theory of Literature, Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University; 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42

«Осенняя» любовь хулигана: анализ стихотворения**С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...»**

(К 125-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

В статье рассматривается стихотворение С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...», вошедшее в цикл «Любовь хулигана». Ставя перед собой цель определить место «осенних» мотивов в любовной лирике поэта, автор статьи стремится охарактеризовать место данного стихотворения в творчестве художника слова начала XX в. Автор проводит лингвостилистический анализ текста, использует метод сопоставительного анализа произведений и прием ассоциативных связей. В статье показана трансформация любовной лирики в творчестве С. Есенина, связь стихотворения с циклом «Москва кабацкая» и последующими произведениями поэта. Автор акцентирует внимание на языковых средствах реализации внутреннего «я» лирического героя и его связи с образом возлюбленной и окружающим миром. В статье сделан вывод о значимости стихотворения «Пускай ты выпита другим...» в творчестве С. Есенина, показано, что осень жизни поэт воспринимает как переломный момент, связанный с обретением ясности миропонимания, приходом спокойной, но грустной мудрости.

Ключевые слова: *С. Есенин; А. Миклашевская; любовная лирика; осень жизни; метафора; эпитет; сравнение; видовременная соотносительность глагольных форм*

Ссылка для цитирования: *Фролова Е. А. «Осенняя» любовь хулигана: анализ стихотворения С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...» (К 125-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 38–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42.*

Hooligan's «Autumn» Love: Analysis of S. A. Yesenin's Poem**«You Have Been Used by Someone Else...»**

(To the 125th Anniversary of the Birth)

Elena A. Frolova*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

The article considers the poem by S. A. Yesenin «You have been used by someone else ...», which was included in the «Hooligans's Love» cycle. In an attempt to determine the place of autumn motives in the poet's love lyrics, the author of the article seeks to characterize the place of this poem in the poet's work in the early 20th century. The author carries out a linguostylistic analysis of the text using the methods of comparative and associative analysis. The article shows the transformation of love lyrics in Yesenin's work, the relationship of the poem with the «Tavern Moscow» cycle and his subsequent works. The author focuses on the linguistic means of realizing the inner self of the lyrical hero and his connection with the image of his beloved and the world around him. The article draws a conclusion about the significance of the poem «You have been used by someone else ...» in Yesenin's creative work; it is shown that the poet perceives the autumn of life as a turning point associated with gaining clarity in understanding of the world, the advent of calm, but sad wisdom.

Keywords: *S. Yesenin; A. Miklashevskaya; love lyrics; autumn of life; metaphor; epithet; comparison; tense-aspect correlation of verb forms*

A reference for citation: *Frolova E. A. Hooligan's «autumn» love: analysis of S. A. Yesenin's poem «You have been used by someone else...» (To the 125th anniversary of the birth). In Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 38–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42.*

Я сердцем никогда не лгу...**С. А. Есенин**

Творчество С. А. Есенина (1895–1925) не раз становилось предметом пристального изучения литературоведов, критиков, филологов. Сергей Есенин — «крестьянский» поэт,

поэт-песенник, поэт-хулиган... Эти и многие другие определения стали постоянными эпитетами-характеристиками известного мастера слова начала XX в. (см. литературу о поэте

советского и постсоветского периодов). Исследователи рассматривали процесс формирования личности С. Есенина [Эвентов 1987]; пытались реконструировать обстоятельства жизненного и творческого пути поэта [Марченко 2012]; обращали внимание на связь его творчества с устной народной поэзией [Прокушев 1986]; анализировали систему художественных приемов в лирике С. Есенина, устанавливали ее своеобразие на основе сопоставления с произведениями А. Блока, И. Бунина, К. Бальмонта, В. Маяковского, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого и других представителей русской поэзии XX в. [Бельская 1990; Марченко 1989; Жуков 2012]; изучали творчество С. Есенина в контексте традиций русской, западноевропейской и восточной литературы [Шубникова-Гусева 2012]; определяли роль творчества С. Есенина в жизни послереволюционной России [Занковская 1997]; открывали неизвестные материалы о его жизни и творчестве [Шубникова-Гусева 1995; Юсов 2012] и т. д.

В данной статье основное внимание сконцентрировано на одном лирическом произведении поэта — стихотворении, входящем в цикл «Любовь хулигана» (1923) и занимающем в нем центральную позицию. Цель — определить место «осенних» мотивов в любовной лирике С. А. Есенина и роль стихотворения «Пускай ты выпита другим...» в творческом наследии поэта.

Для достижения указанной цели в статье используются сопоставительный метод и лингвостилистический анализ языковых средств стихотворного текста.

Любовная лирика С. Есенина неоднородна на протяжении творческого пути поэта. В ранний период стихи о любви стилизованы под народно-поэтическое восприятие женской красоты и неразрывно связаны с миром природы:

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.
Погадала красна девица в семик.
Расплелась волна венки из повилик.
Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной...
(«Зашумели над затоном тростники...»)¹

Стихи о любви, написанные в 1918–1919 гг., продолжают любовно-пейзажную лирику поэта, в которой, однако, уже проявляется специфика есенинских образов, метафорически раскрывающих чистоту и высокую духовность этого чувства:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?..
(«Зеленая прическа...»)

«Москва кабацкая» — новый этап в развитии любовной темы. Сборник стихов с одноименным названием, вышедший в 1924 г., состоял из четырех разделов: «Стихи как вступление к Москве кабацкой», «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и «Стихотворение как заключение».

В «Москве кабацкой» интонации С. Есенина резко меняются. На место поэта-лирика приходит поэт-скандалист, воспринимающий потрясения внешнего мира как крушение собственной души:

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт...

Однако цикл «Любовь хулигана» — это возвращение поэта к своим истокам, обретение самого себя. Цикл включает 7 стихотворений, написанных в 1923 г.: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». Все они посвящены актрисе Московского камерного театра Августе Миклашевской, с которой Есенин познакомился по возвращении из-за границы. Любовь к этой женщине стала целительным средством для сломанной и опустошенной души поэта, вернула ему веру в силу творчества и возможность возрождения.

«Любовь хулигана» следует за «Москвой кабацкой» и сохраняет ее отзвуки. Уже в первой строке стихотворения «Пускай ты выпита другим...» появляется глагольная форма *выпита*. Краткое страдательное

¹ Здесь и далее стихотворения С. А. Есенина цит. по: Есенин С. Стихотворения и поэмы. — М., 1975.

причастие прошедшего времени содержит сему 'употребить спиртное', составляющую ядро 2-го и 3-го значений инфинитива *выпить*. Одновременно данный глагол входит в устойчивый образный оборот *выпить горькую чашу* (до дна) со значением «испытать, перенести страдания или жизненные испытания в полной мере, до конца». Подразумевается, что кто-л. достойно претерпел все невзгоды, которые выпали на его долю (часто — в связи с какими-л. трагическими событиями истории). Имеется в виду, что лицо... перенесло или готово терпеливо и смиренно переносить в грядущем все тяготы жизни»².

Н. А. Николина пишет: «Если понимать время как способ отображения реальности, то прошедшее время, обозначающее процесс, который уже перестал быть реальным, естественно, может использоваться для выражения тех или иных авторских оценок и быть связано с актуализацией определенной точки зрения» [Николина 2005: 178].

По утверждению Н. С. Поспелова, именно перфектное³ значение позволяет говорящему выразить субъективное отношение к прошлому. Благодаря тому что прошлое присутствует в настоящем как совершившийся результат, говорящий неизбежно выражает к нему свое отношение, а не ограничивается только объективной передачей этого прошлого [Поспелов 1990: 70].

Таким образом, полисемантическая глагольная форма становится средством отражения жизненных перипетий автора стихотворения, реализует «я» поэта, одновременно выступая связующим звеном между лирическим героем и адресатом текста. Обозначая законченность действия, форма совершенного вида краткого причастия позволяет подвести своеобразный итог этапа в судьбе и творчестве С. Есенина.

² Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2006.

³ «ПЕРФЕКТ [лат. perfectum совершенное]. Форма глагола, обозначающая, что действие завершилось в прошлом, а результат действия длится в настоящем; в греч., латинском, санскрите, английском и некоторых др. языках форма глагола, обозначающая действие, которое завершилось к моменту речи». (*Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010. — С. 261).

При этом итог у поэта не значит конец: *Но мне осталось, мне осталось...* Так возникает мотив надежды, ассоциирующийся с осенью.

Для С. Есенина осень — особый период, время зрелой мудрости:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...
(«Отговорила роща золотая...»);
Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду...
(«Закружилась листва золотая...»);
Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха...
(«Хорошо под осеннюю свежесть...»).

Поэт родился 21 сентября (3 октября); его фамилия сохраняет старославянские фонетические признаки этимологически родственного слова *осень*: «употребление начального сочетания [je] в соответствии с гласным [o], характерным для восточнославянских языков: ст.-слав. ѣдинь, ѣзеро... бол. един, езеро, елен, есен; пол. jeden, jezioro, jelen, jesen; чеш. jeden, jezero, jelen...»

Ср. рус. один, озеро, олень, осень» [Ёлкина 1960: 12].

В одном из неустановленных произведений С. А. Есенин писал: «Фамилия моя древнерусская — Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык и выискать корень, то это будет — осень.

Осень! Осень! Я кровью люблю это слово. Это слово — мое имя и моя любовь» (цит. по: [Шубникова-Гусева 1995: 183]).

«Осенний» поэт видит в этом времени года не только период подведения итогов (крестьянин по происхождению, Есенин неизбежно воспринимал осень как этап завершения весенне-летних работ, сбора урожая в прямом и переносном смысле), но и начало перемен (рождение как начало новой жизни, возможно, вечной). Эти два мотива — прощание и возрождение — соединяются в тексте стихотворения «Пускай ты выпита другим...».

Картина осени создается с помощью нетрадиционных, а потому ярких эпитетов и метафор. Поэт говорит о стеклянном

дыме волос возлюбленной (вспомним стихотворение Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...», в котором «весь лес стоит как бы хрустальный»). Прозрачность осеннего воздуха ассоциируется с дымкой волос у Есенина. А вот перед читателем уже прямое и устойчивое определение-характеристика: *И глаз осенняя усталость* — как средство номинации состояния лирических героев.

Перифраз *возраст осени* в устах поэта, не достигшего тридцатилетия, — свидетельство зрелости его души. Автор противопоставляет осень жизни периоду *юности и лета*. Сравнительная конструкция усиливает семантику контекстуальной антонимии. Образ возлюбленной заставляет поэта заглянуть в себя, чтобы подвести черту под пройденным и наметить путь в будущее:

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Мотив прощания вербально реализован. При этом в стихотворении происходит смена временных пластов, подготовленная включением во второе четверостишие составного глагольного сказуемого *стала нравиться*, в котором фазисный вспомогательный глагол передает начало процесса, закономерно реализующегося в настоящем. Если в первых двух четверостишиях используются формы прошедшего времени совершенного вида, то в третьей строфе поэт вводит глагольные формы 1-го лица настоящего времени. Тем самым автор акцентирует внимание читателей на внутреннем мире лирического героя, что усиливается параллельной сменой субъектов описания: на место местоименных форм *твоих, ты* встает повторяющееся *я*.

В следующем четверостишии происходит формальное самоотстранение героя: он как бы смотрит на себя со стороны, оценивая свое состояние (вновь возникает перекличка с «Москвой кабацкой»):

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

В данной строфе происходит объединение разных глагольных форм, что обусловлено актуализацией мотива подведения

итогов. Инфинитив расширяет свой функционал за счет дополнительной императивной семантики (приказ самому себе?), совершенная форма раскрывает причину отказа от прошлого, а действительное причастие настоящего времени, в значении которого переплелись прямая и переносная семы ('делать трезвым' и 'возвращать к здравому пониманию окружающего'), позволяет реалистично увидеть настоящее.

Далее «я» возвращается, но уже с целью выразить планы на будущее. Метафорическое олицетворение нового жизненного этапа (*И мне в окошко поступал / Сентябрь багряной веткой ивы...*) связано у поэта с видовой сменой глагольных форм: *постучал — встречал*. Фонетическая близость конечных отрезков слов — звуковая эпифора — способствует сближению семантики глаголов, между которыми устанавливаются причинно-следственные отношения. Смена видовременных форм обуславливает усиление градиционных модальных отношений, выражающих психологизм лирического героя: *могу — готов*.

В шестом четверостишии автор выходит за пределы внутреннего «я» героя, пытаясь определить его место в окружающем мире:

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Настоящее реализуется уже не только с помощью глагольных форм, но и временного наречия *теперь*, также противостоящего миру прошлого, от которого отказывается лирический герой С. Есенина.

Лексема *кладбище* вводит в содержание стихотворения мотив смерти, который станет преобладающим в последний период творчества поэта (см. стихи «Мы теперь уходим понемногу...», «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и др., поэму «Черный человек»). Смерть — переход в безграничное вечное. Окружающий мир расширяется до бесконечности за счет пространственной неопределенности наречий: *...там ли, здесь ли, где-то ль...* — далеко — близко — неизвестно где.

Опять появляется прозрачность настоящего, которая теперь воспринимается как призрачность: *Прозрачно я смотрю вокруг...* Утвердительные *могу* и *готов* сменяются сослагательным *мог бы*.

В последнем четверостишии окружающий мир вновь сужается до образа возлюбленной, единственно способной (или это тоже мираж, ведь в предшествующей строфе ее место в жизни лирического героя четко не определено: сестра, друг, спутница?) стать спасением для поэта. Заключительная строфа — своеобразное подведение итогов и взгляд в возможное будущее (возможное ли?). Уходящее хулиганство как итог и сумеречные дороги как перспектива намечают новый путь, но не делают его ясным, поскольку нельзя постичь дорогу в вечность.

Таким образом, стихотворение «Пускай ты выпита другим...» занимает значимое место в любовной лирике С. Есенина и в целом в его творчестве. В нем, как на перепутье множества дорог, соединились разные поэтические мотивы и образы, причем не только уже прозвучавшие, но и грядущие. В стихотворении происходит слияние внешнего и внутреннего миров, получает воплощение поэтическое «я». Осень жизни воспринимается как переломный момент, когда приходит ясность миропонимания, спокойная, но грустная мудрость.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельская Л. Л. Песенное слово. Поэтическое мастерство Сергея Есенина. — М., 1990.
- Элкина Н. М. Старославянский язык: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов пед. ин-тов. — М., 1960.
- Жуков Б. Золототканое цветенье (О поэтике С. Есенина). — Нижний Новгород, 2012.
- Занковская Л. В. Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. — М., 1997.
- Марченко А. Поэтический мир Есенина. — М., 1989.
- Марченко А. Есенин. Путь и беспутье. — М., 2012.
- Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика / отв. ред. Е. В. Кrasilникова. — М., 2005. — Т. 1. — С. 73—188.

Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике. — М., 1990.

Прокушев Ю. Сергей Есенин: образ-стихи-эпоха. — М., 1986.

Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. — М., 2012.

Шубникова-Гусева Н. И. Сергей Есенин: неизвестные материалы // Человек. — М., 1995. — № 5. — С. 182—188.

Эвентов И. С. Сергей Есенин. — М., 1987.

Юсов Н. Г. Известный и неизвестный Есенин. — М., 2012.

REFERENCES

- Belskaya L. L. Song word. Poetic mastery of Sergey Yesenin. Moscow, 1990. (In Rus.)
- Elkina N. M. Old Slavonic language: textbook. Moscow, 1960. (In Rus.)
- Zhukov B. Golden-woven bloom (On the poetics of S. Eсенин). Nizhny Novgorod, 2012. (In Rus.)
- Zankovskaya L. V. New Yesenin. The life and work of the poet without cuts and ideology. Moscow, 1997. (In Rus.)
- Marchenko A. The Poetic World of Yesenin. Moscow, 1989. (In Rus.)
- Marchenko A. Yesenin. Way and confusion. Moscow, 2012. (In Rus.)
- Nikolina N. A. Category of tense of the verb. In *Poeticheskaya grammatika [Poetical grammar]*. E. V. Krasilnikova (ed). Moscow, 2005, vol. 1, pp. 73—188. (In Rus.)
- Pospelov N. S. Thoughts on Russian grammar. Moscow, 1990. (In Rus.)
- Prokushev Yu. Sergey Yesenin: image-verses-era. Moscow, 1986. (In Rus.)
- Shubnikova-Guseva N. I. «Unites the sound of the Russian song ...»: Yesenin and world literature. Moscow, 2012. (In Rus.)
- Shubnikova-Guseva N. I. Sergey Yesenin: unknown materials. In *Chelovek [Man]*. Moscow, 1995, No. 5, pp. 182—188. (In Rus.)
- Ehventov I. S. Sergey Yesenin. Moscow, 1987. (In Rus.)
- Yusov N. G. Famous and unknown Yesenin. Moscow, 2012. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-43-48

Фразеология в художественной прозе М. А. Шолохова

Надежда Александровна Семенова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: nad4364517@yandex.ru

В статье рассматривается функционирование фразеологизмов в языке прозы М. А. Шолохова, их роль в создании языковой картины мира. Цели исследования: описать различные типы фразеологических единиц, показать приемы введения их в художественный текст и выявить способы создания авторских фразеологизмов. Для реализации поставленных целей используются структурно-семантический метод, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, а также элементы статистического описания и контекстологического анализа. Автор приходит к выводу, что фразеологизмы, являясь изобразительно-эмоционально-экспрессивными знаками языка, раскрывают образно-художественный мир писателя. Идиостиль М. А. Шолохова во многом определяется широким использованием диалектной фразеологии и созданием авторских фразеологизмов – структурно-семантических модификаций языковых единиц и собственно авторских идиом.

Ключевые слова: *фразеологизм; диалектная фразеология; авторская фразеология; структурно-семантические трансформации ФЕ; собственно авторские фразеологизмы*

Ссылка для цитирования: Семенова Н. А. Фразеология в художественной прозе М. А. Шолохова // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-43-48.

Phraseology in M. A. Sholokhov's Fiction Prose

Nadezhda A. Semenova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: nad4364517@yandex.ru

The article discusses the functioning of phraseological units in the language of M. A. Sholokhov's prose and their role in creating a linguistic picture of the world. The research objectives were to describe various types of phraseological units, to show the methods of introducing them into the literary text and to identify approaches used by the writer to create new phraseological units. To this end, the methods of structural-semantic, component and comparative analysis were used, along with statistical description and contextual analysis. It is concluded that phraseological units, being figuratively emotionally expressive signs of the language, reveal the figurative and artistic world of the writer. The idio- style of M. A. Sholokhov is largely determined by the widespread use of dialect phraseology and the creation of phraseologisms – structural and semantic modifications of linguistic units and the writer's idioms.

Keywords: *phraseological unit; dialect phraseology; author's phraseology; structural and semantic transformations of phraseological units; proper author's phraseologisms*

A reference for citation: Semenova N. A. Phraseology in M. A. Sholokhov's fiction prose. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-43-48.

В художественном творчестве писателя создается концептуальная и языковая картина мира. Этот идеальный мир является творческой реализацией художника слова, его мироощущения и мировосприятия. М. А. Шолохов в своих произведениях создал картину мира целого народа, отражающую национальные традиции и нравственные ценности русского народа, неотъемлемой частью которого является донское казачество.

Следует отметить, что в художественной прозе М. А. Шолохова большое внимание уделено самобытному языку донских казаков. Своеобразие языка писателя

обусловлено широким использованием живой и образной народной речи, ярко воссоздающей жизнь казачества в трагическую, переломную эпоху первой трети XX в. Среди языковых средств, помогающих автору передать колорит народной речи и показать эстетическую ценность родного слова, выделяются устойчивые сочетания слов – фразеологизмы (фразеологические единицы, ФЕ, идиомы), составные косвенно-номинативные единицы литературного и диалектного языков, характеризующие целую бытовую ситуацию общения и сообщения, участников этой ситуации и включающие в свое значение

нравственно-этическую оценку происходящего. Устойчивые единицы национального языка, воспроизводимые из поколения в поколение, отражают, по мнению В. Н. Телия, типовые представления, которые могут «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения» [Телия 1996: 250]. Например: фразеологизмы *морочить голову* кому, *марать руки*, *кривить душой*, *перейти дорогу* кому и др. воспринимаются как стереотипы «коварного» поведения и вызывают соответствующее эмоциональное отношение — ‘осуждение’, ‘неодобрение’, а ФЕ *служить верой и правдой* кому, *преподать пример* кому, *резать правду-матку в глаза* прочитываются как стереотипы правильного поведения и имеют противоположную оценку — ‘одобрение’. Мастерство писателя проявляется в том, что ближайшее и отдаленное лексическое окружение диалектных (необщеупотребительных) и авторских фразеологизмов, созданный М. А. Шолоховым контекст позволяют читателю правильно, в соответствии с замыслом автора, оценить героев и их поступки (Иван Шалый Якову Лукичу): *А ты от жарких делов норовишь в холодке отсидеться, ждешь, когда тебе кусок добудут, разжуют и в рот положат, так, что ли? Как это у тебя получается?*¹ (Поднятая целина, кн. 2, гл. XXIII). — Авт. *отсидеться в холодке* ‘Неодобр. Выждать, устранить от решения трудных проблем за счет усилий других людей’.

В составе фразеологии в художественных текстах М. А. Шолохова выделяется несколько групп фразеологических единиц.

1. ФЕ, общие для фразеологического состава современного русского литературного языка и верхнедонских говоров, подавляющее большинство единиц этой группы с мотивированным значением:

белая ворона; в два счета; всеми правдами и неправдами; в чем душа держится; грош цена кому; делать страшные глаза; и так и сяк; как с гуся вода; кривить душой; крутить хвостом; куда глаза глядят; ломаться как копеечный пряник; морочить голову (кому); ни жив ни мертв; от чистого сердца; пораскинуть умом; попасть в надежные руки; пойти по рукам; пустить

по ветру; сам черт голову сломит; скажи на милость; с глазу на глаз; скрепя сердце; хорошенькое дело и т. п.

Значительно меньше используются фразеологизмы-сращения с немотивированной семантикой: *зарубить на носу*; *и крышка*; *к едреной бабушке*; *как пить дать*; *кот наплакал*; *на живую нитку*; *пороть горячку* и др.

2. Пословицы и поговорки национального русского языка:

Видать сову по помету, а тебя по соплям; Голому одеться — только подпоясаться; Добрая слава летит, а худая по свету бежит; Здоровато здорова, да не семенна; Именя — одни каменья; Люди что овцы: куда баран, туда и весь табун; Мое дело телячье — поел да в закут; Москва — она слезам не дюже верит; Не спеши в лепеши; Поднявший меч бранный от меча и погибнет; Поскользнешься — беды наживешь; Раз, два — и в божьи ворота; Сделанного не воротишь, уроненной слезы не поднимешь; Тучи не будет — гром не ударит; Уж ежели и пан плох, то из хама пан во сто раз хуже и др.

Эти устойчивые высказывания в речи персонажей выражают оценку различных сторон действительности, характеризуют самого героя, его мировидение, отражают национально-культурные особенности жизни донских казаков.

3. Для живого и яркого воссоздания жизни казачьего Дона, образов донского казачества, их речевой характеристики и выражения авторского отношения к происходящему М. А. Шолохов использует всё богатство национального языка: образную народную речь, народные казачьи песни, диалектные слова и фразеологизмы. Диалектные фразеологизмы разнообразны по своему тематическому составу, поскольку характеризуют разные стороны жизни казаков — главных героев произведений писателя. При описании быта автор использует этнографические диалектизмы, называющие жилище и его составные части, одежду, продукты питания, особенности земледелия на Дону, этикетные речевые формулы общения и др. Например: *круглый курень* ‘Казачий квадратный (равносторонний) дом с четырёхскатной крышей’²;

¹ Здесь и далее текст цит. по: Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. — М., 1980.

² Большой толковый словарь донского казачества. — М., 2003. — С. 252 (БТСДК); Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2005. — С. 494 (СЯШ).

теплый баз 'Теплое помещение для скота'; *скотиний баз* 'Огороженное место при доме или в поле для содержания скота, скотный двор'³; *донская шуба* 'Нарядная женская казачья шуба, скроенная книзу шире, опушенная по подолу и полам'⁴; *мягкая земля* 'Земля, вспаханная осенью'⁵; *порточное (портешное) молоко* 'Отжатое кислое молоко, то же, что откидное молоко'⁶. Чтобы диалектизм был понятен читателю, автор использует различные приемы введения его в текст повествования. Самый простой прием — объяснение в сноске внизу страницы: *стать на лунки* — очень скоро, вот-вот; *свернуть вязы* — вязы — шея; *лазоревого цветка* — лазоревым цветком на Дону называют степной тюльпан. Если фразеологизм-диалектизм семантически мотивирован, обладает «прозрачной» внутренней формой или же близок по своему лексико-грамматическому составу к ФЕ литературного языка, то автор раскрывает его значение в контексте:

Похоронив отца, вьелся Пантелей в хозяйство, заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины *гулевой земли*, выстроил новые сараи, амбар под жостью. (Тихий Дон, ч. 1, гл. I). — *Гулевая земля* 'Целина, земля, не подвергавшаяся обработке, используемая как пастбище для скота'⁷;

Ты, видать *от ума отошел* с перепугу, — сожалеюще сказал Прохор. — И как это я не догадался послать вперед кого-нибудь предупредить вас? (Тихий Дон, ч. 7, гл. XXIV). — *Отойти от ума* 'Сильно испугаться, потеряв способность правильно соображать'⁸;

Опорожнив вторую миску *жидкой* пшенной *каши*, лишь слегка одобренной салом, дед Щукарь пришел в состояние полного довольства и легкой сонливости. (Поднятая целина, кн. 2, гл. XIX).

Значение диалектизма *жидкая каша* раскрывается в тексте при помощи слов-конкретизаторов *пшенная, одобренная салом* и, судя по состоянию деда Щукаря, очень сытная. Ср.: *жидкая каша* 'Кулин. Кулеш, похлебка с пшеном и картошкой, запавленная обычно салом и луком'⁹.

Герои шолоховских произведений не мыслят себя вне родной природы, традиционного уклада жизни. «Жизнь казаков представлена М. Шолоховым в единении человека с природой, в их глубинной и нерасторжимой связности» [Диброва 2008: 270]. Поэтому в его прозе встречается большое количество географических наименований (*Гетманский шлях, Млечный шлях, Батыев путь, тихий Дон*), названий природных явлений на Дону (*московский ветер, взломная вода, летняя дорога*), фразеологизмов, называющих типичные для территории Дона растения (*богородичина травка, змеиный лук, белый лес, сухобылый бурьян*). Подобные устойчивые словосочетания, так же как названия военных должностей и атрибутов военной службы (*хуторской атаман, Войсковой круг, Большой Войсковой круг, конь строевой, взгальный казак*), в текстах М. А. Шолохова выполняют номинативную функцию, создают этнолингвистический фон повествования.

Для обозначения времени действия автор широко использует диалектные фразеологизмы, называющие время суток, например начало дня, рассвет — время, когда казаки и казачки начинают свой трудовой день: *до побудного крику, до кочетов, первые кочета, вторые кочета, до третьих кочетов, до алой зорьки*. В художественном тексте ФЕ с временным значением могут приобретать новый, экспрессивно-образный смысл. Так, идиома *солнце в дуб* в донских говорах имеет два значения: 1. 'Положение солнца над горизонтом при восходе или закате' и 2. 'Положение солнца на небе в полдень'¹⁰. Оба значения этого фразеологизма реализуются в языке прозы М. Шолохова:

Хорош орёлик! *Солнце в дуб*, а он уже и ноги поднять не могёт. Через какой-такой случай спозаранку упился? (Поднятая целина, кн. 1, гл. XXXII);

Иной пастух выгонит табун на зелёнку: покуда солнце росу подбирает, — скотина ничего, кормится, а как станет *солнце в дуб*, заожит овод, зачнёт скотинку сечь, вот тут <...> и нападёт на скотину бзык. (Тихий Дон, ч. 4, гл. VIII).

В тексте «Тихого Дона» у этого диалектного фразеологизма появляется новое

³ БТСДК. — С. 30–31.

⁴ Там же. — С. 138.

⁵ Там же. — С. 293.

⁶ Там же. — С. 406; СЯШ. — С. 701.

⁷ СЯШ. — С. 318.

⁸ Там же. — С. 877.

⁹ Там же. — С. 442.

¹⁰ БТСДК. — С. 141.

метафорическое значение, усиливающее изобразительно-выразительные функции идиомы:

Вот ты куда... — Туда самое! Не слепой, вижу: на волоске всё держится. Тут только шумнуть «брысь!» — и полезет всё, как старый зипун с плеч. На третьем году и нам *солнце в дуб стало*. (Тихий Дон, ч. 4, гл. VIII). — *Солнце в дуб стало* кому 'Дело подошло к концу, к развязке (о неудачном итоге события)'¹¹.

4. Самобытность идиостиля М. Шолохова наиболее ярко проявляется в создании авторских фразеологизмов — трансформаций устойчивых выражений современного русского литературного языка и собственно авторских фразеологизмов. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский авторской идиоматикой называют «специфические особенности использования идиом, которые присущи данному писателю и выделяют его среди других носителей языка» [Баранов, Добровольский 2008: 495]. В литературе, посвященной проблемам фразеотворчества, встречаются различные классификации авторских фразеологизмов. Наиболее полно типы трансформаций устойчивых единиц и их стилистические функции в тексте представлены в монографии Н. А. Ковалевой (см.: [Ковалева 2000]). Трансформируя языковые фразеологизмы, М. А. Шолохов мастерски использует потенциальные возможности русского языка, раскрывая его богатство и выразительность, связывая образно-эмоциональное содержание ФЕ с неповторимыми условиями контекста. Нетрадиционное лексическое окружение устойчивого сочетания приводит к расширению или сужению семантического объема общеупотребительных фразеологизмов: *Давно ли проезжал я по этой червеной балке! Тогда терны цвели по всю Ивановскую, белой накипью вся балка взялась* (Поднятая целина, кн. 2, гл. XVIII). Ср.: лит. *во всю Ивановскую* 1. 'Разг. экспрес. Очень громко (кричать, орать и т. п.)'; 2. 'Очень быстро, в полную силу'¹² и текст. *во всю Ивановскую* (цвести) 'В полную силу проявлять красоту, очаровывать'. Необычность согласовательных

связей (*родятся во всю Ивановскую, падают со всех ног*) снимает автоматичность употребления фразеологизма, создает особый шолоховский юмор, делает речь персонажей яркой и образной.

Словообразовательные трансформации компонентов фразеологизмов в художественных текстах М. А. Шолохова актуализируют семантику единицы, усиливают оценочные смыслы и выражают эмоциональное отношение персонажей друг к другу:

Мелехов! Жизнь свою положу к твоим ножкам, но не дай нас в трату! (Тихий Дон, ч. 6, гл. XLI);

Казаки-то мутятся... Нашкодили, а зараз побаиваются. Заварили мы кашку, не густо, как ты думаешь? (Тихий Дон, ч. 4, гл. XV);

Птицу, курей твоих, обратно отдали, хочет голошей... и опять же голландский гусак, о каком ты дорогие слезки лила, обратно у тебя на базу проживает. (Поднятая целина, кн. 1, гл. XXX).

Модификации компонентов общеупотребительных фразеологизмов в шолоховском тексте (*заварить кашу — заварить кашку, положить жизнь к ногам* (чьим) — *положить жизнь к ножкам* (чьим), *лить слезы — лить слезки*) обогащают значение ФЕ новыми смыслами: 'сожаление', 'неуверенность в правоте своих действий', 'растерянность', 'сочувствие' и т. п.

Лексическая вариантность компонентов фразеологизмов является специфической чертой устойчивых единиц. Трансформируя ФЕ русского литературного языка, М. А. Шолохов использует системные языковые связи слов и их значений: синонимические, антонимические, родо-видовые, стилевые и др. Ср.: *шибаться в глаза* — лит. *бросаться в глаза*; *зевало раскрыть* — лит. *рот раскрыть*; *драть против шерсти* — лит. *гладить против шерсти*; *блести как зеницу ока* — лит. *хранить как зеницу ока*; *дать пять очков вперед* — лит. *дать сто очков вперед*; *своротить вязы* — лит. *свернуть шею [голову, башку]*. Узуальные фразеологизмы и их лексические трансформации в художественном тексте неравнозначны по смыслу, речь идет о частичной эквивалентности, сближающей вариантность и синонимию. Для фразеологии М. А. Шолохова характерно изменение стилевой коннотации слова, синонимическая замена компонента оттеняет разные стороны обозначаемого объекта или действия, указывая на

¹¹ СЯШ. — С. 815.

¹² Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Федорова: в 2 т. — Новосибирск, 1995. — Т. 1. — С. 269 (ФСРЛЯ).

различную степень их проявления, и дает оценочную характеристику изображаемого: *Красивая баба, в глаза шибается. Как же она жила без меня? Небось, завидовали на нее казаки, да и она, может, на кого-нибудь позавидовала.* (Тихий Дон, ч. 5, гл. XIII). В романе *шибаться в глаза* означает 'Внезапно останавливать на себе чье-л. особое внимание'. Ср.: лит. *бросаться в глаза* кому-л. 'Экспрес. Останавливать на себе чье-либо внимание'¹³.

Изобразительные возможности фразеологизмов расширяются за счет включения слов, обладающих оценочными и эмотивными коннотациями. Так, глагольный компонент идиомы *выходить (выйти) в люди* 'Разг. Добиваться приличного, хорошего положения в жизни'¹⁴ в шолоховском тексте заменяется глаголом *вылезти*: *Из полковых писарей вылез Емельян Константинович в люди, оттуда же принес в семью затхлый душок подхалимства, заискивания.* (Тихий Дон, ч. 2, гл. 1). Лексическая трансформация *выйти* > *вылезти* изменила фокус оценки на противоположный — *вылезти в люди* 'Добиться высокого положения, материального благополучия несправедливым путем'.

Синонимическая замена компонента в текстах М. Шолохова создает этнолингвистический фон повествования и связана с использованием фразеологических единиц верхнедонских говоров и авторских фразеологизмов с включением диалектного слова: *до болятки* — лит. *до боли*; *кулюкать в девках* — лит. *сидеть в девках*; *дать взвару* кому-л. — лит. *дать жару* кому-л. Авторский фразеологизм *блукать в потёмках* 'Не ориентироваться в обстановке, не разбираться в чем-либо'¹⁵ образован с помощью лексической трансформации глагола *блуждать* > диал. *блукать* 'Блуждать'¹⁶. Например: *Мы тут в потёмках блукаем. — Чужим-то верить опасно. Брехни много...* (Тихий Дон, ч. 4, гл. XVII). В прозе М. Шолохова встречаются преобразования компонентов фразеологизмов на основе тематического ряда: *на роду нарисовано* — лит. *на роду написано*; *заливает жаворонком* — лит. *заливается соловьем*;

дать пару кому-л. — лит. *дать жару* кому-л.; *напороться на историю* — лит. *попасть в историю*.

Преобразуя структуру устойчивых оборотов русского национального языка, автор использует прием контекстуального расширения и сужения: за *хлёстким словом в карман юбки не лезть*; *подвести, как слепого, под монастырь*; *резать правду-матку в глаза*; *на понюх (не нужны)*.

Ср.:

Нет, никогда и ни при каких обстоятельствах она не терялась и за хлестким словом в карман юбки не лезла, не говоря уже о том, что еще не было в хуторе такой ревнивицы, которая сумела бы опростоволосить Лушку, сорвать с ее головы платок. (Поднятая целина, кн. 2, гл. III). — Лит. *за словом в карман не лезет* 'Разг. Одобр. Находчив в беседе, в споре, красноречив'¹⁷.

Расширение лексического состава языкового фразеологизма актуализирует семантику ФЕ за счет «оживления» внутренней формы идиомы. С помощью различных приемов структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц М. Шолохов снимает их клишированность в языке художественного произведения, речь литературного героя становится живой, эмоциональной, запоминающейся, характеризующей его темперамент и жизненные ценности.

В составе авторской фразеологии в языке прозы М. Шолохова наибольший интерес представляют собственно авторские фразеологизмы. Индивидуально-авторские ФЕ — это речевые единицы, созданные по сходным с языковыми фразеологизмами моделям и представляющие собой необычное, метафорическое переосмысление свободных сочетаний слов. Фразеологизмы-окказионализмы сохраняют полную зависимость от текста, для которого они созданы: *с воробынью четверть* 'Об очень небольшом куске земли'¹⁸; *легла на плечи стезжа* кому 'Кто-л. сильно опечален'; *променять серебро на золото* 'Вовремя замолчать'; *пуля приласкалась* 'Кто-л. ранен'¹⁹. Например:

Вспомнилась ей та ночь, когда она уговаривала его в своей горнице идти на Кубань... Так

¹³ ФСРЛЯ. — Т. 1. — С. 54.

¹⁴ Там же. — С. 129.

¹⁵ СЯШ. — С. 189.

¹⁶ БТСДК. — С. 47.

¹⁷ ФСРЛЯ. — Т. 1. — С. 346.

¹⁸ СЯШ. — С. 922.

¹⁹ Там же. — С. 721.

же было, а Григорий сейчас и тот и не тот. Легла на плечи длинная, протоптанная днями стежка. (Тихий Дон, ч. 2, гл. XXI);

В третьем часу пополудни приласкался к Григорию пуля. Раскаленный кусочек свинца, одетый никелевой оболочкой, прожег мясную ткань в ноге выше колена. (Там же, ч. 5, гл. XII);

А хучь оно хорошее слово, как мое, и серебро, а молчание — золото. — Ты бы всё свое серебро-то на золото поменял! Другим бы успокой-нее было... — посоветовал Нагульнов. (Поднятая целина, кн. 1, гл. XXI).

Буквальный, пословный смысл авторских фразеологизмов вызывает удивление читателя, а фразеологическое значение, поддержанное контекстом, помогает понять смысл нестандартных составных единиц с переносным значением. Таким образом, своеобразие идиостиля писателя заключается в широком использовании народно-разговорной речи и в создании окказиональных слов и фразеологизмов.

Использование в художественных текстах М. А. Шолохова фразеологических единиц русского литературного языка, диалектных устойчивых сочетаний слов и авторских фразеологизмов, обладающих особыми изобразительно-выразительными свойствами, дает возможность автору с наибольшей полнотой раскрыть перед читателем самобытную культуру донского казачества и выразить трагическое мироощущение личности и целого народа на сломе эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. — М., 2008.

Диброва Е. И. Художественный текст: структура, содержание, смысл // Избранные работы: в 2 т. — М., 2008. — Т. 1.

Ковалева Н. А. Авторское фразообразование в коммуникативной стратегии текста в письмах А. П. Чехова. — Астрахань, 2000.

Семенова Н. А. Приемы создания авторских фразеологизмов в романе М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Текст: структура, семантика, стилистика: в 2 ч. — М., 2015. — Ч. 2. — С. 36–42.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

REFERENCES

Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Aspects of the theory of phraseology. Moscow, 2008. (In Rus.)

Dibrova E. I. Literary text: structure, content, meaning. In *Izbrannye raboty* [Selected works]: in 2 vol. Moscow, 2008, vol. 1. (In Rus.)

Kovaleva N. A. Authors phrase-formation in the communicative strategy of the text in the letters of A. P. Chekhov. Astrakhan, 2000. (In Rus.)

Semenova N. A. Techniques for creating author phraseologisms in the novel by M. A. Sholokhov «They Fought for the Motherland». In *Tekst: struktura, semantika, stilistika* [Text: structure, semantics, stylistics]: in 2 part. Moscow, 2015, part. 2, pp. 36–42. (In Rus.)

Teliya V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow, 1996. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Надежда Александровна Семенова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Nadezhda A. Semenova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54

Функционирование диминутивов в современной русской речи

Наталья Анатольевна Николина

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: admin@riash.ru*

В статье рассматриваются особенности функционирования диминутивов в современной русской речи. В центре внимания – употребление экспрессивных диминутивов, преимущественно имен существительных. Выделяются основные сферы использования производных с суффиксами субъективной оценки в русской речи на рубеже XX–XXI вв.: фамиллярные обращения, общение с детьми, гастрономическая сфера, ситуации бытового обслуживания. Отмечаются оценочная амбивалентность экспрессивных диминутивов и рост числа контекстов, включающих эти производные слова и выражающих ироническую экспрессию. Показано, что для современной русской речи характерны новые тенденции употребления экспрессивных диминутивов: это интенсивное использование производных слов, в которых семантика аффикса противоречит значению основы, и распространение слов категории состояния и наречий с суффиксами диминутивности. Подчеркиваются роль диминутивов в русской языковой картине мира и ее динамика, связанная с изменениями в характере употребления рассматриваемых производных слов.

Ключевые слова: диминутивы; суффиксы субъективной оценки; уменьшительность; экспрессия; ирония; ласкательность; современная речь

Ссылка для цитирования: Николина Н. А. Функционирование диминутивов в современной русской речи // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 49–54. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54.

Diminutive Functioning in Modern Russian Speech

Natalia A. Nikolina

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: admin@riash.ru*

The article discusses the features of diminutives in modern Russian speech. The focus is on the use of expressive diminutives, mainly nouns. The main areas of the use of derivatives with suffixes of subjective assessment in Russian speech at the turn of the 21st century are distinguished: unceremonious treatment, communication with children, the gastronomic sphere and consumer service situations. The evaluative ambivalence of expressive diminutives and an increase in the number of contexts involving these derivative words to express irony are stated. A number of trends in the use of expressive diminutives in modern Russian speech are revealed: the use of derivative words, in which the affix semantics contradict the meaning of the stem, and the distribution of status category words and adverbs with diminutive suffixes. The role of diminutives in the Russian language picture of the world and its dynamics associated with changes in the nature of the use of the derivatives in question are emphasized.

Keywords: diminutives; suffixes of subjective assessment; diminution; expression; irony; affectionateness; modern speech

A reference for citation: Nikolina N. A. Diminutive functioning in modern Russian speech. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 49–54. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54.

Введение. Диминутивы активно изучались в русистике начиная с XVIII в. Так, уже в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755) рассматриваются «увеличительные и умалительные» образования, при этом «умалительные» существительные разделяются ученым на «ласкательные» и «презирательные» [Ломоносов 1982: 98]. Позднее А. А. Потебня последовательно разграничил экспрессивные и собственно уменьшительные диминутивы и показал, что в них «выражается личное отношение говорящего к вещи» [Потебня 1968: 74]. Как отмечал В. В. Виноградов, посредством диминутивов передается «пестрая и противоречивая гамма эмоций» [Виноградов 2001: 101]. В «Русской грамматике» 1980 г. также подчеркивается многофункциональность имен существительных с субъективно-оценочными значениями и выделяются свойственные им уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное значения [Русская грамматика 1980, I: 208–210]. Изучена история диминутивов, рассмотрена утрата экспрессии многими бывшими уменьшительными образованиями, выделены некоторые семантические сферы регулярного употребления диминутивов, в частности как маркера детской речи [Фуфаева 2016]. В то же время остается актуальным рассмотрение специфики употребления оценочных производных в современной речи.

Цель данной статьи – выявление особенностей функционирования диминутивов в русской речи на рубеже XX–XXI вв. Источником языкового материала послужили тексты современной художественной литературы и СМИ, а также записи живой устной речи. В процессе анализа используются описательный и структурно-семантический методы.

Функционирование диминутивов в современной речи. В современном русском языке различаются две группы диминутивов: 1) производные модификаты с семантикой собственно уменьшительности (*домик, листик, тазик* и др.) и 2) экспрессивные производные, не имеющие уменьшительного значения и служащие для выражения оценочной семантики, субъективного отношения к обозначаемому. Рассмотрим, например, контекст из повести Т. Мжаванадзе «Лето, бабушка и я»:

...Поселимся где-нибудь на новом месте, дом какой-нибудь развалюха или *квартирка* чужая

сьемная, я как огонь – все вылижу, чистоту наведу...

Думаю – надолго ли? Мне же гнезда своего хотелось, я и *огородик* тут же разводила, у меня в мечтах все свое, и свежее, и вкусное...

В первом случае слово *квартирка* представляет собой экспрессивный диминутив, выражающий негативное отношение героини к съемному жилью, во втором случае производное *огородик* реализует уменьшительное значение.

Производные с собственно уменьшительной семантикой служат основой для развития субъективно-оценочных значений – экспрессивно-эмоциональных значений ласкательности, умиления, пренебрежения, уничижительности. В особую группу, с нашей точки зрения, следует выделять производные, образованные от основ абстрактных, вещественных существительных, названий лиц, например *счастье, здоровьишко, сливочки, человечек*. Такие дериваты выступают в речи в чисто прагматической функции. По мнению Алиции Нагурко, они никогда не имеют значения «объективного уменьшения» [Nagórko 2009: 784] и могут рассматриваться как квазидиминутивы. Следует также отметить, что многие бывшие диминутивы в современном русском языке уже утратили значения уменьшительности и ласкательности и стали нейтральными наименованиями, например, *лягушка, мужик, пятка*.

Диминутивы с собственно уменьшительным значением в современной речи служат для обозначения конкретных предметов и позволяют дифференцировать объекты по их размеру; ср. *домище – дом – домик; ручища – рука – (детская) ручка; (большая) река – речка – речушка*.

Экспрессивные производные с суффиксами субъективной оценки в современной русской речи широко используются для выражения не только ласкательности, но и пренебрежительности, уничижительности, жалости и снисходительности; ср., например:

– Ну вот... В общем, меня начальство просило подогнать *человечка*. Пойдешь?

Я поморщился. (А. Аствацатуров);

– Я тебе тут *яблочко* принесла, – пыхтя на ходу, бормочет мама и шуршит пакетом... – *Виногради*к кушала... (И. Манахова).

Диминутивы в современной речи, таким образом, характеризуются аксиологической

(оценочной) амбивалентностью. Их значение определяется, во-первых, характером основы, с которой сочетаются суффиксы субъективной оценки, во-вторых, контекстом или ситуацией, в которой они употребляются, в-третьих, интенциями говорящего, его установкой на иронию или на выражение позитивного отношения к адресату или предмету речи.

На функционирование диминутивов влияют историко-культурные и социолингвистические факторы. Если в древнерусском языке, например, уменьшительно-оценочные образования последовательно использовались при обращении к вышестоящему как средство самоуничижения, обозначения более низкого социального статуса, то в современной речи они связаны с различными речевыми ситуациями, прежде всего неформальными, предполагающими непринужденность общения, шутиливую коммуникацию.

Диминутивы с уменьшительно-ласкательным значением прежде всего традиционно сохраняют устойчивость употребления в общении с детьми; см., например, типичные высказывания:

Иди ко мне на ручки. Смотри, *воробушек*.
Какая у *Сонечки кофточка* красивая!

Экспрессивные диминутивы с этой семантикой регулярно используются и в современных литературных произведениях, адресованных детям. Например:

Вы поняли, наверно,
Ошибочку мою.
Ошибочка простая,
Секрета не таю...
Коробочку я склеил
И *крышечку* закрыл.
Я написал на стенах
А на полу — забыл.

(Тим Собакин);

У Пети есть *кораблик*,
У Саши — пистолет,
Но *желтенького стеклышка*
У них, конечно, нет.

(В. Лунин).

Диминутивы, свойственные детской речи или речи, обращенной к детям, закрепляются в речи взрослых. «Такие формы, как *кроваточка* или *лошадочка*, вызывают

в памяти мир маленьких детей и ту эмоциональную ауру, которая возникает при общении с маленькими детьми. Входя в этот мир и пытаясь общаться с его обитателями, взрослый испытывает смесь нежности, умиления, игривости, несерьезности и т. п.» [Вежицкая 1997: 119].

В то же время многие диминутивы в речи взрослых основаны на своеобразной стилизации речи детей. Чаще всего эти производные служат средством самоиронии. «В частности, новый диминутив *печалька* тонко характеризует детскость и неполную серьезность и “настоящность” чувства печали, в его коннотации отсутствует грань между подражанием ребенку и самоиронией, т. е. в нем есть элемент языковой игры» [Фуфаева 2018: 308].

Другая сфера регулярного использования диминутивов с уменьшительно-ласкательным значением в современной речи — дружеские и интимные отношения. Производные с суффиксами субъективной оценки здесь регулярно выступают в функции обращений. Показателен, например, анекдот, который приводится в «Словаре русской разговорной речи»:

— *Солнышко!*
— Что, *котик?*
— *Рыбонька*, сделай завтрак.
— Конечно, *медвежонок*.
— Спасибо, *ласточка*.
— Не за что, *козлик*.
— Я тебя люблю, *киска*.
— Я тебя тоже, *зайчик*.
— Погоди, ты тоже не помнишь, как меня зовут?¹

В других случаях «ласкательные» дериваты выступают обычно в бытовой сфере «при контакте предлагающего и потребителя» [Милославский 2015: 235]. Ср., например:

Прошу, прошу, все в вашем распоряжении.
Норочка, соболь, *лисичка*... (Е. Чижова).

Изларька выбралась внушительной комплекции, но угодливая в жестах тетка с подносом...

— *Шашлычок!* — объявила она, ловко снимая с подноса пластиковые тарелки. — *Салатик! Хлебушек!* (А. Козлова).

¹ Толковый словарь русской разговорной речи. — М., 2017. — Вып. 2. — С. 56.

Можно выделить основные типы ситуаций, в которых регулярно используются диминутивы. Это:

- ситуация застолья, угощения (*супчик, селедочка, салатик* и др.), например: *Попробуй селедочку. Берите рыбку*;
- ситуация купли-продажи какого-либо товара: *Берите икорку. Только сегодня привезли. Мне творожку, пожалуйста. Сколько колбаски вам порезать?* (Разг. речь);
- ситуации общения в сфере бытового обслуживания; см. например, разговоры в парикмахерской: *Вы какую стрижечку предпочитаете? Челочку нужно подровнять.* (Разг. речь).

Особенно активны диминутивы, используемые в первой коммуникативной ситуации. В ряде работ встречаются даже специальные терминологические обозначения — «кулинарные диминутивы» или «гастрономические диминутивы». Лексические единицы, характерные для современных кулинарных форумов, часто включают суффиксы субъективной оценки. Показательны в этом плане ироничные наблюдения Н. Белюшиной в статье «Отчаянные и домохозяйки»:

...Два кита, на которых держится этот язык, — уменьшительность и ласкательность... *пюрешки, мяско, яички, солька, масличко, шпротики, шампики* (по-русски говоря, шампиньоны), — это норма культурной жизни. <...> *Бананчики* с карри. Хрусть-хрусть. Фаршированный *сельдерейчик*. *Перчик*, фаршированный гречкой, овощами и мяском. *Салатик* с *заливочкой* из клубники с *имбирьчиком*².

Кроме того, экспрессивные диминутивы служат «показателем устойчивости в картине мира носителей языка эмоционального (ласкательного) отношения к объектам природы» [Фуфаева 2016: 263]. В устной речи представителей разных социальных групп регулярно встречаются такие обозначения, как *веточки, елочки, котик, грибочки, розочки, собачка, травка, фиалочки* и др.

Экспрессивные диминутивы в ряде случаев воспринимаются как формы квазивежливости, как черта обывательской,

мещанской речи, отступление от норм хорошего вкуса; см., например:

Сватья говорила «полотенчико», а у Людмилы Никаноровны начиналась падучая. Как и от «пельмешков». (М. Трауб. Бедабеда).

Одновременно они продолжают служить сигналом установки на эмпатию, проявлением позитивного отношения к адресату или объекту речи:

— А я *водочки* налила, — проскрипела баба Валя откуда-то из-за стола. — *Булочки* нарезала. (К. Букша).

В языке современных СМИ экспрессивные диминутивы регулярно используются для выражения отрицательной оценки, которая явно превалирует, см. мнение исследователя: «В современных российских медийных текстах более актуальным является функционирование диминутивов с пренебрежительным, уничижительным оттенками, что способствует созданию в тексте иронии и негативной оценки» [Рацибурская 2015: 333]. Например:

Нужна элита, а не *элитка*. (КП, 21.11.2014);

В штрафной *майданчик* никто не войдет. (Советский спорт, 27.02.2015);

Оловянные *прокурорчики*. (Новые известия, 06.04.2015).

В разговорной речи и сленге широкое распространение получили производные, образованные новым комбинированным способом словообразования, который активно формируется в современном русском языке, — усечением в сочетании с суффиксацией. При этом используются суффиксы, характерные для диминутивов: *басик* (бассейн), *дезик* (дезодорант), *мультик*.

Новой тенденцией в употреблении диминутивов в современной речи стало расширение круга производных, которые выражают субъективную оценку и образованы от основ существительных, обозначающих абстрактные понятия либо явления, не предполагающие уменьшения их размера или объема, например *планетка, теорийка, капитализм, либерализм, форумчик*. Подобные образования-квазидиминутивы выражают ироническую экспрессию или имеют отрицательно-оценочное значение; ср.:

Постарели все... у кого *рачок*, у кого *инфарктик*. (М. Головановская);

Эта *теорийка* стара как мир. (Разг. речь).

² Белюшина Н. Отчаянные и домохозяйки [Электронный ресурс]. — URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/78699> (дата обращения: 12.05.2020).

Ироническая оценка усиливается в результате распространения таких диминутивов пейоративными определениями и неопределенным местоимением *какой-то*: *местечковый патриотизмик, чахоточный капитализмик, какой-то идиотизмик*.

Данные образования характерны и для других славянских языков, в частности польского. Как отмечает Е. И. Коряковцева, «в ходе модификационного словопроизводства в отнесении к процессам и результатам психической и интеллектуальной деятельности человека смысл “меньше нормы” трансформируется в “не имеющий социальной значимости”» [Коряковцева 2015: 188].

Образование отмеченных диминутивов свидетельствует о тенденции к снятию жестких стилистических ограничений, ранее характерных для синтагматики морфем.

Другой, не менее заметной тенденцией употребления диминутивов в современной речи является распространение их в сфере слов категории состояния и наречий. Для таких образований характерно использование суффикса *-еньк-*:

Я бы лично выбрала «городское» из этого ассортимента — *нейтральненько*. (Ю. Линде);

Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема — свадьба Ксении Собчак. И *гламурненько*, и *опозиционненько*. (Российская газета, 05.02.2013);

Прешновато, но *православненько*. (Московские новости, 07.11.2014).

Предикативы-диминутивы рассматриваются исследователями как средство снятия излишней категоричности, избыточно пафоса, см., например: «Можно предположить, что основная коммуникативная ценность модели на *-енько* в новых образованиях заключается в отказе от категоричности, навязывания своего мнения, в затушевывании субъекта, чьи действия оцениваются отрицательно, но безлично и сдержанно, и, таким образом, в профилактике характерных для Рунета конфликтов, пресловутых скандалов-дискуссий» [Фуфаева 2018: 290]. Представляется, однако, что спектр выражаемых подобными предикативами смыслов значительно шире. Указанные образования служат средством снижения, смягчения резкой, прямолинейной оценки, создания

иронической экспрессии, одним из способов легкой издевки. Предикативы при этом неоднородны. Слова категории состояния типа *либеральненько, оппозиционненько* образуются с нарушением словопроизводственных закономерностей, связанных с нестандартным характером основы и несоответствием ее семантики аффикса. Их употребление подчеркивает обычно некоторую отстраненность говорящего от характеризующей им ситуации или положения дел. Данные предикативы используются чаще в конструкциях, обладающих особой оптикой, передающих критичный взгляд наблюдателя «со стороны».

Сфера экспрессивных диминутивов в современной русской речи, таким образом, расширяется, при этом заметно активизируются средства, выражающие пейоративную ироническую оценку.

Выводы. Экспрессивные диминутивы традиционно считаются одной из существенных особенностей русской языковой картины мира. По мнению Анны Вежицкой, они «определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи» [Вежицкая 1997: 55]. Ср. также: «Похоже, это отражает важную черту русской народной философии, которая считает, что человек заслуживает жалость и поощряет смирение и сострадание. Такие слова, как *зимушка* (русская зима), *волюшка* (воля — желанная, но часто недостижимая), *смертушка* (смерть — неизбежная, и которую поэтому надо принимать с любовью)... — все они имеют ясное экзистенциальное содержание и связаны с традиционно русским отношением к жизни...» [Вежицкая 1997: 130]. В современной русской речи это «экзистенциальное содержание» частично утрачено, заметны изменения в национальной языковой картине мира, экспрессивные диминутивы все чаще используются как средство отрицательной оценки или в ироничных высказываниях. Последовательно они употребляются в нескольких сферах: в общении с детьми, в конструкциях с обращением, в ситуации еды, застолья, в сфере обслуживания. В бытовой речи экспрессивные диминутивы воспринимаются как своеобразная форма «квазивежливости» или проявления особой эмоциональности говорящего.

Для современной русской речи характерны новые тенденции употребления диминутивов: активизация слов категории

состояния с суффиксом *-еньк-* и распространение производных, в которых семантика суффикса противоречит характеру основы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежибцкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 2001.
- Милославский И. Г. Параметр «меньше нормы» в парадигме обеспечения речевых действий // *Diminutives in Slavic languages: Form and Role*. — Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. — С. 233–248.
- Коряковцева Е. Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами // *Diminutives in Slavic languages: Form and Role*. — Maribor, Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. — С. 184–196.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика. — СПб., 1982.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1968. — Т. 3.
- Рабибурская Л. В. Диминутивы в текстах современных российских масс-медиа // *Diminutives in Slavic languages: Form and Role*. — Maribor, Bielsko-Biala; Budapest; Kansas; Praha, 2015. — С. 331–337.
- Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1.
- Фуфаева И. В. Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма // *Национальные коды в языке и литературе*. — Нижний Новгород. — 2018. — С. 302–311.
- Фуфаева И. В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. — 2016. — № 3. — С. 257–266.
- Фуфаева И. В. Уход от категоричности оценки с помощью диминутивов как проявление современного речевого этикета // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации*. — М., 2018. — С. 287–291.
- Nagórko A. Diminutiva, Augmentativa und Kollektiva // *Die Slavischen Sprachen*. — Berlin; New York, 2009. — С. 782–792.
- Vinogradov V. V. Russian language. The grammatical doctrine of the word. Moscow, 2001. (In Rus.)
- Miloslavsky I. G. «Less than normal» as a feature for receptive and productive speech activity in Russian. In *Diminutiv v slavyanskikh yazykakh: Forma i rol'* [*Diminutives in Slavic languages: Form and Role*]. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015, pp. 233–248. (In Rus.)
- Koryakovtseva E. Substantive (quasi)diminutives derived from Russian and polish *nomina abstracta* with international affixes. In *Diminutiv v slavyanskikh yazykakh: Forma i rol'* [*Diminutives in Slavic languages: Form and Role*]. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015, pp. 184–196. (In Rus.)
- Lomonosov M. V. Russian grammar. Saint-Petersburg, 1982. (In Rus.)
- Potebnya A. A. From notes on Russian grammar. Moscow, 1968, vol. 3. (In Rus.)
- Ratsiburskaya L. V. Diminutives in the texts of modern Russian mass media. In *Diminutiv v slavyanskikh yazykakh: Forma i rol'* [*Diminutives in Slavic languages: Form and Role*]. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015, pp. 331–337. (In Rus.)
- Russian grammar. Moscow, 1980, vol.1. (In Rus.)
- Fufaeva I. V. Diminutives in Russian ironic discourses: from friendly jokes to sarcasm. In *Natsional'nye kody v yazyke i literature* [*National Codes in Language and Literature*]. Nizhny Novgorod, 2018, pp. 302–311. (In Rus.)
- Fufaeva I. V. Expansion of expressive diminutives in the Russian language. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [*Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*]. 2016, No. 3, pp. 257–266. (In Rus.)
- Fufaeva I. V. Avoidance of categorical assessment with the help of diminutives as a manifestation of modern speech etiquette. In *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii* [*Politeness and anti-politeness in language and communication*]. Moscow, 2018, pp. 287–291. (In Rus.)
- Nagórko A. Diminutiva, Augmentativa und Kollektiva. In *Die Slavischen Sprachen*. Berlin; New York, 2009, pp. 782–792. (In Germ.)

REFERENCES

Vezhbitskaya A. Language. The culture. Cognition. Moscow, 1997. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Natalia N. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-55-60

Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире

Владислав Евгеньевич Замальдинов

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

В статье рассматриваются словообразовательные неологизмы как отражение современной эпидемической обстановки в мире. Материалом для анализа послужили медийные тексты. Социальная обусловленность языка СМИ привела к появлению большого количества новых номинаций. Автор предпринимает попытку выделить узуальные способы словообразования (префиксация, суффиксация), отмечает расширение круга аффиксидов. С помощью новообразований журналисты выражают негативное отношение к эпидемической обстановке в мире, оказывают психологическое воздействие на читателя, иронично осмысляют окружающую действительность, приближают медийную коммуникацию к разговорной речи, обозначают высокотехнологичные явления. Автором описаны такие неузуальные (окказиональные) способы словопроизводства, как контаминация, тмезис, междусловное наложение, заменительная деривация. В статье отмечается, что окказиональные деривационные средства позволяют журналистам достичь комического эффекта, привлечь внимание адресата; нарушая принцип целостности слова, они выражают негативную экспрессию. Проведены структурно-семантический и словообразовательный виды анализа инноваций. Сделан вывод о том, что огромное влияние на язык оказывают экстралингвистические факторы.

Ключевые слова: инновации; префиксация; суффиксация; аффиксид; контаминация; тмезис; междусловное наложение; заменительная деривация; язык СМИ

Ссылка для цитирования: Замальдинов В. Е. Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 55–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-55-60.

Innovations as a Reflection of the Current Epidemic Situation in the World

Vladislav E. Zamaldinov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

The article considers word-building neologisms as a reflection of the current epidemic situation in the world. The material for the analysis was mass media texts. The sociocultural aspect of the language of the media led to the emergence of a large number of new nominations. The author makes an attempt to single out the common ways of word formation (prefixation, suffixation) and notes the expansion of affixoids. With the help of neologisms, journalists express a negative attitude towards the epidemic situation in the world, exert a psychological influence on the reader, ironically comprehend the surrounding reality, bring media communication closer to speaking, and designate high-tech phenomena. The author describes such occasional methods of word formation as contamination, tmesis, interword overlapping and substitutional derivation. The study reveals that occasional derivative means allow journalists to achieve a comic effect, attract the attention of the addressee; violating the principle of the integrity of the word, as well as to express negative expression. Structural-semantic and derivational types of analysis of innovations are carried out. It is concluded that extralinguistic factors have a great impact on the language.

Keywords: innovation; prefixation, suffixation, affixoid; contamination; tmesis; interword overlap; substitutional derivation; mass media language

A reference for citation: Zamaldinov V. E. Innovations as a reflection of the current epidemic situation in the world. In *Russkii yazyk v shcole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 55–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-55-60.

На рубеже XX–XXI вв. в мире произошли глобальные изменения во всех сферах общества. Как отмечают

исследователи, «глубокие и принципиально важные перемены происходят практически одновременно во всех сферах

жизнедеятельности общества и, в той или иной степени, охватывают все страны и народы нашей планеты» [Колин 2019: 6]. Смена политических установок, ликвидация цензуры, научно-технический прогресс, международные контакты, социальные катаклизмы оказали влияние на язык средств массовой информации. По мнению Н. С. Валгиной, «влияние социального фактора на изменения в языке оказывается активным и заметным в наиболее динамичные периоды жизни общества, связанные с существенными преобразованиями в разных сферах жизнедеятельности» [Валгина 2003: 9]. Журналисты стали управлять вниманием адресата, воздействовать на его мышление, искажать информацию, создавать собственную реальность. Как справедливо отмечает О. С. Иссерс, «медиа в постиндустриальном обществе являются не только посредниками в трансляции информации, но и одним из главных стимулов для формирования социальных норм во всех сферах общественной жизни» [Иссерс 2019: 179].

Социальная обусловленность языка СМИ привела к появлению большого количества словообразовательных неологизмов (новообразований). Инновации интерпретируют реалии действительности, отражают изменение ценностей, воздействуют на языковой вкус адресата. «Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований» [Катермина 2016: 27].

Иллюстрацией того, что язык отражает состояние современного общества, формирует мышление всей нации и чутко реагирует на социально-политические изменения, могут служить новые номинации, возникшие как реакция на эпидемическую обстановку в мире. Ситуация с коронавирусной инфекцией (Covid-19) активно освещается в медиакommunikации. Распространение респираторной инфекции, отсутствие эффективных средств лечения и гибель зараженных вызывают деструктивное воздействие на социально-экономическую жизнь общества. Это проявляется в том, что отменяются спортивные и культурно-массовые мероприятия, закрываются границы между странами, увеличиваются

затраты в сфере здравоохранения. Таким образом, бурное обсуждение в обществе опасного заболевания привело к возникновению в языке новообразований.

При создании инноваций, отражающих распространение коронавирусной инфекции, журналисты используют такие узловые способы словообразования, как префиксация и суффиксация. Активность проявляют приставки *анти-* со значением отрицания и *псевдо-* с семантикой фактивности:

Apple потребовался антикоронавирус

iPhone, как известно, разработан в Калифорнии и изготовлен в Китае, что означает, что и компания Apple страдает от вспышки коронавируса на стороне как спроса, так и предложения. (Seldon.News, 28.01.20);

Я считаю, что коронавирус в Китае — это пробный удар по населению этой страны. Китай ведет войну на всех континентах. <...> Январская *псевдоэпидемия* может быть предупредительным ударом. (Президент, 07.02.20).

Анализ материала показал, что с помощью подобных префиксальных новообразований журналисты выражают негативное отношение к эпидемической обстановке в мире.

Продуктивным способом образования новых номинаций является суффиксальный способ. «При суффиксальном способе формант (суффикс) сочетается не с целым производящим словом, как при префиксальном способе, а с основой производящего слова» [Мусатов 2010: 252]. Журналисты активно используют размерно-оценочный суффикс *-ищ(е)*: *Вирусище, Коронавирусище* (заголовки). С помощью новообразований с данным экспрессивным суффиксом они оказывают психологическое воздействие на адресата, иронично осмысливают действительность и приближают медийный текст к разговорной речи. «Активизация размерно-оценочного словообразования не только в разговорной речи, но и в медийных текстах объясняется усилившейся в последние десятилетия тенденцией СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста» [Радбиль, Рацибурская 2017: 35].

Отрицательную экспрессию нередко приобретают новообразования с суффиксом *-и-* с семантикой ‘совершать действия,

имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным¹:

Мамочки, перестаньте «коронавирусить»!

Коронавирус стал сегодня, пожалуй, самым сильным оружием пропаганды на всех уровнях и в разных регионах мира. Именно пропаганды, потому что известно, что умереть от обычного гриппа гораздо проще, чем от коронавируса. (FLB.ru, 03.03.20).

В данном случае отрицательный смысл идет от мотивирующего имени существительного *коронавирус*. Нельзя не согласиться с исследователями, что «подобные глаголы (в основном это глаголы на *-ить*) очень легко образуются, как только поступает социальный заказ» [Ильцова, Амири 2015: 153].

Активно расширяется группа аффиксидов при образовании новых лексических единиц в медиакоммуникации. В медийных текстах зафиксированы новые номинации с префиксоидом *кибер-* для обозначения высокотехнологичных явлений: *Осторожно, кибер-коронавирус: эксперты рассказали, как не попасть в ловушку мошенников* (заголовок). Отметим, что с помощью инноваций с префиксоидом *кибер-* журналисты создают объекты виртуальной реальности. Новообразования с данной морфемой обладают отрицательной экспрессией, которая поддерживается контекстом.

Дериваты с суффиксоидом *-гейт* с семантикой 'политический скандал' журналисты используют для распространения негативной информации и отражения актуальных социальных явлений:

Коронавирусгейт, судя по всему, должен был отодвинуть в тень другую информационную повестку дня Украины, речь идет о Мюнхенской конференции с ее позорными предложениями, хотя в то же время на Совбезе ООН повторили формулу: Россия — агрессор. (Еспресо TV, 27.02.20).

По мнению И. В. Гуровой, «языковым маркером глобализации и сверхсобытийности социальной жизни славян становятся гейтлексемы — слова

с интернациональным компонентом *-гейт*, обозначающие скандалы преимущественно в политической сфере» [Гурова 2019: 84].

Для языка СМИ характерны новообразования с суффиксоидами *-мания* и *-фобия* со значением чрезмерного пристрастия или боязни чего-либо:

Необходимо признать, что уже сейчас в мире формируется и растет симптомокомплекс, направленный *вирусофобией* и *маскоманией*, причем они взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга. <...> Поэтому фактор искусственного манипулирования СМИ по вопросам распространения коронавируса отметить нельзя. (Радио «Эхо Москвы», 30.01.20).

Несложно заметить, что «одним из словообразовательных средств регулярно воспроизводимой в современном дискурсе метафоры болезни являются аффиксы и аффиксоиды *-мания*, *-ман* <...> и *-фобия*» [Нефляшева 2009: 179].

В медийной коммуникации широко используются неузальные способы словообразования. Как справедливо отмечают исследователи, «особым средством создания экспрессии при восприятии текста являются собственно окказиональные способы словопроизводства, которые сами являются нарушителями языкового стандарта» [Петрова, Рацибурская 2011: 84].

Ярким экспрессивным средством служат сложносокращенные новообразования:

Вирусономика Трампа

Президент США объявил в стране режим «чрезвычайной ситуации» из-за вспышки коронавируса (Новая газета, 14.03.20) ← *вирус* + (*эк*)*номика*.

Данный пример можно рассматривать как образец бинарного словообразования: с одной стороны, перед нами результат слога-словной аббревиации с нетрадиционным начальным усечением второго компонента (безаффиксный способ); с другой — пример основосложения по аббревиатурному типу (комбинированное словопроизводство). С помощью подобных новообразований журналисты достигают иронично-саркастического тона публикации.

Еще одним выразительным деривационным средством является такая стилистическая фигура, как тмезис. Под ним мы

¹ Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М., 2016. — С. 721.

будем понимать вставку одной значимой лексемы или морфемы внутрь другой:

Коронавирусная инфейкция

4 марта президент России Владимир Путин на встрече в Ново-Огарево с членами правительства поделился очередной неприятной правдой о коронавирусе COVID-19. Он идет к нам из-за рубежа не только как инфекция, но и как фейк. (Коммерсантъ, 05.03.20) ← *инфекция* + *фейк*.

Как видно из примера, с помощью номинации *инфейкция* журналисты привлекают внимание адресата, нарушают принцип целостности слова, выражают негативную экспрессию. Нельзя не согласиться с В. И. Шаховским, что «некоторые журналисты провоцируют бурные обсуждения фейковых событий, а событий нет; отвлекают внимание общества от более серьезных проблем и событий» [Шаховский 2019: 7].

Для интерпретации эпидемической обстановки в мире журналисты используют новообразования, созданные междусловным наложением. Мы рассматриваем междусловное наложение как «соединение двух слов в одно, в котором полностью сохраняются оба соединяющихся слова, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям» [Улуханов 1996: 52]:

Вирусъ, куда ж несешься ты

Россия дождалась своего коронавируса (Коммерсантъ, 01.02.20) ← *вирус* + *Русь*;

Симптом затрудненного отдыхания

Политическое противостояние России и Турции и вспышка коронавируса могут подтолкнуть туристическую отрасль к новому кризису. Аналитики не исключают, что выручка российских туроператоров в этом году сократится на 30–50%, а некоторые небольшие игроки обанкротятся (Коммерсантъ, 05.03.20) ← *отдых* + *дыхание*.

Подобные инновации служат средством выражения иронической оценки, «обладают эмоционально-эстетической окраской, оценочностью, оригинальностью, смысловой уплотненностью»².

Перемены, происходящие в мировом сообществе, отражают новые номинации,

² Замальдинов В. Е. Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ начала XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2018. — С. 85.

созданные с помощью заменительной деривации. Субституция — словообразовательный процесс, при котором происходит замена корневой или другой неформантной части в узуальной сложной лексеме. «Сущность данного способа словообразования состоит в том, что в результате замены корневой или другой части слова появляется инновация» [Радибурская, Замальдинов 2017: 38].

Разновидностью субституции является трансрадикация, т. е. замена корневого компонента другим корнем:

Вирус-мажорные обстоятельства

Власти РФ готовы учесть фактор эпидемии при исполнении госконтрактов. (Коммерсантъ, 10.03.20) — ср. исходное *форс-мажорные* (обстоятельства).

Реже встречаются случаи мены префиксоида в узуальном слове:

Коронавидение

Коронавирус придумали специально, чтобы наши не выиграли. Так пишут в интернете, а интернет врать не будет. Впервые за много лет Россия посылает на престижный конкурс группу с реальными шансами на победу — и вот на тебе: в Нидерландах запрещают собираться более 100 человек, а «Евровидение» — это значительно больше ста. (Новая газета, 13.03.20) — ср. исходное «Евровидение» (конкурс).

Адресат легко определяет то слово, которое послужило производящим для новой номинации. Подобные новообразования имеют ясную семантику, с их помощью журналисты создают комический эффект.

Итак, огромное влияние на язык оказывают экстралингвистические факторы. «Социальная природа языка предопределяет многие особенности его функционирования в речевой коммуникации. Конечно, наиболее явно это наблюдается на уровне лексики, которая вследствие непосредственной связи с повседневной жизнедеятельностью членов этноса оказывается самым открытым и динамичным уровнем языковой системы» [Васильев, Васильева 2018: 154]. Подобные внеязыковые изменения привели к появлению в медийной коммуникации большого количества новых номинаций, возникших как реакция на ситуацию с коронавирусной инфекцией (Covid-19). Новообразования становятся знаковыми элементами национального

менталитета, в них отражаются социально-политические изменения, происходящие в жизни страны и мира. С помощью инноваций журналисты воздействуют на адресата, иронично осмысливают действительность и обозначают высокотехнологичные явления. Таким образом, анализ новых номинаций в медийной коммуникации свидетельствует о том, что язык СМИ создает широкие возможности для реализации как узуальных (префиксация, суффиксация), так и окказиональных (тмезис, междусловное наложение, заменительная деривация) способов словопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2003.

Васильев А. Д., Васильева С. П. Актуальные направления развития современной социолингвистики // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2018. — № 2 (44). — С. 153–160.

Гурова И. В. Гейт-лексемы в языке славянских масс-медиа // Филологические заметки. — 2019. — Т. 1. — № 17. — С. 83–89. DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-1-83-89.

Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М., 2015.

Иссерс О. С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. — 2019. — Т. 18. — № 6. — С. 177–187. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187.

Катермина В. В. Политическая неонимация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 27–33.

Коллин К. К. Мир в 21 веке: становление новой цивилизации // Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences. — 2019. — Т. 2. — № 2. — С. 5–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.32777/r.2019.2.2.1>.

Мусатов В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование. — М., 2010.

Нефляшева И. А. Ключевые слова и словообразовательные модели современного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2009. — № 2. — С. 177–183.

Петрова Н. Е., Рацбурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. — М., 2011.

Радбиль Т. Б., Рацбурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных

элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33–39.

Рацбурская Л. В., Замальдинов В. Е. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. — 2017. — № 4. — С. 34–41.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М., 1996.

Шаховский В. И. Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 1 (16). — С. 1–12. DOI: 10.17516/2311-3499-043.

REFERENCES

Valgina N. S. Active processes in modern Russian. Moscow, 2003. (In Rus.)

Vasiliev A. D., Vasilieva S. P. Current trends in the development of modern sociolinguistics. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafev]. 2018, No. 2(44), pp.153–160. (In Rus.)

Gurova I. Gate-lexemes in the language of Slavic mass media. In *Filologicheskie zametki* [Philological Studies]. 2019, vol. 1, No. 17, pp. 83–89. DOI: 10.17072/1857-6060-2019-17-1-83-89. (In Rus.)

Ilyasova S. V., Amiri L. P. Language game in the communicative space of media and advertising. Moscow, 2015. (In Rus.)

Issers O. S. Mass speech culture in terms of social communications mediatization. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Ser.: History and Philology]. 2019, vol. 18, No. 6: Journalism, pp. 177–187. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187. (In Rus.)

Katermina V. V. Political neonomination in mass media discourse. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics journal]. 2016, No. 4(58), pp. 27–33. (In Rus.)

Kolin K. World in the xxi century: formation of a new civilization. In *Researcher. European journal of humanities & social sciences*. 2019, vol. 2, No. 2, pp. 5–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.32777/r.2019.2.2.1>. (In Rus.)

Musatov V. N. Russian language: morphemic, morphology, word formation. Moscow, 2010.

Neflyasheva I. A. Key words and word-formative models of contemporary discourse. In *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyge State University. Ser.: Philology and the Arts]. 2009, No. 2, pp. 177–183. (In Rus.)

Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. The language of modern media: means of speech aggression. Moscow, 2011. (In Rus.)

Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V. Derivative innovations on the basis of adoption elements in modern russian: linguoculturological aspect. In *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. 2017, No. 2, pp. 33–39. (In Rus.)

Ratsiburskaya L. V., Zamaldinov V. E. Features of new formations with expressive-evaluative semantics in nizhny novgorod regional press. In *Vestnik*

Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya [Bulletin MSRU. Ser.: Russian philology]. 2017, No. 4, pp. 34–41. (In Rus.)

Ulukhanov I. S. Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation. Moscow, 1996. (In Rus.)

Shakhovsky V. I. Contemporary mass media: a journalist's responsibility. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2019, No. 1(16), pp. 1–12. DOI: 10.17516/2311–3499–043. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владислав Евгеньевич Замальдинов, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД России; Анкудиновское шоссе, д. 3, г. Нижний Новгород, 603950, Россия

Vladislav E. Zamaldinov, Cand. of Sci. (Philol.), Teacher, Department of Foreign Language and Speech Culture, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что скоро начнется подписка на I полугодие 2021 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334), «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА», «Информнаука», ООО «ИВИС»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospr.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-61-66

Об академическом описании русской орфографии

(К теории орфографического правила)

Елена Виленовна Бешенкова*Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
e-mail: evbeshenkova@gmail.com***Ольга Евгеньевна Иванова***Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
e-mail: olliva95@yandex.ru*

Статья посвящена инструменту научного и ортологического описания – понятию правила. Правило является традиционным видом научной интерпретации для системы письма, как описание морфологических типов для морфологии и синтаксических моделей для синтаксиса. В связи с этим правила должны соответствовать требованиям, предъявляемым к инструментам научного и ортологического описания. Правило как инструмент научного описания должно быть внутренне непротиворечивым и не противоречить другим правилам, должно четко определять описываемый круг явлений, охватывать весь подходящий под него материал или четко разграничивать область действия правила и область действия словаря, быть терминологически корректным. В качестве ортологического инструмента правило должно не только соответствовать современной норме, но и определять вектор будущих кодификаций. Как современный ортологический инструмент правило должно сопровождаться комментарием. Цель такого комментария – показать читателю научную и методологическую обоснованность как общего подхода к описанию проблем разных разделов орфографии, так и каждого конкретного правила, представить спектр разных трактовок той или иной орфограммы и обосновать предлагаемую. Данное описание базируется на теоретических взглядах авторов на письмо как саморазвивающуюся систему и на роль кодификаторов как субъективного фактора развития этой системы, а выводы опираются на исследования исторических изменений каждой орфограммы и письма в целом, современных колебаний, наблюдаемых в орфографической практике, и направлений их устранения. Статья раскрывает подходы авторов к созданию комментированного свода правил русской орфографии – полного, непротиворечивого, соответствующего современным нормам научного описания письма, представленного в привычном виде правил.

Ключевые слова: *письмо; орфография; ортология; правило; требования к правилу; структура правила; типы правил; лингвистический комментарий к правилу орфографии*

Ссылка для цитирования: Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Об академическом описании русской орфографии (К теории орфографического правила) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-61-66.

About the Academic Description of Russian Spelling

(To Spelling Rule Theory)

Elena V. Beshenkova*Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: evbeshenkova@gmail.com***Olga E. Ivanova***Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: olliva95@yandex.ru*

The article is devoted to the concept of a rule as a tool of scientific and orthological description. A rule is a conventional kind of scientific interpretation in any writing system, such as the description of morphological types in morphology or syntactic models in syntax. In this regard, rules must comply with the requirements for tools of scientific and orthological description. A rule as a tool for scientific description should be internally consistent and not contradict other rules, clearly define the described range of phenomena, cover all cases, clearly distinguish between the scope of the rule and

the scope of the dictionary, be terminologically correct. As an orthological tool, a rule should not only correspond to the modern norm, but also determine the vector for future codifications. As a modern orthological tool, a rule should be accompanied by a commentary. The purpose of this commentary is to show the reader the scientific and methodological validity of both a general approach to describing the problems of different sections of the spelling, and each specific rule, to present a range of different interpretations of a particular spelling and justify the proposed one. The proposed description is based on the authors' theoretical views on writing as a self-developing system and on the role of codifiers as a subjective factor in the development of this system. The conclusions are based on studies of historical changes in each spelling rule and writing in general, as well as modern fluctuations observed in spelling practice and directions for their elimination. This article reveals the authors' approach to creating a commented set of rules for Russian spelling – a complete, consistent, scientific description of writing in the common form of rules that meets modern standards.

Keywords: writing; spelling; orthology; rule; rule requirements; rule structure; rule types; linguistic commentary on the spelling rule

A reference for citation: Beshenkova E. V., Ivanova O. E. About the academic description of russian spelling (To spelling rule theory). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-61-66.

Читателям журнала предлагается ряд статей, посвященных академическому описанию современной русской орфографии. Авторы сохраняют традиционный способ изложения (решения) орфографических проблем — представление их в виде правил. В современной социолингвистической реальности, когда пишущие хотят знать не только то, как пишется, но и почему так пишется, стало актуальным создание комментированного свода правил, соответствующего современным нормам письма, современному состоянию науки орфографии, содержащего обоснования и выбора нормы, и способа нормирования. В основание идеи создать такой комментированный свод было положено изучение опыта описания орфографии, проверка эффективности и непротиворечивости разных подходов и отдельных решений, конкретных формулировок правил, анализ современного письма с его устоявшимися и неустоявшимися написаниями и изучение исторических тенденций для каждой орфограммы. В комментариях к общим разделам орфографии говорится о тех теоретических позициях, на которых строится описание каждого раздела. В предварительной статье расскажем о том, что объединяет все разделы и лежит в основе нашего подхода к объекту: о правиле как способе научного описания, о тех требованиях, которым оно должно отвечать как чисто научный инструмент, как инструмент ортологический и методический, о типах правил и их общей структуре.

Для нас сегодня как никогда актуальны слова А. А. Реформатского о природе орфографии как объекте изучения, совмещающем научную строгость и прикладную направленность: «...орфография — это есть

вещь строгая, поддающаяся *нормированию*, поддающаяся *точности*. И тут нужна *наука*, *наука и наука*, прежде всего для того, чтобы практика получила *хороший* продукт...» (Из беседы с В. Д. Дувакиным). Дать «хороший продукт» практике — это сверхзадача, стоящая перед авторами предлагаемых материалов.

Мы полагаем, что правила в науке об орфографии — это такой же вид научной интерпретации для системы письма, как описание морфологических типов для морфологии и синтаксических моделей для синтаксиса. К правилам справедливо предъявлять те же требования, что и к другим способам научного лингвистического описания. Но у орфографических правил есть одна существенная особенность, делающая их уникальным способом научной интерпретации: правила ориентированы на применение их рядовым пишущим, поэтому они должны быть сформулированы доступно, какой бы сложной ни была теория, положенная в их основу.

Итак, правила орфографии осмысляются нами как инструмент *академического описания русского письма*. Понятие академического описания в данном случае требует пояснения. Понятно, что каждый человек в нашей стране имеет дело с правилами орфографии, поскольку это один из основных компонентов содержания предмета русский язык в школе. Но в школе изучают правила «редуцированные», далеко не полные, правила, специально препарированные для целей обучения.

Между тем задачи правил могут ставиться по-разному. Генетически основная задача правил — это, конечно, обучение письму. Но правила создаются не только для целей

обучения и не только для иных прагматических задач, например, стандартного оформления текстов. Орфографические правила в своей совокупности («свод правил») могут рассматриваться как фиксация уже существующей системы орфографии, которая применяется ныне живущими поколениями. Но очень важно, чтобы, соответствуя современным нормам, правила содержали потенциал для отражения тех тенденций в письме, которые сегодня только формируются и будут действовать в будущем. Важно сохранить систему русского письма на историческую перспективу, для будущих поколений пишущих и читающих, чтобы оно не превратилось в преимущественно традиционное. Таким образом, задача правил орфографии двояка: 1) описание системы письма в настоящем (в учебных и других общих и практических целях) и 2) обеспечение существования системы письма в исторической перспективе. Понимание *многозадачности* правил орфографии и определяет суть *академического* подхода к описанию русской орфографии через правила. Этот подход не ограничен учебными целями, он включает и определение самого перечня правил, исчерпывающего собой основные черты письма, и определение содержания каждого из правил (та норма, которую правило описывает), и формулирование правил в соответствии с научно обоснованными требованиями к формулировкам, и привлечение всего (иногда очень обширного) языкового материала, подпадающего под действие правила, и т. д. Очевидно, что полнота правила, обеспечивающая его объяснительную силу, требует анализа максимально обширного лексического и грамматического материала, а такой анализ возможен только в рамках академического описания. Никакой справочник по орфографии или учебник, предназначенный для обучения грамотности, не ставят перед собой и не решают подобные задачи.

Выработка правил в рамках академического описания опирается на привлечение всего лексического материала «Русского орфографического словаря»¹. С одной стороны, это позволяет содержательно

дополнить иллюстративный материал правил (а в некоторых случаях привести полные списки слов, соответствующих тому или иному правилу), показать или ограниченность, или, наоборот, обширность лексического наполнения правила, позволяет уточнить списки выявленных исключений, с другой — нередко влечет за собой и существенную корректировку *формулировок* правил. Возможная непривычность словесного облика некоторых формулировок — это сфера методики описания, а не лингвистической сущности описываемых явлений. При этом важно отметить: наши правила *соответствуют предписаниям* «Русского орфографического словаря» и не вносят какие-либо изменения в ныне существующие написания слов, т. е. никоим образом не провоцируют, как говорили раньше, «ломку» орфографических навыков.

Независимо от того, какие теоретические взгляды лежат в основе конкретных правил, сами их формулировки должны удовлетворять общим требованиям к научному описанию, т. е. необходимо, чтобы каждое правило было создано по определенным канонам:

1) соответствие проблеме (в правиле описывается весь подходящий под заголовок материал и только он: если в правиле говорится, например, о правописании суффиксов *-ец-*, *-иц-*, то оно не может иллюстрироваться примерами слов, в которых этот компонент входит в другой суффикс или является частью корня);

2) соответствие материалу (с одной стороны, описание всего материала, подходящего под критерии правила, а с другой стороны, отсутствие в иллюстративном материале примеров, не подходящих под критерии правила; правило не должно порождать неправильных написаний);

3) логическая непротиворечивость, несомненность с другими правилами (ни в формулировке каждого конкретного правила, ни во всей системе правил не могут предлагаться разные написания одной и той же единицы);

4) терминологическая корректность (формулировки правил созданы для всех пишущих, и поэтому в них не используются узкоспециальные термины; употребление

¹ Здесь и далее ссылки на: Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. — 4-е изд., испр. и доп. — М., 2012) или электронный ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (см.: Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС / Институт

русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. — URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 09.04.2020).

терминов фонетики, морфологии, синтаксиса в орфографии имеет свои особенности, например, в орфографии говорится о *чередовании* букв, а не звуков, что нередко смешивается в изложении учебников, так же и понимание *корня* более исторично);

5) отсутствие избыточных критериев;

6) полнота и строгость списка исключений.

Правила, отвечающие перечисленным требованиям, мы называем правилами и предписаниями (подробно правила орфографии как инструмент лингвистического описания рассмотрены в работе: [Бешенкова, Иванова 2016: 132–142]). Именно такие правила-предписания включаются в школьный курс. Их формулирование как алгоритмов определения написания, снабженных списком исключений, является целью составителей всех справочников и учебников.

Известно, что существуют области письма, где лишь часть слов «поддается» алгоритмизации через правило-предписание. Обычная в такой ситуации формулировка «в сложных случаях обращайтесь к словарю» по сути дезавуирует его объяснительную и предсказательную силу, равнозначна отказу от правила. В связи с этим мы старались во всех случаях, где обнаруживается распределение материала между правилом и словарем, абсолютно точно установить условия, при которых нужно обращаться к правилам, и условия, при которых следует руководствоваться словарем. Например, при определении написания сложных прилагательных была выделена область действия правила-предписания, учитывающего одновременно оба критерия², используемых современной наукой в разных вариантах правил: слова с подчинительным отношением основ и без суффикса в первой части пишутся слитно, а слова с сочинительным отношением основ и с суффиксом в первой части пишутся через дефис. Норма написания слов, не удовлетворяющих этим требованиям, определяется только словарем. Однако для сферы исключительно словарного нормирования также могут

быть сформулированы правила, но правила другого типа — правила-тенденции. Они выводятся на основании определения, с одной стороны, статистического предпочтения в современной орфографии, а с другой — исторической тенденции становления узальной нормы. Понятно, что правило-тенденция не дает возможности пишущему однозначно определить написание какого-либо уже существующего слова, но его можно применить в качестве руководства при выборе кодификации для новых слов, а также использовать для решений при назревшей перекодификации. В бытующей традиции русской орфографии многие правила не предназначены для перспективной кодификации, а описывают существующий письменный обычай³, т. е. выступают инструментом дескриптивной, а не ортологической науки. Введение в ортологическую практику правил-тенденций предоставляет возможность влиять на сохранение степени упорядоченности современной системы письма и в будущем. На это обращал внимание еще С. И. Ожегов.

В академическое описание введены также правила-рекомендации. Они создаются для области письма с заведомо непредсказуемой реализацией возможностей системы, с допустимой разной их реализацией в разных регионах, областях, сферах функционирования русского языка. Так, принципиально необозримым является мир топонимов и других наименований, соответственно и производные от этих слов тоже не могут быть все исчислены. В области звуко-буквенных орфограмм правилом-рекомендацией является, например, правило о написании оттопонимических прилагательных на

² Как известно, существует два подхода к описанию этого материала: с опорой на смысловые отношения основ в сложном слове (Правила 1956 г.) и с опорой на наличие или отсутствие суффикса в первой основе (см. работы Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой).

³ Например, списки исключений из правил о написании корней с чередованиями были дополнены в справочнике Правила-2006 несколькими словами (*выдирки, побирушка* и др.) (см.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006). Однако простая констатация факта существования слов, написание которых не соответствует историческому чередованию, не поможет в кодификации новых слов, написание которых под действием морфологического принципа имеет очередное отклонение от сформулированного правила.

-инский, -енский⁴. Анализ максимально доступного при современном уровне компьютеризации материала позволил создать правило, отвечающее всем требованиям, кроме одного: гарантировать, что приведены все исключения, мы не можем. Поэтому данное правило нельзя отнести к абсолютно строгим правилам-предписаниям, как нельзя его отнести и к правилам-тенденциям.

Как уже было сказано выше, в любом системном описании орфографии, тем более академическом, разные правила не должны противоречить друг другу, а если они соподчинены, то это соподчинение должно быть явным, а не подразумеваемым. Поэтому в предлагаемом описании вводится понятие *исключение-подправило*. Например, написание приставок на *з/с* является исключением-подправилом к правилу о написании парных по глухости/звонкости согласных. Исключение-подправило отличается от простых исключений тем, что простые исключения задаются списком, а исключение-подправило содержит в себе некоторый лингвистически значимый признак, что позволяет не перечислять все слова. При этом само исключение-подправило — как любое другое правило — может иметь свои исключения. Например, в исключении-подправиле о написании приставок на *з/с* есть исключения: приставки *с-*, *близ-*, *дез-*, *дис-/диз-*, *экс-/экз-* и слово *безе/фкусный*.

Чтобы соблюсти логическую строгость изложения и сделать пользование текстом правил максимально удобным, все параграфы организованы по единому плану, наиболее развернутая форма которого такова: 1) формулировка правила с минимумом примеров; 2) отдельные исключения в виде списка; 3) исключения-подправила (т. е. открытые ряды слов с тем или иным признаком); 4) примечания к данному правилу с дополнительной лингвистической информацией (примечание обязательно дается при неполном описании выделенной области через правило, и в этом случае в примечании формулируются признаки единиц, написание которых надо смотреть в словаре); 5) примеры (расширенный список слов, соответствующих правилу, в дополнение к приведенным

в самом правиле); 6) примечания ко всему параграфу в целом (если параграф состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих правил).

Перечисленные пункты описания формируют основную часть правила, его тело. Другую часть описания составляет разноплановый лингвистический комментарий к правилу в целом и к отдельным словам из его лексического наполнения. Выше мы отмечали актуальность создания комментированного свода правил. Действительно, наша лингвистическая наука, наша школьная практика и отражающие их теоретические труды и практические справочники предоставляют обширный материал для теоретических и исторических изысканий в области кодификации орфографии. Предполагается, что в этом своде каждое правило получает адекватное метаописание, т. е. в зависимости от характера правила, его сложности могут быть: 1) более или менее подробно прокомментированы преимущества или недостатки разных формулировок правила, описывающего данную орфограмму, содержащихся в справочниках разного времени; 2) сообщены сведения об истории возникновения данной орфографической проблемы в русском письме, описана ее лингвистическая природа; 3) показана история формулирования проблемы и история формирования нормы написания для данного явления; 4) рассказано о вариантах кодификации того или иного слова, особенно если менялась кодификация академического словаря, и др.

Хотя описание орфографии началось вместе с описанием грамматической системы языка, хотя в 1956 г. был издан первый официальный свод правил русского письма — «Правила русской орфографии и пунктуации», хотя к настоящему моменту опубликовано множество разных справочников по орфографии, до сих пор полного академического свода правил не существует.

Системное академическое описание русской орфографии дает возможность реально увидеть, как разумно устроена «хорошая» русская орфография (М. В. Панов), которая не только удовлетворяет сегодняшние запросы общества и откликается на новшества времени, но и способна в будущем выступать как надежный инструмент

⁴ Подробный анализ проблемы см.: [Бешенкова, Иванова 2019].

коммуникации, объединяющий народ в пространстве и времени. Академические толковый и орфографический словари, академическая грамматика и академические правила орфографии — вот основы единого научного описания многофункционального русского языка. Авторы публикации всеми силами стремятся приблизить время появления таких академических правил.

Читателям будут предложены правила различных типов из задуманного описания русской орфографии, сопровождаемые необходимыми комментариями. Последующая задача — методическое освоение материала — должна решаться специалистами по методике преподавания русского языка. Мы надеемся, что практикующие учителя найдут в наших публикациях полезную для себя информацию, так же как мы именно в статьях учителей-словесников увидели много ценных пожеланий относительно содержания правил орфографии.

Наше понимание устройства и функционирования системы современного русского письма, ее инструментария, возможностей адаптации к активным процессам в системе языка, отражением которой письмо и является, изложено в ряде работ последнего десятилетия, как в теоретических, так и в обобщающих лексикографических, к которым мы и отсылаем читателей⁵ (см.: [Бешенкова, Иванова 2011; 2016; 2018]).

ЛИТЕРАТУРА

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. — М., 2018. То же: [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ruslang.ru/doc/ortho/Beshenkova_Ivanova-2018-aspektnoje_opisanije.pdf (дата обращения: 09.04.2020).

⁵ Объяснительный русский орфографический словарь-справочник / Институт рус. языка им. В. В. Виноградова; Е. В. Бешенкова (отв. ред.), О. Е. Иванова, Л. К. Чельцова. — М., 2015.

www.ruslang.ru/doc/ortho/Beshenkova_Ivanova-2018-aspektnoje_opisanije.pdf (дата обращения: 09.04.2020).

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. К вопросу о типологии орфографических правил: история формирования и статус правила о написании слов на -инск(ий)/-енск(ий)/-янск(ий) // Русский язык в научном освещении. — 2019. — № 2 (38). — С. 25–41. DOI: 10.31912/rjano-2019.2.2

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. — М., 2011.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. — М., 2016. То же: [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ruslang.ru/doc/ortho/Beshenkova_Ivanova-2016-norm_pisma.pdf (дата обращения: 09.04.2020).

Орфографическое комментирование русского словаря / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruslang-gross.ru/> (дата обращения: 09.04.2020).

REFERENCES

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Aspect description of Russian spelling. Moscow, 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.ruslang.ru/doc/ortho/Beshenkova_Ivanova-2018-aspektnoje_opisanije.pdf (accessed: 09.04.2020). (In Rus.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. The typology of spelling rules and the status of the rule on the words in -insk(y) / -ensk(y) / -jansk(y). In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2019, No. 2(38), pp. 25–41. DOI: 10.31912/rjano-2019.2.2. (In Rus.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Russian letter in the rules with comments. Moscow, 2011. (In Rus.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Theory and practice of rationing Russian writing. Moscow, 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.ruslang.ru/doc/ortho/Beshenkova_Ivanova-2016-norm_pisma.pdf (accessed: 09.04.2020). (In Rus.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E., Tenkova E. V. Spelling commenting on a Russian dictionary [Electronic resource]. URL: <http://ruslang-gross.ru/> (accessed: 09.04.2020). (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елена Виленовна Бешенкова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук; ул. Волхонка, д. 18/2, г. Москва, 119019, Россия

Ольга Евгеньевна Иванова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук; ул. Волхонка, д. 18/2, г. Москва, 119019, Россия

Elena V. Beshenkova, Cand. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; 18/2 Volchanka str., Moscow, 119019, Russia

Olga E. Ivanova, Cand. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; 18/2 Volchanka str., Moscow, 119019, Russia

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74

Кто ты? (Родительские стратегии имянаречения детей-билингвов)**Александр Васильевич Зеленин***Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия,
e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi***Наталья Леонидовна Иванова***Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия,
e-mail: natali.martynovaa@gmail.com*

В статье рассматриваются социокультурные аспекты выбора родителями личного имени ребенка в иноязычном и инокультурном окружении. С целью выяснения мотивировок при выборе имени ребенка родителями в 2017–2019 гг. был проведен пилотный социолингвистический эксперимент в моно- и полилингвальных семьях в Финляндии. Методами исследования являлись: метод социолингвистического электронного анкетирования, сопряженный в необходимых случаях с фокусированным интервью, метод верификации полученных социолингвистических данных, метод case study. Общее количество проанализированных детских имен – 57. Ведущими в ситуации имянаречения как в моно-, так и в полилингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонологическо-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозно-мистические мотивировки имянаречения.

Ключевые слова: двуязычие; личное имя ребенка; имянаречение; поликультурность; самоидентификация; гибридная культура

Ссылка для цитирования: Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто ты? (Родительские стратегии имянаречения детей-билингвов) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74.

Who Are You? (Parent's Naming Strategies for Their Bilingual Children)**Aleksandr V. Zelenin***University Tampere, Tampere, Finland,
e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi***Natalia L. Ivanova***University Tampere, Tampere, Finland,
e-mail: natali.martynovaa@gmail.com*

The article discusses the sociocultural aspects of the parents choosing a personal name for their child in foreign cultural environment. In order to find out the motivation for choosing a name by parents in 2017–2019, a pilot sociolinguistic experiment was conducted in mono- or multilingual families in Finland. The research methods were chosen: the method of sociolinguistic questionnaire, focused interviews, the method of verification, the case study method. The total number of children's names which were analyzed is 57. Main types of motivation in naming in mono- and polylingual families are historical/cultural, linguistic (phonological/phonetic, associative/semantic) and religious/mystical reasons.

Keywords: *bilingualism; child personal name; naming; multiculturalism; self-identification; hybrid culture*

A reference for citation: Zelenin A. V., Ivanova N. L. Who are you? (Parent's naming strategies for their bilingual children). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74.

Давая имя ребенку, родители задают ему определенную идентификацию, которая в течение жизни получает свое дальнейшее развитие: личное имя обрастает новыми формами, наполняется новым содержанием и ассоциациями в процессе социализации индивида.

Настоящая статья базируется на пилотном социолингвистическом исследовании (2017–2019 гг.), в процессе которого был получен анкетный материал, собранный в би- или полилингвальных семьях. Цель проведенного анкетирования – сбор эмпирических данных о функционировании

детского личного имени в финском социуме: каковы были языковые (и иные) мотивы родителей в процессе именнаречения; оказывала ли влияние национальность родителей и желание сохранить в имени ребенка частичку родительской культуры или родного языка родителей (родителя); каковы представления родителей об отношении финского социума к имени их ребенка (детей).

Общее количество собранных анкет — 40: из монолингвальных семей получено 13 анкет (содержится 24 детских имени и дана мотивация родителей по их выбору); из полилингвальных семей получено 8 анкет (10 детских имен). Кроме электронного анкетирования (на сайте *webanketa.com*), в некоторых случаях нужно было провести личное интервьюирование родителей: одни анкеты были более содержательны и могли послужить источником глубоких и обширных эмпирических данных, другие, напротив, были недостаточны, но содержали интересные с научно-исследовательской точки зрения аспекты (было проведено 4 интервью). В проведенном эксперименте использовался социолингвистический метод опроса, представленный в двух разновидностях: анкетирование (индивидуальное и групповое) и интервьюирование (полустандартизированное, смешанное с анкетированием) [Schuman 2001; Milroy, Gordon 2008; Lindlof, Taylor 2010; Mallinson & al. 2017].

Общее количество проанализированных детских имен — 57 (в некоторых анкетах родители указывали двух и более детей, максимум — пять), из общего числа собранного материала: имен мальчиков — 33, девочек — 24; 29 детей дошкольники, 28 — школьники (дети, родившиеся в 2000–2010 гг.).

При выборе имени ребенка для родителей весьма существенны сублингвистические факторы, фонетическая и слоговая структура имени, а также знание родителями общих и сленговых значений имен или их языковых вариаций. Эти факторы в монолингвальных семьях родителями (почти) не учитываются, напротив — в би- или полилингвальных семьях на это обращается больше внимания. Например, имя *Анастасия*, имеющее в русском языке также сокращенный разговорный вариант *Настя*, может в финском языке (с учетом

отсутствия мягких согласных) аналогизироваться (фонетически сближаться) с апеллятивом *nasta* ‘кнопка’; если родители не знают этого или не принимают данного обстоятельства во внимание, то в дальнейшем ребенок, возможно, будет испытывать социопсихологический дискомфорт от сокращенной формы имени и будет стремиться искать варианты его замещения или изменения.

От имени *Анна* русский diminutiv *Анька* может в финском языке сближаться с существительным *ankka* ‘утка’; сокращенный вариант имени *Виктория* — *Вика* в финском языке имеет омофон *vika* ‘вина, ошибка, недостаток’ и т. п. При общении на русском языке эта отрицательная фоновая оценочность (пейоративность) отсутствует, но в финском окружении выбранное родителями имя ребенка (в полном или сокращенном варианте) бывает не всегда приемлемо, и в процессе социализации с этим приходится справляться в первую очередь самим детям [Ainiala 2017]. На плечах родителей лежит ответственность за выбор имени ребенка, которому предстоит жить (по крайней мере в детском, подростковом, юношеском возрасте) в финском социуме. Именно родители должны ясно и четко представлять и (по возможности) сопоставлять русскую и финскую антропонимическую системы. Таким образом, в процессе выбора имени ребенка родителям вольно или невольно приходится выступать в роли «стихийных лингвистов», проводящих сопоставление двух антропонимических систем и осуществляющих антропонимическое прогнозирование с целью снижения социопсихологических и социотравматических рисков в использовании имени ребенком/детьми в финском социуме.

Русская антропонимическая система. Трехчленное именование людей (имя, отчество, фамилия) — особенность русского языка. Данная трехчленная формула именования стала использоваться в официальном и светском обиходе в России во времена правления Петра Первого. И. П. Лысакова выделяет в русском языке пять форм личного имени: официальная (в основном в обращении к взрослым), сокращенная (*Павел* > *Павлик*, *Пашиа*), уменьшительно-ласкательная (*Валенька*, *Катенька*, *Петенька*),

пренебрежительно-фамильярная (*Сашка, Ванька, Петька, Анька*) и звательная (*Света, Таня, Маша; Свет, Тань, Маи*, последние относятся к так называемой новой звательной форме) [Лысакова 2007: 146].

Финская антропонимическая система. Согласно закону «О личном имени» (Etunimilaki), принятому 20 декабря 1945 г., у каждого гражданина Финляндии должны быть фамилия и имя. Количество имен одно или несколько, но не больше четырех: *Pihla Maria* (первое и второе имя) *Kaukonen* (фамилия), *Okko Viljam Olavi* (первые три имени) *Turunen* (фамилия). Как правило, вторым или последним именем становится самое длинное или наиболее фонетически тяжелое имя: *Olli Aleksanteri, Maija Melissa Orvokki*. **Звательное имя** (kutsumanimi, puhuttelunimi) — это имя, которое используется в качестве обращения. Чаще всего в роли такого в финской культуре выступает первое имя. Однако носитель имени для этой цели может сам выбрать одно из данных ему при крещении имен. Некоторые носители двух имен могут использовать в качестве звательного сразу два имени: *Miia Inari*. Возможна ситуация, когда разные люди используют разные звательные имена, например, девушку по имени *Silja Onneli* одни будут называть *Silja*, другие — *Onneli*.

Большинство русских (или иных) имен трудны для произношения в финской фонетической и акцентологической системе. Так, может возникать расхождение в формах имен, близких по написанию, что обусловлено следующими причинами: 1) разным типом ударения в русском (подвижное) и финском (фиксированное на первом слоге) языках (фин. *Miron* — рус. *Мирон*, фин. *Milana* — рус. *Милана*); 2) наличием долгой гласной в имени, что представляет фонетическую трудность для русскоговорящих (*Jana* — *Jaana, Lena* — *Leena*); 3) наличием двойной согласной в имени (*Mila* — *Milla, Jana* — *Janna*); 4) существованием двух аналогичных форм (*Aleksandr* — *Aleksanteri, Artur* — *Artturi*; обе формы независимы друг от друга, автономны); 5) финалью на *-ia* в русском имени, которое в финском произносится как *-ua* (рус. *Мария* — фин. *Maria*, рус. *Ксения* — фин. *Ksenia*); 6) наличием краткой формы имени (*Tatjana* — *Tanja, Jekaterina* — *Katja*);

в русском языке вторая форма — сокращенный вариант нормативного имени, в финском языке обе формы кодифицированы как самостоятельные. В финском языке сокращенная форма имени чаще всего совпадает с полным первым именем.

В финском языке уменьшительно-ласкательные имена используют, как правило, родственники и друзья [Морозова 2005]. Приведем пример образования такой формы имени: в обеих культурах есть близкие по звучанию формы полного имени *Яна* и *Jaana*, и если русский родитель назовет Яну diminutivami *Яночка, Янушка, Янчик* (по материалам полученных анкет), то финн — *Jaansku, Jaanski, Jaanssu, Jaanska*. В финском языке форма имен с суффиксом *-ski/-sku-* является функционально близкой к русской diminutivной форме и может быть отнесена к уменьшительно-ласкательной: *Unto* — *Untski*. Тем не менее сами дети-билингвы отмечают большую мягкость, теплоту, интимность, сердечность именно в русских уменьшительно-ласкательных суффиксах, чем в финских.

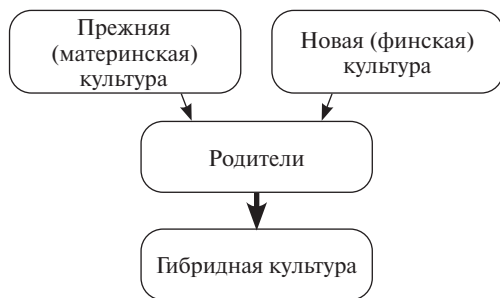
При имяназвании ребенка важную роль играет фактор родительской самоидентификации, напрямую влияющей на выбор имени ребенка из русского или финского антропонимикона или базирующейся на симбиозе того и другого (например, в одной семье мальчику было дано «синкретичное» имя *Michael Vladislav*, где первое финское имя *Michael* взято даже не в финской, а в шведской огласовке, имя *Vladislav* явно мотивировано желанием родителей (или просьбой родственников) передать ребенку частичку российской культуры). Поэтому авторам в процессе анкетирования на основе собранного эмпирического материала важным было построить теоретическую модель родительской самоидентификации, отражающейся в выборе имени ребенка.

Поликультурность — это одна из базовых характеристик современного социума. Поликультурность создает особые условия, в которых разворачивается формирование каждой отдельной личности и национально-культурных групп, проживающих в многообразном мире [Грива 2016: 99]. По данным общества Suomen Venäjänkieliset — FARO, русские в Финляндии занимают третье место среди всех этнических общин

в стране. Согласно данным Статистического центра за 2016 г., в Финляндии проживало более 75 тыс. русскоговорящих. Практически половина русскоязычного населения живет в столичном регионе [Твалтвадзе, Электронный ресурс].

Родительская самоидентификация в иноязычном (инокультурном) социуме осуществляется в смешении прежней и новой культур и в поиске своего места в этом конгломерате. Понятие «прежняя культура» подразумевает этническую культуру, которую родители впитали во время жизни, например, в России до момента миграции в Финляндию. Понятие «новая культура» включает в себя финскую культуру, которую приобретают родители, переехавшие в Финляндию.

В результате смешения этих двух культур появляется смешанная, гибридная культура, которая представляет собой некий симбиоз, смоделированный в сознании, в поведении родителями из фрагментов прежней культуры с включением новых элементов (поведенческих, социальных стереотипов, морально-этических ценностей финской культуры). Фрагменты своей, родительской, гибридной культуры с помощью имянаращения детей родители на антропонимическом уровне и пытаются передать, транслировать детям, и даже (в первую очередь) внушить себе. Данную модель схематично можно изобразить следующим образом:

Рассмотрим, как ориентация родителей на «гибридность» проявляется в процессах имянаращения детей.

Монолингвальные семьи. В монолингвальных семьях русские родители, которые зарегистрировали своего ребенка, рожденного в Финляндии, предпочитают имянаращать не одним, как в русской антропонимической системе, а уже двумя-тремя

именами. Анкеты выявили следующие мотивы такого имянаращения, характерные для финского антропонимикона:

а) компенсаторные функции: стремление вписать финскую модель в русскую антропонимическую формулу. Три компонента в имени ребенка мотивируются родителями так: *Мы хотели, чтобы у ребенка было три компонента в имени как ФИО [фамилия, имя, отчество], но так как отчества нет, мы дали второе имя.* В этом случае очевидна ориентация родителей на русский антропонимический прототип, причем такая мотивировка останется только в семейной истории. Сохранится ли этот родительский нарратив и будет ли транслироваться и воспроизводиться ребенком в будущем, в его взрослой жизни или в последующем имянаращении уже своих детей, достаточно маловероятно;

б) функция аккультурации: стремление сблизиться с финским обществом и уменьшить социопсихологические риски в коммуникации ребенка: *У всех по два / три имени (поэтому и мы дали два имени. — А. З., Н. И.); Первое имя выбирали финское, второе — международное (в анкете указано имя ребенка Ilmari Aleksander);*

в) необычное имя для финского социума (ориентация родителей на материнскую культуру); примеры русских имен приведены в материалах всей статьи.

В ответах родителей явно просвечивают черты гибридной культуры родителей применительно к антропонимической системе имянаращения детей.

В монолингвальных семьях родители и их родные и близкие используют общие ласкательные имена. Обычно это те формы ласкательных имен, которые применяют сами родители. Так, ласкательные формы личного имени *Мирон* используют все члены семьи и близкие: *Мироша, Мирончик, Миро* (последнее — финский вариант звательного имени), а *Милу* родители и близкие родственники зовут *Мили* (финский вариант звательного имени), *Милушка, Милка, Милочка, Милашка, Миланя, Милёнок* (эти варианты — свидетельство прикреплённости имени к русскому антропонимикону). Общие для всей семьи ласкательные имена — *Миланя, Милаша*.

Как правило, в монолингвальных семьях, в которых один родитель русскоговорящий,

но относится к другой национальности, хотя семейным языком является русский язык, дети имеют более широкое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм личного имени. Например, в одной грузинско-карельской семье (общий язык — русский) ребенок с именем *Maia* приобретает следующие ласкательные имена от папы (грузин): *Maku*, *Makuni*, *Maiko*, *Makutsebi* — и от мамы (карелка): *Маюсик*, *Макусик* (вероятно, гибридная форма от груз. *Maku* + рус. суффикс *-ик-*). Использование звательной формы облегчает и то, что грузинские и финские уменьшительно-ласкательные формы личного имени в данном случае фонетически близки: *Maku* (груз.) — *Maiku* (фин.), *Makuni* (груз.) — *Maikuni*, *Maikuli* (фин.). Таким образом, в сознании и идентификационной матрице и родителей, и ребенка формируется достаточно обширная антропонимическая парадигма, с одной стороны, приближенная к финской модели, с другой — содержащая внушительный набор уменьшительно-ласкательных имен, функционально близких или даже равноценных в трех антропонимических системах (русской, финской, грузинской), хотя и в некоторой степени отличающихся своим фонетическим составом¹. Такая богатая палитра вариаций имени, используемых родителями, родственниками, близкими с детства

ребенка, оказывает глубокое влияние на его языковую, коммуникативную, социолингвистическую, лингвокультурную компетенции и оставляет неизгладимый след в душе ребенка на протяжении всей его жизни. У детей-билингвов практически с раннего детства формируется более тонкий, чуткий, чем у монолингвов, прагматический «слух» на языковую категорию диминутивности в целом.

Рассмотрим интересный случай выбора имени, когда родители более понравившееся и часто употребляемое имя регистрируют в официальных документах в качестве не первого, а второго имени. Так, ребенка с мужским именем *Aleksanteri Sebastian* мама и папа дома зовут *Себушка*, *Себастьянчик*, *Себусик*, *Себка*. Родственники и близкие, проживающие в России, — *Шурка*, *Сашенька* (следовательно, в России используется первое имя, так как скорей всего именно первое, а не второе имя расценивается близкими как основное, номинативное, второе же как факультативное, вторичное: *Aleksanteri* (фин.) — русский эквивалент *Александр*). Тем не менее общее для всей семьи ласкательное имя — *Себусик* — представляет сокращенную и уменьшительно-ласкательную гибридную форму от второго финского имени. В таком разнообразии вариантов имени ребенка прослеживается стремление родителей сохранить и поддерживать русскую антропонимическую модель, но в разных антропонимических системах (русской и финской) близкое или дальнее семейное окружение выбирает наиболее привычную и приемлемую модель обращения.

Полилингвальные семьи. Типы имен детей в би- или полилингвальных семьях и мотивация выбора имени ребенка довольно значительно отличаются от данных, полученных от родителей в монолингвальных семьях. В билингвальных семьях один родитель — русский (русскоговорящий), второй родитель — финн: это семьи, в которых общий язык может быть финским (по преимуществу) или любым другим (английский, русский, немецкий). В отличие от монолингвальных семей, в полилингвальных семьях отмечено преобладание двух или трех имен детей более чем в два раза, что свидетельствует о гораздо более тесной связи, стремлении аккультурации одного из родителей в финский социум и желании

¹ При анкетировании мы отметили любопытный психологический феномен: дети-информанты с радостью перечисляют все ласкательные формы, что показывает их удовольствие от разнообразия вариантов имени. Показателем такого положительного эмоционально окрашенного отношения и к самому вопросу анкеты, и к желанию отвечать на него являются дополнительные характеризующие визуальные элементы оценки информации — идеограммы (смайлики) (см.: Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто я? (Личное имя как инструмент самоидентификации русскоязычных детей-билингвов) // Русский язык в школе (в печати)). Совершенно очевидно, что дети-билингвы с детства привыкают жить в более разветвленной и разнообразной системе антропонимической карты своего имени, чем их сверстники-монолингвы. Этот факт личностно-психологической самоидентификации всегда отмечается билингвами уже во взрослом возрасте (сошлемся на русскоязычных студентов университета Тампере; аргументация и примеры остаются за пределами настоящей статьи).

видеть в ребенке (при помощи финской антропониимической формулы) члена финского общества, ничем не выделяющегося среди своих сверстников.

Характерно, что особой популярностью в качестве первого или второго имени используется имя *Александр* в разных фонетико-структурных вариантах: *Aleksander* (*Alexander*) и *Aleksanteri* (*Aleksanteri*). Форма имени *Aleksanteri* (*Aleksanteri*) распространена в финской культуре, однако в нашем случае форма *Alexander* является транслитерацией русского имени *Александр*.

Выбирая имя ребенку, родители в би- и полилингвальных семьях так мотивировали в анкетах причины имяназвания:

1. Историко-культурная мотивировка. Ответы в анкетах русскоязычных мам показывают внимание к этимологии, национально-культурной традиции, универсальности имени:

В честь римского императора св. Константина, сына св. Елены. Руководствовалась также тем, чтобы имя благозвучно звучало в обеих культурах;

Я осознала, что сын будет рожден рядом с Днем победы, и это укрепило нас в выборе (*Viktor*, из лат. 'победитель').

2. Лингвокультурная мотивировка (фонологическая-фонетическая, ассоциативно-смысловая):

Первоначальным критерием было привычное звучание на трех языках — русском, финском и английском;

Выбрали русско-финское имя, чтобы одним и другим родственникам говорилось легко;

Имя знакомое для России и Финляндии;

Мне было важно, чтобы имена были международными. Я изначально не давала детям исконно русских имен, чтоб не было вопросов с произношением и написанием. Элизабет хотели назвать в честь бабушки Лизы, но Елизавета чисто русское имя, которое вызывало бы трудности, поэтому нашли международный аналог Элизабет;

Приглянулось данное имя, особенно то, как оно сочетается с фамилией (аллитерация звуков в имени и фамилии).

3. Религиозно-мистическая мотивировка:

Вторые имена я давала в соответствии с крещением, например Изабелла, крещенная в православии Анастасией (ориентация на православный церковный календарь);

Мне хотелось, чтобы второе имя было как бы талисманом для дочери и что-то ей добавляло в жизни, было ее секретным оружием. И мне показалось, что имя Лейла — добавит загадки, роскоши, тайны (сакральная функция второго имени, основанная на индивидуально-личностном восприятии имени Лейла русскоязычной мамой. — А. З., Н. И.).

Русскоязычные мамы охотно делились в предложенных им анкетах аргументацией мотивов при имяназвании ребенка; эти мотивы отчасти схожи с традициями именования, выбора имени в русской антропониимической системе, отчасти ориентировались в большей степени, чем это принято в России, на универсальность, удобопонятность и удобопроизносимость имени в более широком географическом и культурном пространстве. Выбирая универсальное имя, родители в какой-то степени проектировали будущую жизнь ребенка, которому открыт путь в другие страны и культуры: тем самым антропониимический фактор оказывался в сознании родителей тесно связанным с возможностями социальной мобильности.

Среди опрошенных в билингвальных семьях, в которых мать — русская или русскоговорящая, а отец — финн, детские имена со стороны мамы имеют (как и ожидалось) большое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм, например, имя *Нелли* имеет шесть форм: *Нелёнок*, *Нелечка*, *Нелюшка*, *Нелёныш*, *Неленька*, *Нелёк*. Со стороны папы-финна ситуация выглядит иначе: папа зовет дочку именем *Nelli* — в этой форме и полное, и звательное (*kutsumanimi*) имя в финском языке совпадают (*Nelli*), ласкательной формы данного имени в финском языке нет, и папа не особенно утруждается придумыванием какого-либо аналога ласкательной формы имени дочери.

Рассмотрим еще один именной случай в той же семье: имя *Виктор* со стороны мамы имеет пять уменьшительно-ласкательных форм: *Витёк*, *Витёныш*, *Витюшка*, *Витёнок*, *Викторушка*; со стороны папы (финн) — лишь одну форму уменьшительно-ласкательного имени: *Viksu*. Также по национальному признаку вариации форм имени повторяются у родственников и других членов семьи (микросоциум): у русских родственников — *Викторушка*, *Витюшка*, у финских — *Viksu*. Но общим для всей семьи ласкательным именем является

все-таки финский вариант как более простой (и для русскоговорящих, и для финнов) в произношении — *Viksu*.

Из данных эмпирического материала следует, что в билингвальных семьях финский родитель может перенимать русский уменьшительно-ласкательный суффикс и добавлять его к имени; в частности, в анкетах родителями были упомянуты такие варианты: добавление к имени русского суффикса *-ушк-* (*Viivi — Viivuska, Veera — Veeruska*). Лингвистическое объяснение подобных случаев заключается в сочетании двух языковых факторов: во-первых, существованием в сознании «наивных» носителей финского языка ассоциативно-этнокультурной связи таких апеллятивов, как *babuška, maatuška, matrhoška* (бабушка, матушка, матрешка), с русским языком и выражаемым ими прагматическим смыслом ласкательности, заботливой семейности, во-вторых, с функциональным приравниванием русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк-* к финской ласкательной именной форме на *-ski/-sku*. Так, имя *Fjella* в речи финноговорящего папы имеет уменьшительно-ласкательную форму *Fjelluska* (Фьеллушка).

Кроме того, анкетирование показало предпочтение финноязычных родителей обращаться к ребенку по общим безличным этикетным моделям: *kulta* ‘дорогой/дорогая’ (букв.: золотой; в финском языке нет категории рода), *rakas* ‘любимый/любимая’; в этих финских обращениях нет градации по возрастным и гендерным категориям: так обращаются в семье к детям, взрослые друг к другу в семейной коммуникации. Единичными случаями в нашем материале в анкетах русскоговорящих родителей являются индивидуальные уменьшительно-ласкательные обращения: *Пупик* и *Шмупик*. Однако доминирующей тенденцией в русской системе обращений является обращение по имени (в его вариациях), и русские (русскоязычные) родители следуют этой модели.

Выводы. Полученные в анкете ответы родителей обнаружили тесную связь между выбираемым именем ребенка (детей) и социокультурной (само)идентификацией родителей. Разумеется, идентификационные и лингвокультурные модели родителей и детей могут в чем-то совпадать, но в чем-то и различаться.

Родители понимают, что в поликультурном обществе русское (или иное, не финское) имя ребенка подвергается переинтерпретации и возможным фонетическим, акцентологическим трансформациям, искажениям, способным вызвать стресс и дистресс ребенка. Выбор имени ребенка родителями в инокультурном (для обоих или одного из родителей) окружении связан с целым комплексом вопросов, которые родители до рождения ребенка тщательно обдумывают. Как показало анкетирование, ведущими мотивациями для родителей в ситуации имяназвания как в моно-, так и в полилингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонологическо-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозно-мистические (выполняющие охранно-табуистические функции) мотивировки имяназвания.

Вместе с тем очевидны различия подходов родителей в моно- и полилингвальных семьях в имяназвании детей: в монолингвальных семьях линия русской (русскоязычной) матери ребенка более мощная, сильная, определяющая, имеет большую значимость, ценность, чем в полилингвальных. Основной и объяснением этого служит социально-поведенческая рамка, которая была описана как *гибридная культура*: в моно- и полилингвальных семьях в сознании родителей гибридная культура в меньшей степени ориентирована на финскую культуру, а в большей — на русскую культуру (антропонимическую систему) или на фонетическую интернациональность имени ребенка. В полилингвальных семьях гибридная родительская культура формируется с преобладанием финской культуры, антропонимические модели выбираются с ориентацией на финский антропонимикон (два или три имени).

Использование в языке родителей целой палитры уменьшительно-ласкательных производных личного имени заметно расширяет и интенсифицирует процессы формирования языковой и прагматической компетенции ребенка-билингва, в отличие от сверстника-монолингва.

ЛИТЕРАТУРА

Грива О. А. Межкультурные коммуникации как ресурс культурной идентичности личности в условиях поликультурности // Национальные культуры в межкультурной

коммуникации. — Вып. 2. — Ч. 1: Социально-исторические аспекты межкультурного взаимодействия. — Минск, 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165259/1/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Морозова Ю. Г. Обращения к родственникам в России и Финляндии // Коммуникативное поведение. — Вып. 23: Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2005.

Розова О. Г., Лысакова И. П. и др. Практическая стилистика русского языка для учащихся с неродным русским языком: учеб. пособие для продвинутого этапа (I–II сертификационные уровни). — М., 2007.

Твалтвадзе Л. Темпы роста русскоговорящего населения Финляндии не снижаются [Электронный ресурс]. — URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/tempy_rosta_russkogovoryashchego_naseleniya_finlyandii_ne_snizhayutsya/9973687 (дата обращения: 18.02.2020).

Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages // Voprosy onomastiki. — Ekaterinburg, 2017. — Vol. 14. — Issue 3. — P. 97–104.

Lindlof T. R., Taylor B. C. Qualitative Communication Research Methods. — Sage Publications, 2010.

Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G. Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. — 2nd ed. — London, 2017.

Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. — Oxford, 2008.

Schuman H. Attitude surveys: Question-answer processes // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). — Oxford, 2001. — P. 761–765.

REFERENCES

Griva O. A. Intercultural Communications as a Resource of the Cultural Identity of the Individual in the Conditions of Polyculture. In *Natsional'nye*

kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii [National cultures in the intercultural community: a collection of scientific sciences] (in 2 frequent). Part 1. Minsk, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165259/1/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0.pdf> (accessed: 20.02.2020). (In Rus.)

Morozova Ju. G. Addressing to relatives in Russia and Finland In *Kommunikativnoe povedenie* [Communicative Behavior]. Voronezh, 2005, vol. 23: The Finnish and Russian Communicative Behavior. (In Rus.)

Rozova O. G., Lysakova I. P. and al. Practical stylistics of the Russian language / For students with a non-native Russian language: Textbook. pos. for advanced stage (I–II certification levels). Moscow, 2007. (In Rus.)

Tvaltvadze L. The growth of Russian-speaking residents in Finland is not reduced [Electronic resource]. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/tempy_rosta_russkogovoryashchego_naseleniya_finlyandii_ne_snizhayutsya/9973687 (accessed: 18.02.2020).

Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages. In *Voprosy onomastiki* [Onomastics Issues]. Ekaterinburg, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 97–104. (In Rus.)

Lindlof T. R., Taylor B. C. Qualitative Communication Research Methods. Sage Publications, 2010. (In Engl.)

Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G. Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. 2nd ed. London, 2017. (In Engl.)

Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. Oxford, 2008. (In Engl.)

Schuman H. Attitude surveys: Question-answer processes. In *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. R. Mesthrie (ed.). Oxford, 2001, pp. 761–765. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, лектор, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Наталья Леонидовна Иванова, магистр, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), lector of Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Natalia L. Ivanova, Master's degree, Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84

Жизнь и деяния Сергея Ивановича Ожегова (К 120-летию со дня рождения)

Марина Анатольевна Бондаренко

*Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия,
e-mail: marbondina@mail.ru*

Статья посвящена выдающемуся русскому лексикографу Сергею Ивановичу Ожегову, создателю знаменитого однотомного нормативного «Словаря русского языка». В статье отражен жизненный путь ученого, дана характеристика его личности, представлена его работа в команде Д. Н. Ушакова по подготовке к изданию «Толкового словаря русского языка»; рассмотрены основные идеи учебного, заложенные в основу «Малого Толкового словаря»; охарактеризована его практическая деятельность по решению проблем кодификации норм русского литературного языка.

Ключевые слова: Сергей Иванович Ожегов; лексикография; литературный язык советской эпохи; нормативный толковый словарь; словарь языка писателя; культура речи; языковая норма

Ссылка для цитирования: Бондаренко М. А. Жизнь и деяния Сергея Ивановича Ожегова (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2020. — Т. 81. — № 5. — С. 75–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84.

The Life and Deeds of Sergey Ivanovich Ozhegov (To the 120th Anniversary of the Birth)

Marina A. Bondarenko

*Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia,
e-mail: marbondina@mail.ru*

The article is dedicated to the outstanding Russian lexicographer Sergey Ivanovich Ozhegov, the creator of the famous one-volume normative «Dictionary of the Russian Language». The article reflects the life of the scholar; describes his personality; presents his work with the team of D. N. Ushakov on the preparation of the «Explanatory Dictionary of the Russian Language»; considers the main ideas of the scholar, which formed the basis of the «Small Explanatory Dictionary»; characterizes his practical activity in solving the problems of norm codification of the Russian literary language.

Keywords: Sergey Ivanovich Ozhegov; lexicography; literary language of the Soviet era; normative explanatory dictionary; Dictionary of the writer's language; speech culture; language norm

A reference for citation: Bondarenko M. A. The life and deeds of Sergey Ivanovich Ozhegov (To the 120th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 75–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-75-84.

Он был ровесником века. И век его составил до обидного мало — 64 года. Так соединились в жизни этого человека два значения одного слова, обозначенные в его главном и сделавшем его бессмертным труде — «Малом Толковом словаре», как он сам его на первых порах именовал: *век* — ‘столетие’ и *век* — ‘жизнь’. И составила эта жизнь

важнейшую эпоху в отечественной лексикографии — тоже век. А если взглянуть на эту словесную цепочку более пристально, то можно обнаружить, что привычное нам сегодня основное значение слова *век* как ‘столетие’ впервые в таком статусе получило прописку именно у Ожегова.

Двадцать лет назад, в год 100-летия со дня рождения С. И. Ожегова, в журнале «Вопросы языкознания» Л. И. Скворцов, ученик и последователь Сергея Ивановича, казалось бы, поставил своего рода точку в оценке века, отмеренного труду его учителя, сказав, что созданный им словарь постепенно уступил лидирующее место новым изданиям:

Таковы жестокие реалии наших дней. А ведь сравнительно недавно (лет 10 назад) Словарь Ожегова был настольной книгой «правильной русской речи» для всех слоев населения, для каждого образованного человека. Практически он имелся в каждом доме, в любой семье, к нему обращались инженеры и учителя, журналисты и писатели, актеры театров и кино, режиссеры, дикторы радио и телевидения, студенты, школьники и домохозяйки. Он был авторитетнейшим пособием для всех, кому дорог и кому настоятельно нужен русский язык [Скворцов 2000: 81].

И вот, по прошествии двух десятилетий, в год 120-летия со дня рождения С. И. Ожегова, позволю себе не согласиться с уважаемым ученым. Как и в 90-е гг. предыдущего века, для наших современников Ожегов все так же остается «человеком-словарем». Помимо Ожегова, только Даль так же узнаваем — и по портретам, и по деяниям. Один — создатель словаря живого языка, другой — создатель живого словаря. Я не веду здесь речь о филологах, специалистах в области русского языка, как не о них вел речь и Лев Иванович Скворцов, я говорю о студентах, школьниках и их родителях, людях разных профессий, да и об учителях. Ожегова знают, он (не скажу «у многих», но у достаточно большого числа) продолжает пребывать на полках домашних библиотек¹, в чем я ежегодно убеждаюсь, приходя в аудиторию с той самой «культурой речи», которая была выстрадана трудами Сергея Ивановича Ожегова.

Одной из причин такой жизнеспособности его словаря является востребованность широкой аудиторией неспециалистов именно «малого» варианта словаря современного языка, потребность в котором была уникально провидена лучшими российскими умами уже в конце 30-х гг. XX столетия. Идея же такого типа словаря,

причем словаря нормативного, была обожжена, а затем воплощена в жизнь именно трудами Ожегова, подготовившего, помимо первого (в 1949 г.), два переработанных (в 1952 и 1960 гг.) издания и готовившего следующую редакцию словаря, работа над которой была прервана внезапной кончиной ученого 15 декабря 1964 г. При жизни С. И. Ожегова словарь вышел из печати шестью изданиями, продолжив свою жизнь и после смерти автора, обогнав и по количеству изданий, и по тиражам все издания словарей русского языка вместе взятые.

Кто знает, возможно, мы сегодня и не имели бы этого удивительного краткого русского «Лярусса», ведь выбор Сергеем Ивановичем филологической стези можно назвать разве что провидением: и предки его по мужской линии, и младшие его братья были «технарями» (Сергей Иванович пожурил бы нас за такое разговорное выражение), а самому ему открывалась возможность сделать и военную карьеру. Но обо всем по порядку.

Корнями семья Ожеговых уходит на Урал. «Ожеговы — фамилия уральская. Она происходит от слова “ожег” (ударение на “о”)². Так в старину называлась палка, которую окунали в расплавленный металл, чтобы определить степень его готовности. Отец говорил, что мы исходим от одного из демидовских крепостных, которому чудом удалось спастись из затопленных подвалов Невьянского завода», — писал в воспоминаниях о Сергее Ивановиче его сын, Сергей Сергеевич (1925–2017), доктор архитектуры, известный отечественный архитектор и педагог [Ожегов 1999: 205].

Дед Сергея Ивановича — Иван Григорьевич — более полувека трудился в Уральской химической и золотосплавочной лаборатории в Екатеринбурге. Здесь золото, добываемое на уральских заводах и приисках, превращалось в слитки, после чего отправлялось в государственную казну. Все дети Ивана Григорьевича (а их было 14), как следует из воспоминаний правнука, получили высшее образование. Среди них — и Иван Иванович, отец Сергея Ивановича, окончивший Технологический институт³

² Интересен тот факт, что в выходных данных прижизненных изданий словаря фамилия автора сопровождалась ударением.

³ В воспоминаниях сына С. И. Ожегова ошибочно указывается Политехнический институт,

¹ Давно уже мы используем эту метонимию: «Ожегов» вместо «словарь Ожегова».

в Петербурге и получивший профессию инженера-технолога. После окончания института Иван Иванович Ожегов был приглашен инженером на Писчебумажную фабрику купцов Кувшиновых, в Тверскую губернию. Фабричный поселок располагался по соседству с приобретенным Кувшиновыми имением Каменным⁴, потому и получил такое же название. Именно там, в Каменном (ныне — город Кувшиново), 10 (23)⁵ сентября 1900 г. в семье молодого инженера и родился старший сын — Сергей Иванович Ожегов. Мать Сергея Ивановича, Александра Федоровна (урожденная Дегожская), была из династии псковского духовенства, родные ее жили в Опочке. Не исключено, что именно эта родовая ветвь определила лингвистические привязанности Сергея Ивановича, поскольку среди предков его матери был известный русский филолог протоиерей Герасим Петрович Павский, совершивший своего рода прорыв в русской грамматике четырехтомным изданием, над которым он работал около 15 лет. Это «Филологические наблюдения над составом русского языка», за которые автор был удостоен Демидовской премии. Вот небольшое суждение об авторе и его сочинении (критический разбор был сделан Н. И. Надеждиным и опубликован в «Отечественных записках»), которое отражает фамильные черты, унаследованные С. И. Ожеговым от своего знаменитого предка: «Это плод ученого трудолюбия, изумительного сколько огромностью сил и способов, столько же, если не больше, беспримерным, героическим самоотвержением» [Надеждин 1844: 34]. Не случайно, видимо, Александра Федоровна старалась поддерживать в своем сыне его увлечение словесностью.

однако первый набор в этот институт был осуществлен только в 1902 г. Кроме того, инженерная специальность, которой овладел Иван Иванович, соответствовала профилю именно Технологического института.

⁴ К интересным фактам, связанным с этим имением, относится то, что в течение десяти лет оно, а также и мануфактура принадлежали семейству Дубельтов. М. Л. Дубельт, проигравший это имение в карты князю П. Н. Трубецкому, был первым мужем младшей дочери А. С. Пушкина — Натальи Александровны.

⁵ По другим данным — 9 (22) сентября.

В 1909 г. И. И. Ожегов был приглашен в Петербург, на службу в Экспедицию заготовления государственных бумаг, и семья разместилась в прекрасной четырехкомнатной квартире в доме по Фонтанке 144, где теперь вплоть до отъезда в 1936 г. в Москву будет жить Сергей Иванович.

А на противоположном берегу Фонтанки начинался район, именуемый Колодной, где, как известно, в течение почти четырех лет после выхода из Лицея жил А. С. Пушкин. Дом адмирала Клокачева, в котором родители поэта снимали квартиру, находился несколько левее относительно зданий Экспедиции и того Английского мостика, по которому почти ежедневно бегал в 5-ю гимназию⁶ Сережа Ожегов. Путь его пролегал в Коломенской части сначала по Английскому проспекту, затем через Покровскую площадь⁷ с величественным храмом Покрова Пресвятой Богородицы⁸, где ему приходилось пробираться через шумные торговые ряды. И набережная Фонтанки, и Покровская площадь вечно были забиты торговым людом и битюгами с телегами. Может быть, именно здесь, где изо дня в день звучала совсем иная, не знакомая мальчику из интеллигентной семьи речь, и начал зарождаться его интерес к русскому слову.

Во всяком случае по окончании гимназии выбор Сергея Ивановича пал на историко-филологический факультет Петроградского университета, куда он и поступил в 1918 г., но, в связи с революционными событиями, учиться не стал, а «уехал к родным по матери в город Опочку и, будучи членом партии эсеров, устанавливал там советскую власть» [Ожегов 1999: 208]. Уже в начале декабря 1918 г. Сергей Иванович начинает службу в Красной армии, участвует в боях с белофиннами в Карелии, затем — против Врангеля на территории Южной Украины, после разгрома белой армии — в ликвидации банд. Во время службы Ожегов командовал полковой разведкой, был начальником штаба полка,

⁶ Гимназия находилась на пересечении Английского проспекта с Екатерингофским проспектом (ныне — проспект Римского-Корсакова).

⁷ Ныне — площадь Тургенева.

⁸ Храм, автором которого был известный русский архитектор В. П. Стасов, был разрушен в 1934 г.

затем — начальником штаба тыла, поэтому после окончания Гражданской войны ему предложили учиться в военной академии, но Сергей Иванович в 1922 г. демобилизовался и вернулся в Петроград, где продолжил учебу в университете.

Скорее всего, путь, которым он будет ежедневно следовать к бывшему дворцу Петра II, снова будет пролегать по знакомым с гимназических времен местам, поскольку и сегодня от Фонтанки к набережной Большой Невы удобнее добираться пешком, тем более что маршрут можно менять, и тогда не по Английскому проспекту, а по Крюкову каналу, мимо Николы Морского, вдоль Мариинки, Новой Голландии... Выносливому, хорошо физически развитому, спортивному, увлекавшемуся футболом еще с гимназических лет Сергею Ивановичу это было только в удовольствие.

В 1926 г. Ожegov окончил факультет языкознания и материальной культуры (так в ту пору назывался филологический факультет), причем во время обучения получил и опыт преподавания русского языка, и, будучи человеком увлеченным и целеустремленным, сумел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны в среде ленинградских лингвистов, получив «благословение» на обучение в аспирантуре от Л. В. Щербы и В. В. Виноградова. Под руководством последнего он делал свои первые шаги в науке, испытывая влияние его идей в течение всей своей жизни.

К этому периоду база наблюдений Ожегова над живым языком значительно расширилась. Теперь к уже имевшимся данным о языке, который бытовал в семье, соединившей две традиции — духовенства и технической интеллигенции, к наблюдениям над языком гимназистов и торгового люда с Покровской площади присоединились и достаточно обстоятельные наблюдения над языком русской провинции, языком военных, студентов, ученых и большого числа представителей молодой ленинградской интеллигенции, наполнявшей квартиру Ожеговых на Фонтанке. Это были и друзья братьев Сергея Ивановича (один учился в Институте гражданских инженеров, другой — в Институте инженеров путей сообщения) — шумная веселая молодежь, и военные, бывшие сослуживцы Сергея Ивановича, и подруги его жены, выпускницы Педагогического института,

да и ее отец — священник, с которым Сергей Иванович очень сдружился. Серьезные наблюдения над разнообразием живой русской речи, изучение живых социальных связей в совокупности с обстоятельным исследованием истории русского и других славянских языков и определили главное направление научной деятельности С. И. Ожегова.

Сергей Иванович начал серьезно заниматься словарной работой уже в конце 1920-х гг.: им был полностью составлен и отредактирован 5-й том «Словаря русского языка» АН СССР (это издание не было завершено). Оценивая способности Ожегова к словарной работе, Л. И. Скворцов позднее даст им такую оценку:

Он был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Тонко чувствуя структуру и семантическую материю слова, С. И.⁹ знал необычайное множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий... Многое хранили кладовые его памяти из истории науки и техники, народных промыслов, спорта, военного и театрального быта, из городского и сельского фольклора, из самых разных художественных текстов. Он все читал и всем интересовался до последних дней жизни [Скворцов 2000: 82].

Именно такой ученый и нужен был Д. Н. Ушакову, собравшему уникальную команду одаренных лингвистов для реализации грандиозного плана — создания первого толкового словаря русского литературного языка советской эпохи, известного сегодня под названием «ушаковского». Работа Ожегова в коллективе, руководимом Д. Н. Ушаковым, потребовала переезда ученого в Москву, где его семье были по личному распоряжению наркома В. М. Молотова выделены две комнаты в коммунальной квартире на Смоленском бульваре.

Работа над словарем была поистине титанической. И вклад в этот коллективный труд (над его составлением работали 6 ученых) С. И. Ожегова можно с полной уверенностью назвать весьма значительным: им создано «из общего объема словаря в 435 печатных листов... более 150 листов» [Там же: 86], т. е. более 30 % общего состава

⁹ Так в статье.

словаря, и это помимо редактирования II, III и IV томов совместно с Д. Н. Ушаковым и Г. О. Винокуром.

Позднее, в 1952 г., в статье «О трех типах толковых словарей современного русского языка» С. И. Ожегов немного открывает «кухню» той титанической лексикографической работы, которую вели составители словаря, чтобы отобрать действительно «актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии» [Ожегов 1952: 94]. Для того чтобы понять, сколь велик труд создания словаря нормативного типа, достаточно увидеть, какое количество текстов было прочитано (в отсутствие современных возможностей компьютерного поиска!), причем из этих читаемых не для получения эстетического наслаждения текстов «выуживались» все те слова, которые в них употреблены были не как слова окказионального типа, а как реально существовавшие в языке (например, *порывистый* и *порывчатый*; *отрывчатый* и *отрывистый*). И читались в огромном количестве тексты как художественные (не только классика, но и современная литература), так и научные, научно-популярные, современная публицистика, газеты, уставы, всевозможные перечни, доклады, речи, переписка и пр. Сегодня интерес могут представлять даже ссылки на эти тексты. А в «ушаковском» словаре большинство статей сопровождалось цитатами нередко даже из нескольких текстов. Кстати, именно по причине «нежелательных» цитирований (например, произведений Д. С. Мережковского, А. А. Ахматовой, И. Э. Бабеля и др.) был переработан первый вариант первого тома словаря, вышедший небольшим пробным тиражом в 1934 г. [Никитин 2016б: 55].

Помимо того что Ожегов непосредственно участвовал в лексикографической работе, он был еще и самым активным членом этого коллектива, непосредственно включившимся в полемику по защите словаря от нападков огромного числа недоброжелателей, которые всячески старались повлиять на то, чтобы запретить издание словаря. После публикации первого тома в 1935 г. такая дискуссия проходила в Ленинграде, в Институте языка и мышления. В архиве Ожегова собраны письма участников дискуссии о словаре, а также сохранились рабочие записи о непростой издательской

судьбе словаря [см.: Никитин 2016а: 38]. В статьях, в том числе в «разгромной» статье В. Б. Аптекаря, Ушакова «обвиняли в критическом восприятии советской действительности, в поповском и мещанском идеологическом базисе, в буржуазном тоне содержания, в халтурности трактовки технических и научных терминов» [Нефёдов, Нефёдова 2013: 9]. Создатели словаря учитывали все конструктивные замечания своих коллег, вносили исправления, дорабатывали каждый том, а также отстаивали свои идеи, и, несмотря на упорное сопротивление недоброжелателей, вслед за первым после паузы вышли все тома словаря (1938; 1939; 1940), став огромным событием и в русской лексикографии, и в культурной жизни страны.

Принцип, который был положен в основу словаря Ушакова, сформулирован в предисловии к изданию:

Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства¹⁰.

И именно эта идея, реализованная талантливыми русскими учеными, стала основной идеей, которую развил и воплотил в жизнь С. И. Ожегов в «малом» словаре, работа над которым не могла идти сколько бы то ни было интенсивно до того времени, пока не закончилась эпопея с четырехтомником, хотя мысль о создании краткого, сокращенного варианта нормативного словаря как необходимого в современных условиях издания была уже высказана Д. Н. Ушаковым и всецело завладела Ожеговым.

А потом началась война. Команда, которая должна была работать над словарем, практически в полном своем составе была эвакуирована. Ожегов не захотел оставлять Москву, более того, записался в народное ополчение, но на передовую

¹⁰ От редакции // Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I. — М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935. — Стб. IX—X.

его не пустили: известный ученый подлежал «бронированию». Ожегов исполнял обязанности директора Института языка и письменности народов СССР¹¹, ежедневно, по сложившейся традиции, в институт «ходил пешком, пустынными пречистенскими переулками» [Ожегов 1999: 213]. Дежурил в ночных патрулях, преподавал в педагогическом институте, организовал научное общество, изучал язык военного времени и — упорно и много, не прекращая, несмотря ни на что, работал над новым словарем. Возможно, он воспринимал эту работу в том числе как обязательство исполнить волю ушедшего из жизни в начале апреля 1942 г. Д. Н. Ушакова.

Это была не единственная его потеря: в блокадную зиму 1941–1942 гг. не стало всей большой ленинградской семьи Ожеговых: получил смертельное ранение (в квартиру попала бомба) шестилетний племянник, умерли от голода мать, брат Борис и его жена. Еще перед войной скончались отец и младший брат. Осталась только маленькая племянница Наташа, которую Ожегов разыскал, привез в Москву и удочерил (к этому времени из эвакуации вернулись его жена и сын). Весь ожеговский архив, в котором, наверное, могли находиться и весьма любопытные свидетельства того, как Сережа Ожегов готовился к своему главному труду¹², сгорел. Собственно, не стало и самой квартиры. Вспоминая свой приезд в Ленинград вместе с отцом летом 1947 г., Сергей Сергеевич писал: «Мы приехали прощаться с тем, что было. Каждый по-своему, но прощаться... Ездили на Фонтанку 144. Увидели двор, где нам обоим была знакома с детства каждая тротуарная плитка, каждая крышка люка. Остались неизменными и подъезд, лестница, дверь в квартиру. А внутри все не то: белые стены, тишина и чистота. Детский сад... Только много позднее я понял, что такое было для

отца увидеть эту пустоту на том месте, где прошла почти вся его сознательная жизнь. Исчезло все, и люди, и вещи, все, что долгие годы составляло самую суть жизни» [Там же: 214].

После войны, когда работа над «Малым Толковым словарем» могла бы закипеть с новой силой, верен этому делу остался фактически один Ожегов. Разумеется, у него была достаточно хорошая база — словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Но у нового словаря были и новые задачи, сформулированные еще в плане издания, составленном в июне 1940 г.:

Малый Толковый Словарь предназначен для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи [Никитин 2000: 59].

В заметке о «Принципах построения Малого Толкового словаря», сохранившейся в архиве ученого, отражен и подход к представлению материала: «построение и оформление <...> должно быть предельно четким (возможно меньше условных сокращений, типизация отсылок и т. п.)» [Там же].

Итак, в задачу Ожегова входило отобрать материал — отсечь все «лишнее» (причем это «отсечение» должно было базироваться на реальном наблюдении над языковыми процессами современности); добавить вновь явившееся и вошедшее в активное употребление, выработать структуру статьи (по возможности следуя формуле «минимум знаков — максимум информации»), снабдить статьи, где это необходимо, иллюстративным материалом, который нужно создать, поскольку литературные примеры, которые в значительной мере иллюстративно насыщали четырехтомник, малый словарь позволить себе не мог (словосочетания и короткие предложения для каждой статьи составлены Ожеговым), толкование слов сделать понятным для широкой аудитории, как и стилистические пометы, которыми слова сопровождаются, максимально отразить все возможные языковые трудности, т. е. усилить нормативный компонент.

Как следует из этого неполного перечня «обязанностей» составителя, труд был колоссальным. А чтобы стало более наглядным то, что «сотворил» Ожегов, стоит не только выявить, какие слова отсеяны,

¹¹ С 1944 г. — Институт русского языка АН.

¹² В музее Кувшинова экскурсоводы рассказывают посетителям, что «где-то в архиве ученого хранится первый, еще детский толковый словарь, размером с небольшую записную книжку и состоящий из нескольких серых и рыхлых, криво обрезанных листов самодельной бумаги, изготовленных Сережей Ожеговым под руководством отца» (Бару М. Непечатные пряники. — М., 2020. — С. 17).

какие появились, но и сравнить статьи к словам, имеющимся в обоих словарях. Вот, например¹³, как представлены слова

катавасия (в таблице опущена грамматическая характеристика, которая одинакова) и *каска*:

Таблица 1

КАТАВАСИЯ	Словарь Ушакова	Словарь Ожегова
Этимология	[греч. katabasion — нисхождение, суматоха]	Отсутствует
Толкование слова	1. Монастырское пение, исполняемое обоями клиросами, сидящими на середине церкви (церк.). 2. Беспорядок, суматоха, возня	Беспорядок, суматоха
Стилистические пометы	Ко 2-му значению: (простореч.)	(разг., шутл.)
Иллюстрация	<i>Пойдет все вверх дном, такая к..., что своих не найдёшь.</i> В. Слгб.	Отсутствует
Количество знаков в статье	260	53

Таблица 2

КАСКА	Словарь Ушакова	Словарь Ожегова
Грамматические сведения	-и, ж.	-и, род. мн. -сок, ж.
Этимология	[фр. casque]	Отсутствует
Толкование слова	Металлический кожаный или сделанный из др. материала головной убор в виде шлема, преимущ. у пожарных команд и воинских частей в разных армиях	Головной убор (металлический, пробковый и т. п.) в виде шлема
Иллюстрация	Отсутствует	<i>Пожарная каска</i>
Количество знаков в статье	170	106

Чисто арифметический итог таков: статья «Катавасия» во втором словаре меньше в 5 раз, статья «Каска» — более чем в полтора. В содержательном плане: у Ожегова усилен нормативный компонент (грамматическая норма); исключено неактуальное значение; расширено значение слова *каска* при максимальном сжатии его определения. У Ожегова отсутствуют сведения о происхождении заимствованных слов (первоначальный план предусматривал данный аспект), которыми автор пожертвовал явно из-за требований к объему словаря.

Книга выйдет из печати в первом издании в 1949 г. Однако рукопись словаря поступила в издательство АН СССР в начале 1946 г. Рецензия, подготовленная издательством, была выдержана «...весьма в критических, но не обличительных тонах, с пожеланием пересмотреть и доработать словарь. “Рукопись в представленном виде посылать в набор нецелесообразно...” — такое решение принял редакторский отдел

издательства. Эта была первая рецензия на “Словарь”, первый удар, но от своих...” [Никитин 2000: 60]. И более трех лет Ожегов будет доводить свой словарь до того варианта, который наконец-то получит одобрение. Но компания против словаря продолжилась и после выхода его из печати в 1949 г. Собственно, она продолжится и в дальнейшем.

Что же вызывало негативную оценку рецензентов? Прежде всего то, что словарь отражал тот уклад жизни, те традиции, в том числе религиозные, ту духовность, которые были укоренены в русском человеке, несмотря на революционные преобразования и старания политических конъюнктурщиков вытравить их из сознания нации. Пожалуй, лучшей иллюстрацией этого сюжета могло бы стать «Собачье сердце» М. А. Булгакова.

Закалка, которую Ожегов получил в сражениях с «врагами» словаря Ушакова, пригодилась ему, когда потребовалось в открытую выступить в защиту уже своего труда. В газете «Культура и жизнь» 11 июня 1950 г. была опубликована клеветническая, претенциозная статья Н. Родионова «Об одном

¹³ Выборка случайная.

неудачном словаре»¹⁴, явившаяся наиболее агрессивным выпадом против набиравшего популярность словаря Ожегова. По примеру Д. Н. Ушакова Сергей Иванович написал редактору газеты «Культура и жизнь» (копия была отослана в газету «Правда») письмо — детальное опровержение этой публикации, которое и сегодня читать интересно не только как факт истории словаря, но и как образец научной полемики.

А словарь, несмотря ни на что, набирал популярность в первую очередь среди тех, кому он, собственно, и был адресован — среди массового читателя. Положительные оценки со стороны научной общественности, от зарубежных коллег, из национальных республик, для которых словарь явился и настольной книгой, и образцом для составления словарей национальных языков, от журналистов, в том числе радио и телевидения, поступали и в издательство, и автору. Что, разумеется, поддерживало Сергея Ивановича в этой непростой ситуации, а также вселяло уверенность в том, что труд его нужен, а следовательно, будет продолжена и работа над ним, поскольку главной идеей Ожегова было то, чтобы словарь отражал в каждом своем издании происходящие в языке изменения. А для этого ему приходилось не только дорабатывать свой словарь, вносить в него необходимые исправления, но и с мужеством отстаивать свои идеи и перед лицом научной общественности, и на радио, и в непрерывающейся педагогической деятельности.

Кроме работы над однотономным словарем, Ожегов трудился над созданием словаря, имеющего достаточно печальную судьбу, — над «Словарем к пьесам А. Н. Островского». Этот словарь создавался в содружестве с А. Н. Ашукиным и В. А. Филипповым. Работа над ним началась еще до войны, а закончен словарь был в 1949 г. Но, подготовленный к изданию, он не был опубликован, и только стараниями сына Сергея Ивановича, у которого сохранился оттиск словаря, в 1993 г. вышло из

печати его репринтное издание¹⁵. Словарь создавался как ответ на реальные запросы театральных деятелей, поскольку пьесы А. Н. Островского содержали в себе достаточно большое число таких деталей, исторических и бытовых реалий, слов и выражений, отличающих устную речь ушедшей эпохи, которые было необходимо прокомментировать, чтобы избежать недоразумений при постановке пьес. И поэтому всталла задача создать совершенно новый тип словаря, соединяющего в себе черты, характерные для энциклопедических и филологических справочников. С. И. Ожегов в этом словаре, конечно, принадлежала филологическая часть.

Типологически новый для своего времени, словарь Островского основан на полном корпусе пьес драматурга (в списке значится 48 наименований). Отобранным словам и выражениям дается многосторонняя характеристика: акцентологическая (как рекомендация театральным артистам), грамматическая (например, указывается специфическое управление), эмоционально-экспрессивная (используются пометы: неодобр., презрит., фам. и т. п.)... [Шестакова 2011: 188].

Вероятно, что при подготовке этого словаря С. И. Ожегов должен был испытывать особое удовольствие, поскольку то, что всегда более всего его интересовало — живая речь, находило здесь свое отражение.

Именно интерес к живой речи, постоянное внимание к происходящим в языке процессам и вопросы нормализации языка были предметом серьезной работы Ожегова в 50–60-е гг. XX в. Но заниматься ими он начал еще в 30-е гг.¹⁶, о чем свидетельствует статья «О просторечии (К вопросу о языке города)». Вопросы, которые в данной статье рассмотрены Ожеговым, представляют интерес и сегодня, в том числе потому, что явления и факты, наблюдаемые ученым почти сто лет назад, продолжают оставаться актуальными.

Уже в этой статье проявляется главная симпатия Ожегова — к изучению реального

¹⁴ Полностью данную статью, как и ответ на нее С. И. Ожегова, можно прочитать в приложении к статье О. В. Никитина «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) // Мир русского слова. — 2017. — № 1. — С. 18–32.

¹⁵ Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков. Репринтное издание. — М., 1993. — VII, 246 с.

¹⁶ Так считает О. В. Никитин, подготовивший рукопись (36 тетрадных листов, исписанных зелеными чернилами), хранящуюся в архиве РАН, к публикации (опубликована в 2000 г.).

существования языка в речи людей с разным уровнем образования, профессиональными и социальными предпочтениями, бытовыми привычками и пр. Ожегов подробно рассматривает признаки просторечия на уровне орфоэпии, словоупотребления и грамматики. Приведенные им примеры — факты и сегодняшнего дня: «*тыща*», «*надсмешка*», «*константация*», «*транвай*», «*средства*», «*ходатайствовать*», «*квартал*», «*пárтер*», «*в размере двести восьми рублей*», «*вопреки отца*» и пр. [Ожегов 2000].

В 1952 г. при Институте языкознания АН СССР С. И. Ожеговым был создан сектор культуры русской речи для решения вопросов, связанных с кодификацией норм литературного языка. Причем помимо чисто научных задач сотрудникам сектора предстояло вырабатывать практические рекомендации по употреблению тех или иных языковых единиц и нести эти рекомендации в массы, для чего по его же инициативе в 1958 г. при Институте русского языка была организована справочная служба.

Основные идеи по работе сектора С. И. Ожегов изложил в своем докладе на расширенном заседании Ученого совета Института в 1955 г., и многое из сказанного им звучит актуально и сегодня (см.: [Ожегов 1990])¹⁷.

Стараниями С. И. Ожегова с 1950 г. начало выходить периодическое издание научно-популярного характера «Вопросы культуры речи». В нем публиковали свои работы молодые ученые, которых всегда был рад поддержать Сергей Иванович. Он же готовил и еще одно периодическое издание — журнал «Русская речь», которое начало выходить уже после смерти ученого, с 1967 г. И все эти труды — параллельно с постоянной работой над главным словарем, над составлением «Словаря языка Пушкина», в составе редколлегии «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (с 6-го по 17-й том), по составлению словаря литературного произношения. А еще было участие в передачах по вопросам культуры речи на радио и телевидении, консультации для

дикторов и театральных работников, популярные лекции в Доме ученых, организация встреч с писателями и многое другое.

Все, кто знал Ожегова, подчеркивали, что он сумел пронести через свою непростую жизнь удивительное жизнелюбие и радушие, какую-то юношескую озабоченность, открытость, остроумие, был очень обаятельным человеком, привлекавшим к себе и своей твердостью в принципиальных вопросах, и умением по-философски спокойно относиться к незаслуженному замалчиванию его заслуг, и сохранять унаследованную от предков глубокую интеллигентность и душевное благородство.

ЛИТЕРАТУРА

Надеждин Н. И. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Статья первая // Отечественные записки. Отд. V. Критика. — 1844. — Т. 34. — С. 33–48.

Нефёдов И. В., Нефёдова Т. П. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи // Мир русского слова. — 2013. — № 1. — С. 8–13.

Никитин О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. — 2016. — № 3. — С. 27–40 [Никитин 2016а].

Никитин О. В. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: из истории создания и обсуждения // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2000. — Т. 59. — № 5. — С. 58–65.

Никитин О. В. «Ушаковская эпопея». Известные страницы знаменитого словаря // Русская речь. — 2016. — № 3. — С. 51–62 [Никитин 2016б].

Ожегов С. И. Вопросы нормализации современного русского литературного языка // Русская речь. — 1990. — № 4. — С. 90–94.

Ожегов С. И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 93–110.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. — 1952. — Вып. 2. — С. 85–103.

Ожегов С. С. Отец // Дружба народов. — 1999. — № 1. — С. 205–219.

Скворцов Л. И. Сергей Иванович Ожегов — человек и словарь (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 81–92.

¹⁷ Тезисы этого доклада были подготовлены к публикации в журнале «Русская речь» Л. К. Граудиной.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. — М., 2011.

REFERENCES

Nadezhdin N. I. Philological observations of Archpriest G. Pavsky over the composition of the Russian language. Article One. In *Otechestvennye zapiski. Otd. V. Kritika* [Notes of the Fatherland. Dep. V. Criticism]. 1844, vol. 34, pp. 33–48. (In Rus.)

Nefyodov I. V., Nefyodova T. P. Reflection of the systemic vocabulary of the Russian language in the first explanatory dictionary of the Soviet era. In *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2013, No. 1, pp. 8–13. (In Rus.)

Nikitin O. V. The Fatherland lexicography in the 1930s: the struggle of ideas and ideologies (From the history of the creation and discussion of the «Explanatory Dictionary of the Russian Language» edited by D. N. Ushakov). In *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. 2016, No. 3, pp. 27–40. (In Rus.)

Nikitin O. V. The «Dictionary of the Russian language» S. I. Ozhegov's: from the history of creation and discussion. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury*

i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. A part of literature and language]. 2000, vol. 59, No. 5, pp. 58–65. (In Rus.)

Nikitin O. V. «Ushakov's saga». Unknown pages of the famous dictionary. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 2016, No. 3, pp. 51–62. (In Rus.)

Ozhegov S. I. Issues of the normalization of modern Russian literary language. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1990, No. 4, pp. 90–94. (In Rus.)

Ozhegov S. I. About common language (To the question of the city's language). In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 93–110. (In Rus.)

Ozhegov S. I. About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1952, No. 2, pp. 85–103. (In Rus.)

Ozhegov S. S. The Father. In *Druzhiba narodov* [Peoples's Friendship]. 1999, No. 1, pp. 205–219. (In Rus.)

Skvortsov L. I. Sergey Ivanovich Ozhegov — the man and the dictionary (on the 100th anniversary of his birth). In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 81–92. (In Rus.)

Shestakova L. L. Russian author's lexicography: theory, history, modernity. Moscow, 2011. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Анатольевна Бондаренко, кандидат педагогических наук, профессор, кафедра филологии, социально-гуманитарный факультет, Академия труда и социальных отношений; ул. Лобачевского, д. 90, г. Москва, 119454, Россия

Marina A. Bondarenko, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Chair of Philology, Department of Social Sciences and Humanities, Academy of Labour and Social Relations; 90 Lobachevsky str., Moscow, 119454, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-85-91

Лексикографическая деятельность С. И. Ожегова в 1926–1936 гг. (ленинградский период)

Екатерина Григорьевна Стукова

*Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: e.g.stukova@gmail.com*

Статья посвящена ленинградскому периоду деятельности С. И. Ожегова (1926–1936 гг.), недостаточно описанному в биографических работах, посвященных ученому. Кратко характеризуется период обучения в аспирантуре и работы в Институте языков и литератур Запада и Востока. На основе архивных материалов приводятся интересные факты об аспирантских занятиях С. И. Ожегова: изучение русских диалектов в контексте истории русского литературного языка, разработка вопроса о первом южнославянском влиянии на литературный язык, работа в группе по составлению библиографии русской диалектологии, участие в составлении картотеки по статейному и библиографическому материалу журнала «Русский Филологический Вестник», совместная с Б. А. Лариным работа над изучением просторечия и языка города и др. В статье рассматриваются малоизвестные лексикографические проекты 1920–1930-х гг., над которыми работал С. И. Ожегов: словарь «Горя от ума» А. С. Грибоедова (под ред. Л. В. Щербы) и «Проект словаря революционной эпохи». Особое внимание уделяется академическому толковому «Словарю русского языка» под ред. Н. С. Державина, в котором С. И. Ожегов был составителем выпуска «Д – Дятельный» (1937): кратко рассматриваются словник, семантическая разработка слов, иллюстративный материал и т. п. Работа над данным выпуском являлась важным этапом в формировании лексикографического опыта С. И. Ожегова и представляет определенный интерес в связи с тем, что велась параллельно работе над I томом «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Ключевые слова: *история русской лексикографии; толковая лексикография русского языка; академические толковые словари русского языка; словари языка писателей; С. И. Ожегов*

Ссылка для цитирования: Стукова Е. Г. Лексикографическая деятельность С. И. Ожегова в 1926–1936 гг. (ленинградский период) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 85–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-85-91.

Lexicographic Activity of S. I. Ozhegov in 1926–1936 (Leningrad Period)

Ekaterina G. Stukova

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: e.g.stukova@gmail.com*

The article is dedicated to the Leningrad period of S. I. Ozhegov's activity (1926–1936), which is insufficiently described in biographical works devoted to the scholar. The period of his post-graduate studies and work at the Institute of Languages and Literature of the West and the East is briefly described. Based on archival materials, interesting facts are presented about the graduate studies of S. I. Ozhegov: the study of Russian particples in the context of the history of the Russian literary language, the development of the question of the first South Slavic influence on the literary language, the work in a research group on compiling Russian dialectology bibliography, and the participation in the compilation of a card index on the article and bibliographic material of the "Russian Philological Bulletin" journal, a joint work with B. A. Larin on the study of vernacular and the city language, etc. The article discusses little known lexicographic projects, on which S. I. Ozhegov worked in 1920–1930s: the vocabulary for "Woe from Wit" by A. S. Griboedov (edited by L. V. Shcherba) and "Draft Dictionary of the Revolutionary Era". Particular attention is paid to the academic explanatory «Dictionary of the Russian language», edited by N. S. Derzhavin, in which S. I. Ozhegov was the compiler of the issue "D – Dayatelyny" (1937). The vocabulary, semantic development of words, illustrative material, etc., of this dictionary are briefly reviewed. Work on this issue was an important stage in the formation of S. I. Ozhegov's lexicographic experience and presents particular interest, since it was carried out in parallel with the work on the first volume of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov.

Keywords: *history of Russian lexicography; explanatory lexicography of the Russian language; academic explanatory dictionaries of the Russian language; writers' language dictionaries; S. I. Ozhegov*

A reference for citation: Stukova E. G. Lexicographic activity of S. I. Ozhegov in 1926–1936 (Leningrad period). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 85–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-85-91.

Имя Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) благодаря многократно переиздаваемому «Словарию русского языка» под его редакцией в истории России XX в. стало такой же лексикографической легендой, как и имя Владимира Ивановича Даля. И именно поэтому исследованию его жизни, научного творчества посвящено много научных и биографических работ (А. А. Реформатский, К. И. Чуковский, Л. К. Граудина, Л. И. Скворцов, О. В. Никитин, Е. А. Левашов, Ю. А. Бельчиков, М. И. Задорожный, С. С. Ожегов и др.). Но несмотря на довольно большое количество биографических исследований, в них все еще мало освещены годы, проведенные С. И. Ожеговым в Ленинграде до переезда в Москву в 1936 г.

А между тем именно ленинградский период жизни С. И. Ожегова (1926–1936 гг.) можно отнести к началу его профессиональной лексикографической деятельности, когда одновременно с работой над «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (первое издание — 1934–1940 гг.) формировался практический и теоретический опыт будущего самого известного отечественного лексикографа XX в. Сам С. И. Ожегов в своей автобиографии, составленной в 1961 г., очень кратко описывает ленинградский период своей деятельности:

Научная работа сосредоточена главным образом в области современного русского языка, истории русского литературного языка, лексикографии, лексикологии. В течение 13 лет, с 1927 г., занимался, как один из соавторов, составлением «Толкового словаря русского языка», вышедшего под редакцией Д. Н. Ушакова. В 1934–36 гг. работал в Институте языка и мышления АН СССР по словарному отделу. В 1936 году переехал из Ленинграда в Москву... [Ожегов 1961: 110].

Однако за этими краткими сведениями стоят малоизвестные, но интересные исследования и проекты, в которых принимал участие молодой ученый.

С. И. Ожегов родился и провел детство в поселке Каменное Тверской губернии, но гимназию окончил уже в Петрограде, куда семья Ожеговых переехала перед Первой мировой войной [Скворцов 1982: 16]. В 1918 г. он поступил в Петроградский университет, но в декабре того же года в качестве вольноопределяющегося был зачислен

в Красную армию [Там же: 18]. Вернувшись с Гражданской войны в 1922 г., он продолжил обучение и в 1926 г. окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета.

В 1926 г. после окончания ЛГУ по ходатайству своих преподавателей В. В. Виноградова, Б. М. Ляпунова и Л. В. Щербы С. И. Ожегов поступает в аспирантуру Института литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), где он сначала числится сверхштатным аспирантом, а с 1 октября 1928 г. — штатным [Там же: 21]. Этот научно-исследовательский институт возник в 1919 г. на базе Петроградского университета как Институт им. Веселовского и в 1921 г. был переименован в Научно-исследовательский институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (позже — Государственный институт речевой культуры (ГИРК), а с 1933 г. — Ленинградский институт языкознания (ЛНИЯ) [Университеты и научные учреждения 1935: 256]. В ИЛЯЗВе в те годы работали ученые и исследователи, во многом определившие направление и уровень российской филологии: М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, В. Н. Волошинов, Б. В. Казанский, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Л. В. Успенский, В. И. Чернышев, Б. В. Шкловский, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и мн. др.

Информация о деятельности С. И. Ожегова содержится в ряде архивных документов в его личном деле, хранящемся в СПбФ АРАН: в плане занятий 1927 г., составленном им (при участии В. В. Виноградова), отчете за 1928–1929 учебный год и отзыве за 1928–1929 учебный год научного руководителя — С. П. Обнорского [Личное дело аспиранта С. И. Ожегова 1927–1929]. Эти архивные источники дают ряд интересных биографических сведений об ученом, о темах и проблемах его научных исследований.

С. И. Ожегов по заданию С. П. Обнорского в первый год обучения в аспирантуре начинает изучение русских диалектов в контексте истории русского литературного языка. Досконально изучив литературу по данному вопросу, С. И. Ожегов в качестве источников для своего исследования взял ряд текстов XII–XIX вв. разных

стилей и жанров. Искерпав на данном материале тему деепричастий прошедшего времени на *-а(-я)*, С. И. Ожегов обратился к изучению синтаксических функций таких деепричастий в литературном языке и в русских народных говорах, а также в болгарском, польском и чешском языках. Параллельно С. И. Ожегов исследовал способы выражения и значения форм прошедшего времени в народных говорах сравнительно с литературным языком и вопрос о скрещении видовых систем церковно-славянского и разговорного русского языков. По результатам этой работы им была подготовлена статья объемом 2 печатных листа, которая должна была быть опубликована в новой серии сборника статей «Русская речь», выходявшей под редакцией Л. В. Щербы в 1927–1928 гг. В отчете С. И. Ожегов указал, что статья будет опубликована в IV выпуске. Хотя этот выпуск и не был издан, сохранился отзыв о статье, составленный С. П. Обнорским:

С. И. Ожеговым написана прекрасная работа, имеющая выйти в печати в очередном № ж. Русская Речь, работа, обнаруживающая широкое знакомство автора с литературой и материалом исследований по русистике, работа, свидетельствующая о самостоятельности и тонкости его научных построений [Личное дело...: л. 18].

Другой научной темой, которой С. И. Ожегов занимался в аспирантуре, был вопрос о первом южнославянском влиянии на литературный язык. Работая над Толстовским сборником XIII в., он подготовил описание его языка с опорой на широкий круг литературы. Также С. И. Ожегов исследовал особенности стиля повестей Смутного времени. Эти материалы по истории русского языка были использованы им в разработке программы университетского курса по истории русского литературного языка.

Помимо ведения научно-исследовательской работы по проблемам истории русского языка С. И. Ожегов работал в группе по составлению библиографии русской диалектологии под руководством С. П. Обнорского и составлял картотеку по статейному и библиографическому материалу журнала «Русский Филологический Вестник».

С. И. Ожегов тесно работал с Б. А. Лариным, сотрудником I разряда ИЛЯЗВа.

В рамках аспирантских занятий С. И. Ожегов не только изучал литовский язык под его руководством, но и трудился под его началом в кабинете социальной диалектологии над темой «Лингвистическое изучение города». Изучив отечественные и зарубежные исследования по данной теме, он обратился к таким источникам, как описания народных диалектов, мешанских говоров, газеты, стенгазеты, издающиеся на заводских предприятиях, ученические сочинения взрослых учащихся, отражающие их разговорную речь, и т. д. Показания письменных источников он сравнивал с устной речью горожан. Исследования С. И. Ожегова в этой области нашли отражение в статье «О просторечии (К вопросу о языке города)», опубликованной по архивным источникам О. В. Никитиным [Ожегов 2000: 93–110].

Однако одной из интереснейших страниц жизни молодого С. И. Ожегова оказывается его вовлеченность в ряд лексикографических проектов, работа над которыми велась как в ИЛЯЗВе, где он числился аспирантом, так и в Институте языка и мышления (ИЯМ), куда он был приглашен внештатным сотрудником после аспирантуры.

Одним из таких лексикографических проектов стал словарь «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Работа над этим словарем велась в ИЛЯЗВе с 1926 по 1930 гг. и не была закончена. Но согласно отчетам его авторов, можно предположить, что это был один из ранних крупных научных словарей языка писателя. Этот Словарь упоминается в отчетах ряда сотрудников ИЛЯЗВа: Л. В. Щербы, С. И. Обнорского, Е. С. Истриной, Б. А. Ларина, И. А. Фалева и некот. др. В этих отчетах он фигурирует как «Словарь Горя от ума Грибоедова» или «Словарь к “Горе от ума” Грибоедова». В уже упомянутом аспирантском отчете Ожегова он называется также «научным» словарем Грибоедова. С. И. Ожегов, работая над этим словарем, «под руководством Л. В. Щербы... составлял словарные объяснительные статьи» [Личное дело...: л. 12]. Л. В. Щерба так оценивал его работу:

С. И. Ожегов принимал участие в технической разработке материалов для словаря Грибоедова, а также составил несколько статей, причем проявил большую деятельность и лексикографический талант [Там же: л. 20].

Еще одним интересным словарным предприятием С. И. Ожегова в эти годы стал собственный «Проект словаря революционной эпохи». Как отмечает О. В. Никитин:

В собрании С. И. Ожегова в Архиве РАН сохранился «Проект словаря революционной эпохи» — предвестник будущей капитальной работы авторского коллектива под руководством Д. Н. Ушакова, где С. И. Ожегов был одним из самых активных участников, «движителей», как называл его учитель [Никитин 2000: 47].

Словарь включает в себя «слова, возникшие или характерные для [гражданской] войны и революции» [Ожегов 2001: 411]. Данный небольшой по объему документ состоит из списка лексических групп словника, списка стилистических помет, информации об оформлении словарной статьи (грамматические пометы, включение видовых пар глаголов, фразеологические сочетания и т. п.) и правил толкования значения.

В этот же период С. И. Ожегов, наряду с другими сотрудниками ИЛЯЗВа — В. В. Виноградовым, Б. А. Лариным, Б. В. Томашевским, — был приглашен для работы над «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

С самого начала 1930-х гг. С. И. Ожегов принимал участие в еще одном очень значимом для истории отечественной лексикографии проекте, только изредка упоминаемом в исследованиях об ученом — в седьмом издании академического «Словаря русского языка», к работе над которым С. И. Ожегов был приглашен С. П. Обнорским некоторое время спустя после окончания аспирантуры в ИЛЯЗВе в Словарный отдел Института языка и мышления АН СССР. В 1929 г. Академией наук было решено прекратить издание «шахматовского» словаря и начать работу над новым академическим словарем, который бы продолжал словарь, начатый Я. К. Гротом и А. А. Шахматовым, но с учетом реалий нового времени — эпохи победы революции и строительства коммунизма. Работа по переизданию словаря с буквы А в новой орфографии и в соответствии с новой концепцией, при сохранении тезаурусного принципа А. А. Шахматова, началась с конца 1929 г. под редакцией Н. С. Державина. В авторский коллектив данного словаря вошли все

члены Словарной комиссии при Академии наук, большая часть из которых параллельно работала в ИЛЯЗВе: Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, И. А. Фалев, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба и др. Подробнее об этом словаре см.: [Круглов 2015; Приемышева, Стукова 2018, 2020].

Для С. И. Ожегова планировалась работа в качестве одного из составителей над выпусками на буквы Б, Г, Д, И и К, что зафиксировано в календарном плане издания словаря, хранящемся в фонде Ленинградского отделения Издательства АН СССР и подписанном С. П. Обнорским в мае 1936 г., незадолго до переезда С. И. Ожегова в Москву [Подлинные договоры...: л. 148–151].

Фактическим результатом работы в этом проекте является составленный С. И. Ожеговым первый выпуск («Д — Даятельный») пятого тома «Словаря русского языка», который не только существенно дополняет картину формирования лексикографического опыта С. И. Ожегова, но позволяет глубже оценить лексикографический талант ученого и в новом свете охарактеризовать его работу над «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Выпуск «Д — Даятельный» был подписан к печати 16 декабря 1936 г. и опубликован в самом начале 1937 г., однако он был сдан в печать 8 декабря 1934 г., следовательно, работу над этим выпуском С. И. Ожегов вел параллельно с работой над ушаковским словарем.

Материалы данного выпуска позволяют сделать два важных вывода.

Во-первых, С. И. Ожегов в работе над данным материалом проявил себя уже как профессиональный лексикограф. Об этом свидетельствует, например:

а) разработка семантической структуры многозначных слов (напр., у существительного *дар*, которое занимает 9 столбцов (около 0,5 авт. л.), выделяется 6 значений, 9 оттенков значений и большое количество случаев сочетаемости; прилагательное *дальный* занимает 8 столбцов, в нем выделено 7 значений и 5 оттенков значений с большим количеством случаев сочетаемости, оно включает в себя подстатью *дальнейший* с 4 значениями; слово *да* занимает 25 столбцов (1,8 авт. л.), в нем выделено 17 значений с огромным количеством оттенков и подзначений, с подробным

показом сочетаемости и устойчивых выражений; глагол *давать* занимает 49 столбцов (3,6 авт. л.), имеет 18 значений, а оттенки значения, подзначения, случаи сочетаемости и устойчивые выражения исчисляются десятками и образуют сложную иерархическую структуру);

б) толкование слов: сами дефиниции отличаются логической четкостью и ясностью;

в) разработка словника (каждый из авторов самостоятельно разрабатывал словник на свою букву, опираясь на материалы карточки и выборки из свежих газет и журналов 1930-х гг.);

г) детальность стилистической характеристики слов (при сравнении с другими выпусками словаря она дается чаще и подбирается тщательнее, а сами пометы — уместны и точны);

д) использование иллюстративного материала (одной из задач словаря было широкое включение нового языкового материала из газет, журналов, современных энциклопедий; по политическим причинам от авторов словаря требовалось отразить язык молодого советского государства и его промышленных, технических, сельскохозяйственных и общественно-политических реалий).

Обращает на себя особенное внимание степень разработанности словообразовательных гнезд.

Например, гнездо *дактило-* представлено 25 заголовочными словами (в словаре под ред. Д. Н. Ушакова — 5), а гнездо *дамá-* содержит 13 лексем с пометой *техн.*, отражающих в том числе и актуальные для 1930-х гг. понятия, связанные с обработкой металла и ткани: *дамá, дамас(с)е, дамаск, дамаскирование, дамаскировать, дамаскироваться, дамаскировка, дамасковый, дамассин, дамасский, дамаст, дамастовый*.

Гнездо *далыно-* включает в себя 42 заголовочных слова (в словаре под ред. Д. Н. Ушакова это гнездо состоит из 9 заголовочных слов). Многие из них относятся к областным или устаревшим словам и снабжены соответствующими пометами (напр., *далынобитный, далыновидец, далыноземец* снабжены пометой *устар.*), но есть и довольно много слов с пометами *техн.* или *физ.*, отражающих актуальные для своего времени понятия техники и науки:

далынобойка, далыновидение, далыновидеть, далынодействие, далынозор, далыномерщик, далынописец, далынострельность, далыноструйный и т. д.

Словарные статьи зачастую снабжены современными цитатами из периодических изданий «Известия ЦИК», «Правда», «Большевик», Малой советской энциклопедии, Полевого устава РККА и т. д. См., например:

Далыновидеть, ви́жу, ви́дишь, *несов., перех. Техн.* Рассматривать, получая изображения по способу далыновидения. *Телевизор сумеет водить суда в опасных местах... «далыновидеть» картину морского боя и ориентировать подводные лодки в расположении неприятельских кораблей, направлять действие сухопутной артиллерии и т. д.* Лапиров-Скобло, Изв. ЦИК 12 сент. 1931¹.

Во-вторых, С. И. Ожегов учитывал и использовал при работе над одним из словарей свой опыт параллельной работы над другим. Это позволяют утверждать наблюдения при сравнении отрезка «Д — Даяние» в обоих изданиях.

Очевидно, что с учетом разности концепций и описываемых объектов — современного русского национального языка и современного русского литературного языка — словник рассматриваемого отрезка «Д — Даятельный» в «Словаре русского языка», значения общеупотребительных многозначных слов и используемые иллюстрации значительно превышают в количественном отношении аналогичные параметры «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, а семантическая разработка структурно сложнее и разнообразнее в связи с различием в метаязыке словарей, однако закономерной, при сравнении аналогичных материалов, оказывается сходная (а в некоторых случаях идентичная или почти идентичная) семантическая разработка ряда слов, формулировка дефиниций и последовательность значений многозначных слов небольшого объема.

Для примера идентичности формулировок, структурирования словарной статьи приведем словарную статью на слово *дама* (без иллюстративного материала):

¹ Словарь русского языка. Т. 5, вып. 1. Д — Даятельный. 7-е изд. / под ред. С. И. Ожегова. — М.; Л., 1937. — Стлб. 166.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова	«Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина
Дама 1. В буржуазно-дворянском обществе — женщина, по внешнему виду принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу. Замужняя женщина, в отличие от барышни. 2. Женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером. 3. Игральная карта с изображением женщины. 4. Название одной из шахматных фигур; то же, что королева или ферзь (разг.).	Дама 1. В буржуазно-дворянском обществе: женщина, принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу. Замужняя женщина, в отличие от девушки, барышни. 2. Женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером; вообще: особа женского пола в противоположность мужчине, кавалеру. 3. Игральная карта с изображением женщины, обычно с короной; то же, что краля. 4. Название одной из шахматных фигур; то же, что ферзь или королева.

Сходство этих двух словарных статей очевидно: совпадает количество и порядок значений и их оттенков, а формулировки определений чрезвычайно близки (отличаясь чуть большей развернутостью в словаре под ред. Н. С. Державина). Примеров такого сходства при сравнении материалов оказывается достаточно много. Следует также отметить, что в данном отрезке словаря Ушакова фактически нет таких заголовочных слов, которые бы отсутствовали в «Словаре русского языка» под ред. Н. С. Державина.

Очевидно, что С. И. Ожегов в 1932–1936 гг. имел опыт одновременной работы над толковыми словарями русского языка, описывающими различные лингвистические объекты с учетом уровня и объема их метаязыка, что не могло не сказаться на оттачивании методики словарной работы, на оттачивании практической методики выявления подходов при работе с различным языковым материалом одного периода, на оттачивании лексикографического профессионализма. Следует подчеркнуть, что С. И. Ожегов оказался единственным лексикографом, который получил опыт такой многообразной лексикографической работы в двух исторически и методологически разных центрах, которыми были Ленинград и Москва. Также очевидно, что свой выбор С. И. Ожегов сделал в 1936 г. в пользу словаря русского литературного языка.

Несомненно, ленинградский период деятельности был для С. И. Ожегова хоть и недлительным, но научно значимым этапом. Это был период получения качественного

образования, большого научного опыта, взаимодействия и совместной работы с выдающимися лингвистами своего времени — Л. В. Щербой, С. П. Обнорским, Б. Л. Ляпуновым, В. В. Виноградовым, Б. А. Лариным и др., которые были его учителями и коллегами; это и участие в ряде лексикографических проектов, в том числе — в самом сложном и трудном за всю историю отечественной лексикографии проекте — академическом «Словаре русского языка», что, безусловно, не могло не пригодиться и при работе С. И. Ожегова над самым главным словарем русского языка XX века — «Словарем русского языка» Ожегова.

ЛИТЕРАТУРА

Круглов В. М. Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Русский язык в научном освещении. — 2015. — № 1(29). — С. 228–241.

Личное дело аспиранта Сергея Ивановича Ожегова // СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Ед. хр. № 193. 1927–1929. 23 л.

Никитин О. В. Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) // Русская речь. — 2000. — № 5. — С. 45–61.

Ожегов С. И. Автобиография С. И. Ожегова // Скворцов Л. И. С. И. Ожегов: пособие для учащихся. — М., 1982. — С. 109–111.

Ожегов С. И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 93–110.

Ожегов С. И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски) (1920-е гг.) / Сост., подг.

к печати, примечания О. В. Никитина // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — М., 2001. — С. 410–411.

Подлинные договоры с авторами 1936 года. I-ая часть // СПбФ АРАН. Ф. 18. Оп. 2. Ед. хр. № 662. 162 л.

Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. — 2020. — № 17. — С. 195–212. DOI: 10.17223/22274200/17/10.

Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». — СПб., 2018. — С. 7–17.

Университеты и научные учреждения / ред. коллегия: Р. И. Белкин, Г. И. Бройдо, Х. З. Габидуллин и др.; Наркомпрос РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. — М.; Л., 1935.

REFERENCES

Kruglov V. M. Towards the history of the academic «Dictionary of the Russian language» of the 1930s: description of archive documents from the big card catalogue of the institute for linguistic studies (Russian academy of sciences). *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory]. 2015, No. 1 (29), pp. 228–241. (In Rus.)

St. Petersburg branch of archive of Russian academy of sciences. Coll. 302, aids. 2, item. no. 193. 1927–1929. 231 p. (In Rus.)

Nikitin O. V. Sergey Ivanovich Ozhegov (1900–1964). *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 2000, No. 5, pp. 45–61. (In Rus.)

Ozhegov S. I. Autobiography of S. I. Ozhegov. In *Skvortsov L. I.* (ed.) *Ozhegov S. I.: A manual for students*. Moscow, 1982, pp. 109–111. (In Rus.)

Ozhegov S. I. On the popular speech (the urban speech variant). *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 93–110. (In Rus.)

Ozhegov S. I. Dictionary of the revolutionary era. Historical and Cultural Handbook (Preliminary Drafts) (1920). In *Nikitin O. V.* (comp., p. print.). Dictionary and culture of Russian speech. On the centenary of the birth of S. I. Ozhegov. Moscow, 2001, pp. 410–411. (In Rus.)

Original contracts with the authors of 1936. Part I. St. Petersburg branch of archive of Russian Academy of Sciences. Coll. 18, aids. 2, item. no. 662, 162 p. (In Rus.)

Priemysheva M. N., Stukova E. G. The Academic Dictionary of the Russian Language (1929–1937) edited by N. S. Derzhavin in the history of Russian explanatory lexicography. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2020, No. 17, pp. 195–212. DOI: 10.17223/22274200/17/10. (In Rus.)

Priemysheva M. N., Stukova E. G. At source of the dictionary of modern Russian literary language: from the history of explanatory academic lexicography in late 1930-s. In *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu vykhoda pervogo toma akademicheskogo «Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka»* [Collection of scientific articles on the materials of the International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the release the first volume of the academic «Dictionary of the modern Russian literary language»]. St. Petersburg, 3–5 October 2018, pp. 7–17. (In Rus.)

Universities and scientific institutions. Ed. collegium: Belkin R. I., Broido G. I., Gabidullin Kh. Z. Narkompros RSFSR. Ed. 2. Moscow; Leningrad, 1935. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Григорьевна Стукова, аспирант, лаборант, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук; Тучков переулок, д. 9, г. Санкт-Петербург, 199004, Россия

Ekaterina G. Stukova, Post-graduate Student, Laboratory Assistant, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science; 9 Tuchkov lane, Saint-Petersburg, 199004, Russia

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-92-99

Топонимическое наследие академика О. Н. Трубачёва (К 90-летию со дня рождения)

Андрей Васильевич Барандеев

*Московское городское отделение, Русское географическое общество, г. Москва, Россия,
e-mail: abarandeev@mail.ru*

В статье хронологически последовательно рассмотрены основные этапы научной деятельности академика О. Н. Трубачёва и проанализированы важнейшие труды из его обширного топонимического наследия. Охарактеризованы методы, использованные ученым для реконструкции древнейших пластов топонимической лексики разных регионов и установления надежных этимологий. Показано значение трудов О. Н. Трубачёва для развития теории и практики современной топонимики и популяризации топонимических знаний. Отмечены свойственные ученому особенности стиля научного изложения.

Ключевые слова: *топонимическое наследие; этимология; ономастика; топонимы; гидронимы; формантный метод; этимологический метод; картографический метод; популяризация топонимических знаний; деноминация географических объектов; топонимическая система; этногенез славян; прародина славян; индоарийский язык; перенесенные топонимы*

Ссылка для цитирования: Барандеев А. В. Топонимическое наследие академика О. Н. Трубачёва (К 90-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 92–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-92-99.

Toponymic Heritage of Academician O. N. Trubachev (To the 90th Anniversary of the Birth)

Andrey V. Barandeev

*Moscow City Branch, Russian Geographical society, Moscow, Russia,
e-mail: abarandeev@mail.ru*

The article considers the main stages of the scientific activity of academician O. N. Trubachev and analyses the most important works from his vast toponymic heritage. The methods used by the scholar to reconstruct the oldest layers of toponymic vocabulary from different regions and establish reliable etymologies are described. The significance of O. N. Trubachev's works for the development of the theory and practice of modern toponymy and the popularization of toponymic knowledge is shown. The peculiarities of the author's presentation style are noted.

Keywords: *toponymic heritage; etymology; onomastics; toponyms; hydronyms; formant method; etymological method; cartographic method; popularization of toponymic knowledge; denomination of geographical features; toponymic system; ethnogenesis of the Slavs; ancestral home of the Slavs; Indo-Aryan language; transferred toponyms*

A reference for citation: Barandeev A. V. Toponymic heritage of academician O. N. Trubachev (To the 90th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 92–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-92-99.

Олег Николаевич Трубачёв — гордость Отечественной и мировой славистики — родился в интеллигентной семье 23 октября 1930 г. в Сталинграде. Годы учебы в начальной школе № 5 (1937–1943) совпали с лихолетьем Великой Отечественной войны, и в 1943 г. семья эвакуировалась в Горький, а в 1944 г. переехала в Днепропетровск. Там в 1947 г. Олег Трубачёв закончил среднюю школу № 2 с серебряной медалью и поступил на филфак Днепропетровского университета, проявив редкий для студентов устойчивый интерес к этимологии,

поддержанный заведующим кафедрой русского языка Я. А. Спринчаком.

Этот интерес сформировался под влиянием богатого читательского опыта, накопленного в юные годы, и увлечения филателией и географией. Например, разрабатывая этимологию топонима *Швейцария*, О. Н. Трубачёв впоследствии вспоминал: «Это загадочное двойное название страны “Гельвеция-Швейцария” — одно из запомнившихся впечатлений моего отрочества, в пору увлечения филателией, когда я столкнулся с тем, что на швейцарских почтовых марках стоит неведомое мне имя *Helvetia*» [Трубачёв 2003б: 5]. Загадка юности получила убедительное объяснение ученого: «<...> в этом циркумальпийском регионе вскрываемое и.-е. диал. **selb(h)o* ‘свой, сам’ <...> играло свою определенную роль как средство самоидентификации — индивидуальной, групповой, родовой. Естественно предположить, что южногерманское (алеманнское) *Schwyz* / немецкое *Schweiz* явилось в свое время как бы адстратным подключением, дублированием, семантической калькой, в частности, кельтского *Helvetii*, тем более, что это семантически (‘свои люди, край своих людей’) вполне отвечало германскому узусу» [Там же: 8].

Другим постоянным увлечением будущего ученого стала географическая литература, рассказывающая о путешествиях и приключениях. Об этом О. Н. Трубачёв вспоминал так: «С детства полюбил географию, а по словам моего старого близкого коллеги <...>, если ребенок проявил интерес к географии, значит, полюбил филологию. Так я, видимо, пришел в филологию, а в этимологии <...> без фантазии и интуиции нечего делать (впрочем, это, кажется, можно сказать и о многих других науках)» [Трубачёв 2003а: 7]. Вдумчивое изучение обширной географической, исторической, археологической литературы на многих языках было свойственно Олегу Николаевичу в течение всей его жизни [Трубачёв 2000; Богатова 2003].

В 1952 г. О. Н. Трубачёв с отличием окончил Днепропетровский университет, поступил в заочную аспирантуру Института славяноведения АН СССР, а в 1953 г., переехав в Москву, стал полноправным аспирантом этого института, а затем и младшим научным сотрудником (1956–1961). В 1957 г. он

успешно защитил кандидатскую диссертацию «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя», вышедшую в свет отдельной книгой в 1959 г. В этой работе «<...> к языковому материалу — славянским терминам родства и свойства — был осуществлен подход как к историческому источнику, который способен раскрыть элементы общественного строя и жизни славян в том числе применительно к периоду, не обеспеченному письменными памятниками» [Добродомов 2003: 19].

В 1961 г. по приглашению академика В. В. Виноградова, директора Института русского языка АН СССР, Олег Николаевич создал и возглавил Сектор (с 1986 г. — Отдел) этимологии и ономастики, в котором он плодотворно трудился в течение сорока лет, создавая с коллегами многотомный «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». Словарь не имеет достойных аналогов в мировой славистике и к настоящему времени представлен в 41-м выпуске (М., 2018).

В начале 60-х гг. сфера научных интересов О. Н. Трубачёва значительно расширяется и охватывает проблемы этимологической интерпретации топонимов конкретного региона. В 1962 г. выходит в свет монография «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», написанная в соавторстве с В. Н. Топоровым. Исследование построено на основе критического анализа обширной литературы вопроса и памятников письменности, среди которых использована «гидронимическая» «Книга Большому Чертежу» (1627). Были установлены словообразовательные типы славянской гидронимии (классификация по формантам). Этимологический словарь, содержащийся в монографии, включает балтийские, славянские и прочие гидронимы [Топоров, Трубачёв 1962: 174–228], локализация которых представлена на 13 топонимических картах. Картографическая презентация топонимии как наглядное подтверждение достоверности результатов исследования станет постоянной в работах О. Н. Трубачёва.

В данной монографии, весьма важной для понимания древнего балтославянского этноязыкового взаимодействия, впервые детально проанализированы

гидронимы, среди которых установлено явное преобладание балтийских названий. В связи с этим обстоятельством авторами был сделан вывод о том, «что Верхнее Поднепровье вплоть до рубежа I–II тысячелетий н. э. было заселено в основном балтами, которых обтекала и ассимилировала древнерусская колонизация» [Гиндин 2003: 14]. Монография получила высокую оценку в многочисленных рецензиях и стала образцом использования в топонимике формантного, этимологического и картографического методов, например для установления надежной этимологии гидронимов *Ворскла* [Добродомов 1987: 114–118] и *Волга* [Барандеев 2019: 94].

Докторская диссертация О. Н. Трубачёва «Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции», успешно защищенная в 1965 г. и вышедшая в свет отдельной книгой в 1966 г., поразила научное сообщество необычной новизной выводов. В частности, было доказано, «что славянская ремесленная терминология обнаружила более тесные связи с германским и итальянским (латинским) языковым миром, а не с балтийским, как ожидалось бы на основе традиционной классификации индоевропейских языков, где постулируется особая близость славянских языков с балтийскими» [Добродомов 2003: 20].

Большим событием в отечественной лексикографии стало первое издание (1964–1973) четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» М. Р. Фасмера, перевод которого был осуществлен О. Н. Трубачёвым еще в 1959–1961 гг. с немецкого трехтомного оригинала «*Russisches etymologisches Wörterbuch*» (Heidelberg, 1950–1958). «Русский Фасмер» выдержал четыре издания, последнее — в 2004 г.

Многие словарные статьи, посвященные топонимам, как и словам нарицательной лексики, сопровождаются дополнениями и уточнениями, отражающими новую литературу вопроса и этимологические версии, отличающиеся от предложенных М. Р. Фасмером. Топонимические дополнения переводчика даны в уважительно-корректной форме и представлены в 68 (!) позициях: в словарных статьях, в дополнениях и исправлениях к томам II, III, IV

(издания 2-го)¹, в дополнениях и исправлениях к томам III, IV (издания 2-го)². Например, по поводу этимологии гидронима *Волга* замечено, что «сомнительна этимология Махека <...>: русск. *Волга*, чеш. *Vlha*, польск. *Wilga* — от названия птицы русск. *иволга*, чеш. *vlha*»³. Относительно происхождения оронима *Крым* переводчик указал на то, что «<...> полезно обратить внимание на старое мнение тюрколога: “<...> кырым в значении ‘ров’... не существует и не существовало»⁴. Словарная статья *Уфа* дополнена указанием: «Заслуживает обсуждения мысль А. К. Матвеева о связи названия *Уфа* (первоначально — название реки) с и.-е. *urā/*arā ‘вода, река’ (возможно, в иранской огласовке, ср. р > f)⁵ и мн. др.

Богатый опыт, накопленный в процессе этимологизации нарицательной лексики, позволил О. Н. Трубачёву реконструировать происхождение не сохранившегося в русском языке слова *обиток с учетом специфики взаимодействия имен нарицательных и собственных. Удачный анализ данных топонимии был реализован в убедительном выводе: «О существовании этого несохранившегося слова типа *обиход*, образованного от *теку́*, *течь*, в вост.-слав. языках свидетельствуют топонимы: *Обиточная коса*, на сев.-зап. Азовского моря, и река *Обыточка* (запись, видимо, отразившая укр. произношение), прав. приток Псла, в бассейне Днепра <...>»⁶.

Опубликованная в 1968 г. монография «Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация», отражая развитие методов, использованных в монографии 1962 г., является тем не менее оригинальным исследованием. В нем

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд. — М., 1987. — Т. 3. — С. 828–831.

² Фасмер М. Указ. соч. — М., 1987. — Т. 4. — С. 853–861.

³ Фасмер М. Указ. соч. — М., 1986. — Т. 1. — С. 337.

⁴ Фасмер М. Указ. соч. — М., 1987. — Т. 3. — С. 831.

⁵ Фасмер М. Указ. соч. — М., 1987. — Т. 4. — С. 859.

⁶ Фасмер М. Указ. соч. — М., 1987. — Т. 3. — С. 101.

представлен анализ гидронимии к югу от Припяти и Десны, свидетельствующий о следах древнего населения этого региона (иранцы, тюрки, иллирийцы, фракийцы, балты, славяне). Начинается монография с новаторского «Обратного словаря гидронимов», за которым следует основной раздел — «Словообразовательный комментарий к обратному словарю гидронимов». Завершает книгу раздел «Итоги этнолингвистической интерпретации гидронимов». Издание снабжено 19 картами, а на сводной 18-й карте представлена этнолингвистическая стратиграфия к югу от Припяти и Десны от скифской эпохи до начала II тыс. н. э. [Трубачёв 1968: 287].

Олег Николаевич обладал удивительной способностью популяризации топонимических знаний. Самые сложные этимологии становились вполне понятными для широких кругов читателей благодаря доступной форме изложения, как, например, убедительная этимология топонимов *Русь*, *Россия* [Трубачёв 1987: 131–134; Трубачёв 1994: 67–70].

Весьма настороженно Олег Николаевич оценивал деноминации географических объектов, сознавая, что неудачные переименования нарушают сложившуюся топонимическую систему и создают значительные неудобства в жизни социума. Свое отношение к переименованиям родного города он выразил так: «И по сей день имя города несет на себе печать острого дефицита культуры и правильных знаний, хотя вокруг так много делается и говорится о гласности, реабилитации, возвращении культурных ценностей и имен. Ведь **если бы не** эта простодушная вера всех — от власти имущих до рядовых горожан, в то, что *Царицын* — от “царицы”, от “царей”, то Сталинград еще тогда, при Хрущеве, в начале 60-х годов, был бы безболезненно переименован обратно в древний “Желто-град” и не понадобилось бы придумывать в общем искусственный топоним: *Волго-град* (ведь на Волге все города — “волго-грады”...)» [Трубачёв 1992: 76]⁷.

Значительным событием в развитии отечественной ономастики стало издание

словаря «Русская ономастика и ономастика России» (1994) под редакцией и с предисловием О. Н. Трубачёва. Словарь был задуман как часть серийного издания материалов оригинального академического проекта «Русская энциклопедия», который, к сожалению, не был реализован. Тем не менее, пробные словарные статьи, написанные авторитетными топонимистами и содержащие обширную информацию, вызвали значительный интерес специалистов и широкого читателя. См., например, словарные статьи *Арзамас* (Л. А. Климова), *Барнаул* (И. А. Воробьева), *Камаринская волость* (В. К. Галахов), *Крым* (Э. М. Мурзаев), *Санкт-Петербург* (Е. М. Поспелов), *Северский Донец* (Е. С. Отин), *Топонимия Радонежской земли* (С. З. Чернов), *Угличское поле* (Н. Д. Русинов)⁸.

Я близко познакомился с Олегом Николаевичем тридцать лет назад, в конце сентября 1990 г., когда мы вместе по воле счастливого для меня случая поехали в Смоленск на совещание по исторической лексикологии русского языка⁹. Незапланированное выступление О. Н. Трубачёва на открытии совещания вызвало всеобщий интерес, так как содержало глубокий и детальный анализ состояния отечественной исторической лексикологии и намечало перспективы ее развития. Мы беседовали о топонимическом содержании «Книги Большому Чертежу» и других памятников письменности русского языка, о критериях определения понятия **географический термин** применительно к древнерусской эпохе и о многом другом. В этих живых беседах я был поражен широчайшим лингвистическим кругозором Олега Николаевича, который уверенно и гениально просто отвечал на мои вопросы, развеивал сомнения относительно реакции некоторых участников конференции на содержание моего доклада.

В 1991 г. вышло в свет первое издание монографии «Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования». В этой работе словарный

⁸ Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1994.

⁹ Программа республиканского координационного совещания по исторической лексикологии русского языка и русской исторической лексикографии. 25–28 сентября 1990 г. — Смоленск, 1990.

⁷ Подробнее об истории топонима см.: Барандеев А. В. Краткий этимологический топонимический словарь: избранные топонимы. — 2-е изд. — М., 2018. — С. 166–171.

состав славянских языков был подвергнут сплошному тщательному этимологизированию, в том числе топонимическая лексика, например гидронимы *Talamone* (Италия), *Tolmin* (Словения) — *Телемень / Товмень* (Украина); *Верхний Дунай — Средний Дунай — Нижний Дунай*; *Калитва, Меча, Непрядва, Обиток, Плоты*; и мн. др. [Трубачёв 2003в: 36, 288–289, 368]. Полемизируя с оппонентами, автор указал на необходимость учета законов, действующих в топонимике, чтобы избежать возможных ошибок в этимологической интерпретации топонимов [Там же: 18]. Критически пересмотрев устоявшиеся теории формирования языка и культуры древнейших славян, О. Н. Трубачёв сделал вывод о центральноевропейской (дунайской) прародине славян: «**Для меня искомая дунайская прародина — это не “вторая прародина” славян, а изначальная славянская родина**» [Там же: 372]. Издание снабжено 11 картами.

Итогом пятнадцатилетних разысканий в области древней этноязыковой истории Северного Причерноморья стала опубликованная в 1999 г. монография «Indoarica в Северном Причерноморье». Она построена на основе всестороннего изучения обширнейшей отечественной и зарубежной литературы вопроса, ее список насчитывает 609 (!) позиций [Трубачёв 1999: 303–319].

В этом капитальном исследовании наряду с именами нарицательными тщательно этимологизирована топонимическая лексика. Например, в структуре загадочно-го гидронима *Temarunda* ‘Азовское море’ О. Н. Трубачёв реконструировал морфемы **tem-* ‘темный, черный’ и **arun-* ‘море’ и доказал, что этот описательный гидроним трактуется как «сложение, целая именная фраза **tem-arun-dā* ‘кормилица Черного моря’ (*mater maris*). Последний компонент восходит к и.е. **dhē-* ‘кормить (грудью)’, решающим же для этнолингвистической атрибуции всей конструкции является то, как названо Черное море. Скифы называли Черное море **axsaina-zraya-*, фракийцы скорее всего — **kirs-mar-*, хетты, возможно, — просто *aruna-* ‘море’ (‘черный, темный’ по-хеттски — *dankui-*). Обозначение Черного моря с помощью словосложения **tem-arun-* могло принадлежать только индоарийцам, ср. др.-инд. *tāmas* ср. р. ‘темнота, мрак’, *āma-* ‘пучина’ <...>» [Там же: 31].

Для понимания специфики древней номинации больших водных пространств заслуживает внимания указание О. Н. Трубачёва на то, что «само Азовское море в древности морем не называлось, но <...> в его названии содержалось указание на единственное море — Черное море. Эта ономасиологическая модель была, надо полагать, весьма устойчивой, как и в случае с Черным морем, с тем отличием, что, если последнее устойчиво именовалось на различных языках ‘темное, черное море’, то Меотиды, Меотийское озеро, Азовское море обозначалось как ‘мать моря’, ‘кормилица моря’» [Там же: 10].

Весьма интересны и другие новаторские топонимические этимологии, отражающие формирование топонимов на базе географических терминов. Например, «**jalman-*: *Джалман*, река в Крыму. Ср. др.-инд. *jalam*, **jalman-* ‘вода’; **krka-* ‘горло’: Оўкроўх, черном. устье Кубани (Конст. Багр.), др.-русс. *Кърчевъ*. Ср. др.-инд. *kṛika-* ‘горло’; **sal-ōsta* ‘устье гор’; **salā-*: *Salusta*, *Алушта*. Ср. **salā* ‘сток’? ‘склон’? и др.-инд. *ōṣṭha-* ‘уста’»; и мн. др. [Там же: 49, 51].

На основании комплекса реконструированных форм Олегом Николаевичем был открыт еще один древний утраченный индоевропейский язык — индоарийский, условно названный им синдромеотским. Итоги изучения топонимии Северного Причерноморья, включающей элементы из индийских языков как свидетельство пребывания в этом регионе предков современных индийцев, сформулированы в трех заключительных разделах монографии. Они представляют собой этимологический словарь (составлен в соавторстве с А. К. Шапошниковым), семантический и предметный индексы. Содержащиеся в них новые топонимические этимологии вполне доступны для восприятия [Там же: 220–302]. Картографическая локализация топонимов показана на двух картах.

Эту книгу, подаренную мне автором в июне 1999 г., я бережно храню в своей библиотеке.

Олег Николаевич всегда был в курсе новейших достижений в области истории, этнографии, археологии, географии, которые он учитывал в своих разысканиях. Разработанная им методика этимологического анализа топонимии сложных в этноязыковом отношении регионов воплощена

в работах одного из его учеников [Шапошников 2003: 199–221; Шапошников 2007: 255–322; Шапошников 2018: 487–641 и др.]. Размышления над проблемой так называемых перенесенных топонимов [Трубачёв 1968: 167–168; Трубачёв 2000: 8] продолжают оставаться актуальными для новых поколений топонимистов [Герцен 2018: 27–73].

Уже при жизни О. Н. Трубачёв стал ученым, получившим мировое признание. Один из его коллег справедливо заметил: «В лице Олега Николаевича сочетались ипостаси блестящего этимолога широчайшего кругозора и редкой глубины и историка раннеславянского периода <...>. Скрупулезное исследование гидронимии, оронимии, топонимии, племенных названий, данных, относящихся к заимствованиям, материальной и духовной культуры древних славян, их связей с соседями по данному языку <...> – вот, вкратце, тот широчайший охват материала, проблем, задач, который характеризовал возможности и способности <...> ученого» [Топоров 2003: 5].

Стиль научного изложения, свойственный О. Н. Трубачёву, отличается классическим академизмом, отточенностью и мудрой убедительностью формулировок, корректным терминопотреблением и афористичностью – качествами, которые, к сожалению, исчезают в современных топонимических исследованиях. Некоторые авторы кандидатских и даже докторских диссертаций некорректно оперируют терминами *топонимика* и *топонимия*, смешивая их в употреблении и тем самым разрушая логику-понятийное содержание (*городская топонимика, региональная топонимика, топонимика морей* и т. п.). К сожалению, в некоторых словарях-справочниках такое употребление трактуется как нормативное¹⁰.

Имеют место случаи «новаторского» изобретения ложноориентирующих терминов типа *географическая ономастика*. Широкое распространение в топонимических исследованиях получили тавтологические обозначения типа *топонимические названия, ойконимические наименования*, а также обозначения, образованные

с нарушением законов терминообразования: *урбонимия* вместо *урбанонимия*, *оттопонимические прилагательные* вместо *оттопонимные*, *оттопонимические названия жителей* вместо *оттопонимные*. Между тем в словаре ономастической терминологии указана единственно правильная форма – *оттопонимный*, хотя и с неверным ударением¹¹. Такие ошибки активно проникают в учебную и научную практику, о чем свидетельствуют исследовательские работы школьников, студентов и аспирантов.

Обратившись к наследию академика О. Н. Трубачёва, современный исследователь найдет в нем истинное понимание сущности научного труда и его нравственной основы. Например, оценивая важность и надежность фактов, собранных для изучения, Олег Николаевич заметил следующее: «<...> Факты цементируют науку, в то время как теории изменчивы, они развиваются и по спирали, и по кругу. Теорию можно сдать в архив, признать, что полностью устарела, но нельзя сдавать в архив факты» [Трубачёв 1993а: 7–8]. Бесспорно его мнение, справедливое и в отношении методов, применяемых в топонимических исследованиях: «<...> Ни один из исследовательских методов или теорий не может претендовать на главную роль по той простой причине, что неисчерпаемое богатство языка превосходит возможности одного метода, и это давно пора понять приверженцам одной теории» [Трубачёв 1993б: 7].

Настоящий ученый, по мнению О. Н. Трубачёва, должен быть трудолюбивым и скромным, поскольку «самореклама и конъюнктурное проворство не свидетельствуют о большом уме и не могут ввести в заблуждение людей понимающих» [Трубачёв 1993а: 11]. Эти высказывания крайне актуальны не только для науки о географических названиях, но и для науки вообще в ее современном состоянии. Весьма показательно, например, что в третьем издании энциклопедии «Русский язык» отсутствует словарная статья *Топонимика*, значит, такой науки как бы не существует, а есть только *Топонимия*?¹².

¹¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М., 1988. – С. 102.

¹² Русский язык: Энциклопедия. – 3-е изд. – М., 2020. – С. 784–786.

¹⁰ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. – М., 2008. – Т. 1. – С. 217–218.

Олег Николаевич был «в друзьях особенно счастлив». В широкий круг его научного общения входили интеллектуально одаренные зарубежные и отечественные лингвисты, например, Л. Мошинский, М. Р. Фасмер, Й. Шютц, Л. А. Гиндин, И. Г. Добродомов, В. Н. Топоров, Н. И. Толстой и топонимисты В. А. Никонов, Э. М. Мурзаев, Г. П. Смолицкая и др. Не случайно на фотографии, сделанной в рабочем кабинете О. Н. Трубачёва, на книжной полке мы видим «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова.

Топонимическое наследие академика О. Н. Трубачёва, основателя Московской этимологической школы, — классический образец самоотверженного служения науке. Это богатое наследие на долгие годы определило актуальные направления развития отечественной и мировой топонимики, стало надежной основой для новых исследований и создания произведений топонимической лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

Барандеев А. В. Этимологии «необычных» топонимов // Русский язык в школе. — 2019. — № 2. — С. 92–96. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-92-96.

Богатова Г. А. Библиотека в жизни О. Н. Трубачёва // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1. — С. 15–17.

Герцен А. А. Историко-географический контекст перенесенных топонимов // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. — М., 2018. — С. 27–73.

Гиндин Л. А. Олег Николаевич Трубачёв: К 60-летию со дня рождения // Олег Николаевич Трубачёв: науч. деятельность: хронолог. указ. — М., 2003. — С. 9–18.

Добродомов И. Г. Ворскла // Русская речь. — 1987. — № 2. — С. 114–118.

Добродомов И. Г. Олег Николаевич Трубачёв // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1. — С. 18–29.

Олег Николаевич Трубачёв // Отечественные лексикографы XX в. Материалы для хрестоматии. — Вып. 3. — М., 1999.

Топоров В. Н. Памяти Олега Николаевича Трубачёва // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1. — С. 5.

Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962.

Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. — М., 1999.

Трубачёв О. Н. Беседы о методологии научного труда («Трактат о хорошей работе») // Русская словесность. — 1993. — № 1. — С. 3–12 [Трубачёв 1993а].

Трубачёв О. Н. В поисках единства. — М., 1992.

Трубачёв О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 4–27.

Трубачёв О. Н. К этимологии названия Швейцарии (*Helvetii, Helvetia ~ Schwyz, Schweiz*) // Этимология, 2000–2002. — М., 2003. — С. 5–8 [Трубачёв 2003б].

Трубачёв О. Н. Книга в моей жизни // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1. — С. 6–14 [Трубачёв 2003а].

Трубачёв О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968.

Трубачёв О. Н. Образовательный ученый // Русская словесность. — 1993. — № 2. — С. 3–13 [Трубачёв 1993б].

Трубачёв О. Н. Русь, Россия // Русская речь. — 1987. — № 3. — С. 131–134.

Трубачёв О. Н. Русь, Россия. Очерк этимологии названия // Русская словесность. — 1994. — № 3. — С. 67–70.

Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М., 1991 (2-е изд. — М., 2003; отдельное изд. — М., 2017) [Трубачёв 2003в].

Шапошников А. К. Историческая топонимия и народная географическая терминология Славяносербии XVIII–XX вв. // Лексический атлас русских народных говоров. Мат-лы и исслед. — СПб., 2018. — С. 487–641.

Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология, 2003–2005. — М., 2007. — С. 255–322.

Шапошников А. К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология, 2000–2002. — М., 2003. — С. 199–221.

REFERENCES

Barandeev A. V. Etymology of «Unusual» toponyms. In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2019, Vol. 80, No. 2, pp. 92–96. (In Rus.). DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-2-92-96.

Bogatova G. A. Library in the life of Trubachev O. N. In *Voprosy jazykoznanija [Topics in the study of language]*. 2003, No. 1, pp. 15–17. (In Rus.)

Gertsen A. A. Historical and geographical context of transferred toponyms. In *Voprosy geografii. Sb. 146. Aktualnye problemy toponimiki [Problems of Geography. 146. Topical Issues in Toponomastics]*. Moscow, 2018, pp. 27–73. (In Rus.)

Gindin L. A. Oleg Nikolaevich Trubachev: On the occasion of his 60th birthday. In *Oleg Nikolaevich Trubachev: nauch. deyatel'nost': khronolog ukaz* [Oleg Nikolaevich Trubachev: scientific activity: chronologist decree]. Moscow, 2003, pp. 9–18. (In Rus.)

Dobrodomov I. G. Vorskla. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1987, No. 2, pp. 114–118. (In Rus.)

Dobrodomov I. G. Oleg Nikolaevich Trubachev. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2003, No. 1, pp. 18–29. (In Rus.)

Oleg Nikolaevich Trubachev. Domestic lexicographers of the XX century. Materials for a reader. Moscow, 1999, Vol. 3. (In Rus.)

Toporov V. N. In memory of Oleg Nikolaevich Trubachev. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2003, No. 1, pp. 5. (In Rus.)

Toporov V. N., Trubachev O. N. Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper. Moscow, 1962. (In Rus.)

Trubachev O. N. Indoarica in the Northern Black Sea Region. Moscow, 1999. (In Rus.)

Trubachev O. N. Conversations on the Methodology of Scientific Work («A Treatise on Good Work»). In *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]. 1993, No. 1, pp. 3–12. (In Rus.)

Trubachev O. N. In Search of Unity. Moscow, 1992. (In Rus.)

Trubachev O. N. From the history and linguistic geography of East Slavonic spread. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2000, No. 5, pp. 4–27. (In Rus.)

Trubachev O. N. To the etymology of the name of Switzerland (Helvetii, Helvetia ~ Schwyz, Schweiz).

In *Etimologiya* [Etymology]. 2003, No. 2000–2002, pp. 5–8. (In Rus.)

Trubachev O. N. Book in my life. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2003, No. 1, pp. 6–14. (In Rus.)

Trubachev O. N. Names of rivers of the Right-Bank Ukraine. Word formation. Etymology. Ethnic interpretation. Moscow, 1968. (In Rus.)

Trubachev O. N. Educated scientist. In *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]. 1993, no. 2, pp. 3–13. (In Rus.)

Trubachev O. N. Rus, Russia. In *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1987, No. 3, pp. 131–134. (In Rus.)

Trubachev O. N. Rus, Russia. Essay on the etymology of the name. In *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]. 1994, No. 3, pp. 67–70. (In Rus.)

Trubachev O. N. Ethnogenesis and culture of the ancient slavs. Linguistic research. Moscow, 2003. Issue 2. (In Rus.)

Shaposhnikov A. K. Historical toponymy and popular geographic terminology of Slavic Serbia of the 18th – 20th centuries. In *Leksicheski atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research]. Saint-Petersburg. 2018, pp. 487–641. (In Rus.)

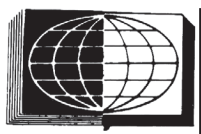
Shaposhnikov A. K. Sarmatian and Turanian language relics of the Northern Black Sea region. In *Etimologiya* [Etymology]. 2007, No. 2003–2005, pp. 255–322. (In Rus.)

Shaposhnikov A. K. Three areas of Aryan language relics in Eastern Europe. In *Etimologiya* [Etymology]. 2003, No. 2000–2002, pp. 199–221. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей Васильевич Барандеев, кандидат филологических наук, председатель Топонимической комиссии, Московское городское отделение, Русское географическое общество; Новая площадь, д. 10, стр. 2, г. Москва, 109012, Россия

Andrey V. Barandeev, Cand. of Sci. (Philol.), Chairman of the Toponymic Commission, Moscow City Branch, Russian Geographical society; 10, bldg. 2, New Square, Moscow, 109012, Russia

ХРОНИКА

III Григорьевские чтения

12–14 марта 2020 г. в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН состоялись III Григорьевские чтения. Они были организованы при участии Научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института языкознания РАН и Московского педагогического государственного университета. Сквозная тема III Григорьевских чтений – «Текст – идиолект – идиостиль». Это мероприятие было приурочено к 95-летию со дня рождения профессора В. П. Григорьева (1925–2007) – крупного специалиста в области лингвистической поэтики, стилистики и языка художественной литературы, открытого, яркого, оригинального исследователя, сформировавшего целое направление научной деятельности в области поэтической лексикографии и словотворчества. В Оргкомитет конференции вошли ведущие специалисты в области филологической поэтики и текстологи-корпусники: Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова, В. А. Плунгян, З. Ю. Петрова, О. И. Северская, Н. А. Николина и др. На прошедших чтениях обсуждались вопросы: связь идиолекта и языковой личности; функциональный стиль как основа формирования идиолекта; параметры выделения идиостиля; текстологические, лексико-семантические, грамматические, фонетико-графические аспекты идиостиля; авторская лексикография; корпусные и статистические исследования языка художественных произведений; актуальные проблемы стиховедения.

Чтения показали большой интерес отечественных и зарубежных исследователей к обозначенным проблемам и собрали представителей разных школ, направлений и стран: от Германии и Польши до Армении и США. В течение трех дней участники заслушивали и обсуждали пленарные доклады (В. В. Фещенко, С. Е. Бирюков, С. Т. Золян, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, А. Я. Шайкевич, И. А. Тарасова, Н. И. Клушина, Л. О. Чернейко и др.) и выступления на секционных заседаниях. Особое внимание было уделено дискуссиям вокруг изучения индивидуальных стилей писателей и поэтов XIX–XX в. (Н. Г. Бабенко, М. В. Ляпон, Т. А. Гридина, О. Е. Фролова, Н. В. Перцов, Е. В. Урысон, Н. А. Николина, Т. Б. Радбиль, А. М. Ранчин, Д. А. Романов, Н. В. Халикова, Ю. В. Явинская и др.). Живой интерес вызвали доклады, посвященные идиостилистике в лексикографии (Л. Л. Шестакова, С. С. Волков, Е. М. Матвеев, А. А. Лебедев, Н. В. Патроева и др.). Две секции сконцентрировали внимание слушателей на вопросах изучения идиостилей В. Хлебникова и В. Маяковского, а также Ф. Достоевского на фоне его современников. Во время чтений прошло заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

О. В. Никитин,
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет,
г. Москва

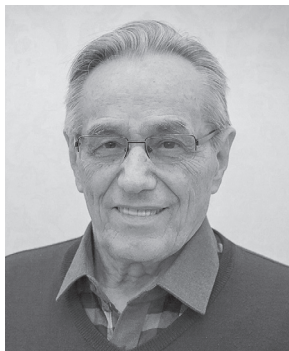
«Служение на ниве русской филологии есть самая патриотическая миссия» (К юбилею профессора Гурия Васильевича Судакова)

Доктор филологических наук, профессор Гурий Васильевич Судаков — известный русский филолог-исследователь.

Г. В. Судаков родился 13 августа 1940 г. в деревне Куракино Кадуйского района Вологодской области в семье учителя. В 1962 г. окончил Вологодский государственный педагогический институт, получив специальность учителя русского языка, литературы и истории. Примечательно, что одна из первых работ Г. В. Судакова — исторический очерк о герое войны М. Цукановой — была опубликована в 1963 г. в государственном издательстве политической литературы (сборник «Героини войны», г. Москва).

В 1964 г. Г. В. Судаков вернулся в родной институт в качестве ассистента, в 1971 г. окончил аспирантуру в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1972–2020 гг. — доцент кафедры русского языка, декан факультета русского языка и литературы, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой русского языка Вологодского пединститута, доктор филологических наук (с 1986 г.), профессор (с 1987 г.), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (с 2008 г.). За годы работы Г. В. Судаков подготовил более трех тысяч высококвалифицированных учителей русского языка и литературы.

Делом и жизнью профессора Г. В. Судакова стало «живое русское слово». Круг научных интересов ученого, помимо базовых дисциплин — истории и диалектологии русского языка, составляют историческая лексикология, лингвокультурология, литературоведение, теория и методика преподавания. В центре внимания Г. В. Суда-

кова — формирование старорусского языка, становление общерусской лексической сокровищницы, анализ языковой ситуации в XIV–XIX вв. Им разработаны концепция исторической лексикологии русского языка и оригинальная периодизация истории русского слова, осуществлена реконструкция древнерусско-

го бытового лексикона в семантической, пространственной, функционально-стилистической проекциях, предложена новая схема лингвистического ландшафта для эпохи русского средневековья, проведена географическая дифференциация лексики. Ученым был опубликован ряд уникальных памятников русской словесности XVI–XVIII вв.

Г. В. Судаков — автор «Хрестоматии по истории вологодских говоров» (1975), книг «География старорусского языка» (1988), «Были о словах и вещах» (1989), «Живое русское слово» (2002), «О нашем, о русском. Мир русского человека в зеркале русского языка» (2006), «Когда появились фартуки. О многовековой истории русских слов и выражений» (2009), «История русского слова» (2015), «Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)» (2017), «Русское слово в динамическом и функциональном аспектах: монография» (2020); один из авторов «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»; один из авторов-разработчиков научно-издательского проекта «Памятники русской агиографической литературы» в сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом и др. Основные концепции профессора Г. В. Судакова об

историческом функционировании старорусского слова могут быть продуктивно продолжены не только в филологии и истории, но и в культурологии и искусствознании. Всего ученым опубликовано более 300 научных работ.

Г. В. Судаков стоял у истоков создания аспирантуры при кафедре по направлениям «Русский язык», «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)» и организации в 1993 г. специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по филологическим наукам (10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык). С 2005 г. является бессменным председателем диссертационного совета, в котором с 2015 г. к рассмотрению принимаются диссертации на соискание не только ученой степени кандидата наук, но и ученой степени доктора наук.

Под руководством Г. В. Судакова подготовлены и успешно защищены 12 кандидатских диссертаций. Ученики и последователи продолжают активно развивать идеи своего учителя о русском слове как «произведении русской словесности».

Значителен вклад Г. В. Судакова в изучение истории, культуры и говоров родного края. Ученый-исследователь выступил как автор статей в альманахах «Старинные города Вологодской области». Подготовлены и изданы книги «Выдающиеся воложане», «Вологодская энциклопедия», в которых он является главным редактором и одним из авторов.

Длительное время Г. В. Судаков возглавляет большой издательский проект «Живое русское слово» в помощь школе, является заместителем председателя областного научно-методического совета по русскому

языку. В период работы в качестве председателя Законодательного Собрания Вологодской области, члена Совета Федерации РФ и полномочного представителя Президента РФ в Вологодской области (1989–1996) активно содействовал реформированию высшей школы.

В 2018 г. Г. В. Судаков выступил с инициативой введения в образовательных учреждениях Вологодской области единого речевого режима, идея была поддержана областным съездом учителей русского языка и литературы.

Г. В. Судаков награжден орденом «Знак Почета», медалями «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина», «К 100-летию М. А. Шолохова»; значками «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе» в области высшего образования СССР; поощрен Благодарностью Президента Российской Федерации. Имеет почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ».

В 2014 г. за выдающиеся достижения в области высшего профессионального образования и науки, значительный вклад в дело развития, защиты и поддержки русского языка, активное участие в общественной жизни города Вологды Г. В. Судакову присвоено звание Почетного гражданина города Вологды.

Коллеги и ученики поздравляют Г. В. Судакова с 80-летием и желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Вологодский государственный
университет

Памяти Галины Александровны Золотовой (1924–2020)

2 июля 2020 г. ушла из жизни Галина Александровна Золотова, ученый с мировым именем, необычайно талантливый исследователь, отдавший жизнь служению науке, гармонично сочетавший лучшие традиции русистики со смелым новаторством, создавший собственную грамматическую теорию, в которой соединились языковая система, культура и текст. Галина Александровна была человек сильной воли, высокого духа и яркой мысли.

Галина Александровна Золотова (Ремейко) родилась 4 августа 1924 г. в Житомире. В 1937 г. ее родители были репрессированы. Оставшихся без родителей детей забрала бабушка и увезла из Москвы в Ростов-на-Дону. Там уже во время Великой Отечественной войны, в 1942 г., Г. А. Золотова с отличием окончила школу № 23 и была принята на историко-филологический факультет Ростовского университета. Летом 1942 г. была эвакуирована в Ташкент, где работала токарем на военном заводе № 702. В сентябре 1945 г. Г. А. Золотова начала учиться на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Уже на младших курсах Г. А. Золотова увлеклась наукой, слушала лекции академика В. В. Виноградова и была постоянной участницей его научных семинаров. Под руководством В. В. Виноградова написала дипломную работу, которая была рекомендована научным руководителем к публикации в Трудах Института языкознания АН СССР. В 1950 г. Г. А. Золотова поступила в аспирантуру Института языкознания АН СССР и окончила ее в 1953 г., затем в 1954 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Глагольные словосочетания и их

типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А. М. Горького)», написанную под руководством В. В. Виноградова.

В 1961 г. Г. А. Золотова начала работать младшим научным сотрудником Института русского языка АН СССР (с ноября 1991 г. — ИРЯ РАН). За 42 года в Институте она прошла путь от младшего до главно-

го научного сотрудника, защитила докторскую диссертацию «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1971), получила звание профессора. В 2002 г. за плодотворную научную деятельность Указом Президента РФ Г. А. Золотовой присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Истинная оценка научного вклада Г. А. Золотовой в русистику и мировую лингвистику еще впереди, но уже сейчас очевиден масштаб личности и ценность ее научной теории. Бережно, но критически относясь к идеям предшественников, Г. А. Золотова создала новаторскую концепцию функционально-коммуникативной грамматики, в которой семантика является обязательной составляющей языковой единицы и неотделима от формы и функции, грамматика понимается как механизм порождения смыслов, а не как набор форм.

К целостной лингвистической концепции Г. А. Золотова шла поэтапно. В книге «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1973) было предложено функциональное описание русской синтаксической системы, сформулирован основополагающий принцип функциональной лингвистики — принцип единства синтаксиса и семантики.

Логическим продолжением «Очерка» стал «Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)» (1988). В период всеобщего увлечения вербоцентризмом и теорией валентности Г. А. Золотова, создав «Синтаксический словарь», доказала правомерность и перспективность иного подхода к русскому синтаксису — от субстантивных синтаксем к словосочетанию, моделям предложения, к семантическим типам глаголов.

Важным теоретическим достижением функционального синтаксиса Г. А. Золотовой было обоснование принципиальной двусоставности модели предложения и утверждение возможности косвенного падежа подлежащего, равенства именных и глагольных компонентов в структуре предложения. Переход от функционального синтаксиса к коммуникативной грамматике был начат книгой «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (1982), где обсуждается понятие коммуникативного типа речи (регистра речи). Это понятие стало важнейшим в последующих трудах ученого, поскольку оно связывает грамматическую систему, говорящего и текст.

Концепция функционально-коммуникативной грамматики как целостная теория оформилась уже в начале 90-х гг. XX в., но лишь в 1998 г. вышла в свет в виде коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка». Представленная в книге теория расширила границы грамматики и показала взаимонаправленность грамматической системы и текста. В «Коммуникативной грамматике», помимо теоретических обобщений, предлагается анализ художественных текстов, свидетельствующий об удивительной языковой интуиции Г. А. Золотовой, о ее высокой книжной культуре и любви к русскому слову. В 2003 г. за книгу «Коммуникативная грамматика русского языка» Г. А. Золотова и ее соавторы были удостоены Шахматовской премии.

Лингвистические идеи Г. А. Золотовой получили мировое признание. Она была избрана почетным членом научных обществ Чехии, Болгарии и Франции, читала лекции по приглашению 40 зарубежных университетов, в 2000 г. Стокгольмский университет присвоил ей звание Почетного доктора (*honoris causa*).

Г. А. Золотова совмещала исследовательскую деятельность с преподаванием. После окончания филологического факультета МГУ работала учителем русского языка и литературы в средней школе № 587 в Хилковом переулке (в настоящее время Лингвистический лицей № 1555). С ноября 1953 г. по июнь 1961 г. преподавала на кафедре русского языка Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, с 1973 г. в течение 35 лет была преподавателем (позже — профессором) кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Объяснительные возможности теории и обаяние личности Г. А. Золотовой привлекали к ней молодых исследователей. Под ее руководством были написаны и защищены 22 кандидатские диссертации и три докторские. Г. А. Золотова собрала и воспитала учеников-единомышленников, создала научную школу коммуникативной грамматики. Галина Александровна была удивительно мудрым учителем: уважала в ученике самостоятельность мышления, ценила исследовательские способности и была готова принять критические суждения. Все, кому посчастливилось учиться у Галины Александровны, помнят красоту и ясность ее мысли, тонкость наблюдений и точность слова.

Светлая память и низкий поклон Галине Александровне...

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

2020. — Т. 20. — № 5

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

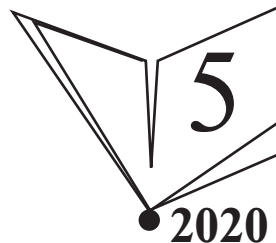
в школе и дома

сентябрь
октябрь

Издатель – ООО «Наш язык»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2541–8793

12 +

Исторические справки	3	
	7	За строкой текста
Слова текут — вода живая	12	
	15	У нас на уроке
Рабочая тетрадь	20	
	23	Кроссворд
Ответы	24	

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Из истории лингвистических терминов: названия падежей

(Продолжение)

Именительный падеж

В старейшей славянской грамматике – переводе труда византийского богослова Иоанна Дамаскина на старославянский язык «**О осмихъ частехъ слова**» («О восьми частях речи»), многими исследователями приписываемого Иоанну – экзарху Болгарскому, название первого из пяти падежей (они выделены в соответствии с греческим языком) – ὀρθή πτῶσις переводится как **права**, т. е. прилагательное употреблено в женском роде, как это свойственно греческому определению ὀρθή 'прямой; правильный' (точнее 'прямая; правильная') греч. существительного женского рода πτῶσις, тогда как форма, выражающая отношение склоняемого имени к другим словам словосочетания, переведена существительным среднего рода **падѣннѣ**; в другом списке, более позднем, встречается и **падѣжь** (в мужском роде). В старославянском и древнерусском **правый** тоже значит 'прямой; правильный', этот падеж рассматривался и как основная форма имени, в отличие от других падежей парадигмы, «отклоняющихся», «отпадающих» от него.

В Грамматике Доната греческие термины переведены на латинский язык, приспособлены к другой – родственной по происхождению – грамматической системе. Толмач Дмитрий Герасимов при переводе на славянский язык лат. *casus* (от *cado* 'падаю') – кальки греч. πτῶσις – также передаёт термином *падение*, которое рассматривается как отклонение от первоначальной формы с помощью окончания, соответственно первый из шести падежей – *правое* (по грамматике Дамаскина), или *именовательное, падение*. *Именовательное падение* Дм. Герасимова калькирует лат. *casus nominativus*, переведённое с греч. ὀνομαστικῇ πτῶσις (*nominativus* от *nomino* 'называю, именую'), так как и в греческих грамматиках, и следовавших за ними латинских, а также и других грамматиках родственных языков основной функцией этого падежа была номинация, т. е. название, на что и указывает греч. ὀνομαστικῇ (ср. глагол ὀνομαζω 'называю, именую').

В «Адельфотисе» – первопечатной «Грамматике доброглаголиваго еллинославенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова», переведённой с греческого языка учениками братской школы во Львове, воспроизводится пятикомпонентная падежная система грамматики И. Дамаскина и воспринявших её традиции пособий. Прилагательные в составных названиях падежей последовательно употреблены в мужском роде – в соответствии с управляющим существительным. Само название первого – *именовный падеж* (прилагательное однокорневое, но с другим суффиксом, чем в «Донате») – утверждает главное значение этого падежа в предложении.

Именовным определяется падеж и в учебнике Лаврентия Зизания «Грамматика словенска совершеннаго искусства осми частей слова и других нужных». Перечисляя «шесть падѣжій», автор даёт парадигму 10 склонений, начиная с первого (в модернизированной графике):

Что есть пе(р)вое скланеніе (так! – Т. Б.); Пе(р)вое склоненіе (так! – Т. Б.) есть , мужески(х) именъ , кончащи(х) ся на ъ.

Мелетий Смотрицкий в своей книге «Грамматики славенския правильное синтагма» исходный падеж в парадигме склонений (парадигмата) называет именител(ь)-ным, которому он даёт объяснение:

Именителный есть / имже именуем: яко, чл(о)в(ѣ)къ.

М. Смотрицкий вводит в славянские грамматики противопоставление падежей, которое было и в греческих грамматиках (πλάγιοι πτώσεις, πλάγιος 'косой, косвенный'):

Падежь есть оконченія в склоненіихъ измѣна: От ни(х)же имените(л)ный и звателный Прави именують са: прочіи вси Косвени.

Более подробно и последовательно, чем у предшественников, изложены синтаксические связи падежей начиная с именительного, где рассмотрен порядок следования компонентов словосочетаний, причём учитываются случаи намеренного изменения этого порядка. Например:

Живетъ беспечален, оумираетъ юнѣ.

Отдельно рассмотрено правило «**О предидущемъ и Послѣдующе(м) Гл(аго)лѣ Именително(м)**». И т. д.

И начиная с этого пособия для учителей Мелетия Смотрицкого, во многом определившего описание грамматического строя в славянских землях, фразеологическая калька *именительный падеж* стала единственным названием номинатива (прямое заимствование из латинского языка) в русском языкознании. Этому способствовало оформление суффиксом *-тельн(ый)* прилагательного – единообразно с другими членами этой терминологической группы.

Родительный падеж

Падеж, который узнаётся «по вопросу *кого?* или *чего?* (особливо разумея какое-нибудь отношение, или принадлежность, одной вещи к другой)» (Барсов), в древнейшем трактате «О осмих частех слова» называется *родна* (о родовой принадлежности слова см. выше), что передаёт греческий термин γενική (πτῶσις). Независимо от верности той или иной этимологии греческого прилагательного, остановимся на том, что он связан глаголом γεννάω 'рождаю', потому что именно так оно было воспринято как латинскими, так и славянскими грамматиками.

В «Донате» переводчик с латинского назвал родительный падеж *родственным падением* (от *родъство* того же значения, что и *родъ*), передав им лат. *casus genetivus* (ср. *ген, жена*). Дм. Герасимов использует и термин *отрицательное падение*, неточно переводя лат. *casus ablatives* (от *aufero* 'уношу', 'удаляю', 'отнимаю'). Так в «Донате» появляется шестой падеж, не соответствовавший падежной системе славянского языка. Функцию отдаления, удаления латинского аблативуса в старославянском языке «выполнял родительный падеж. Поэтому у Герасимова в «Донате» перевод этого падежа с латинского совпадает с формами родительного падежа, например лат. *ab magistro* переведено как «от учителя» и отнесено к «отрицательному падению» (Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. – М., 1958. – С. 14).

В переведённом с греческого языка «Адельфотисе» появляется *родный падеж*.

В первом учебнике собственно церковнославянского языка Лаврентия Зизания – книге, которая «научает добре писати и добре читати», не просто назван *родный падеж*, указываются падежные окончания, но и описываются особенности употребления этого (и других падежей). Например, в части «О сочинении предлогов» он называет падежи, с какими употребляется, сочетается тот или иной предлог:

От счиняется, ро(д)ному. Яко от наших, от нас... Изъ съчиняется родному и виновному... Ради съчиняется родному, яко авраама ради, на(с) ради, мене ради... Въмѣсто съчиняе(т)ся родному и виновному. Яко Въмѣсто него ты буди.

Привычное нам название падежа со стандартным суффиксом *-тельн* утвердилось с пособия для обучающихся Мелетия Смотрицкого «Грамматики славенския пр�вильное синтагма». Он объясняет значение родительного падежа:

Родителный есть / имже чѣчто быти отвѣщаваемъ: яко, чл(о)в(ѣ)ка.

Смотрицкий также приводит предлоги, требующие родительного падежа имени:

Родителнаго Падежа Предлози суть четыри / оу, от(ъ), из(ъ) / или съ, до.

Чѣтко изложен закреплѣнный порядок следования предлогов с существительными в определѣнном падеже:

Послѣдуютъ Предлогови едино: сиречь/ Падежь.

Как писал М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике», «вещей и дѣяній свойства и обстоятельства умножают наши понятія и названіями ихъ рѣчь распространяють. Сіе производится... (в том числе. – Т. Б.) Родительнымъ падежемъ: *Темность облаковъ покрываетъ ясность неба...*» (Ломоносов М. В. Российская грамматика. – СПб., 1755. – С. 38–39).

Говоря об анализе такой грамматической категории, как родительный падеж, обратим внимание на то, как подробно описывает он (с позиций своего времени) вариативность употребления окончаний *-а* и *-у* существительных мужского рода единственного числа, являющуюся камнем преткновения и для современных школьников:

§ 166. Имена втораго склоненія, кончащіяся на Ѣ, знаменующіе животныхъ, родительный падежь имѣють всегда на А, которой въ протчихъ на У часто кончится: *человѣкъъ, человѣка; сынъ, сына; проводникъ, проводника; лень, льна; уродъ, урода.*

§ 167. Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣють въ родительномъ У, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ отъ Славенскаго отходятъ; а Славенскія, въ разговорахъ мало употребляемая, лутче удерживаютъ А: *размахъ, размаху... взглядъ, взгляду... грузъ, грузу... возрастъ, возрасту и возраста; видъ, виду и вида...*

§ 168. Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей, весьма чувствительно, и показываетъ себя не рѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: *святаго духа; челоуѣческаго долга...* а не *святаго духу, челоуѣческаго долгу...* Напротивъ того свойственнѣе говорится: *розоваго духу, прошлагодняго долгу...*

§ 169. Имена собирательныя, и тѣхъ вещей, которыя по мѣрѣ, по числу или по вѣсу раздѣляются, въ родительномъ больше кончатся на У, нежели на А: *анисъ, анису; бархатъ, бархату... квасъ, квасу; полкъ, полку...*

§ 170. Время и мѣсто значащія существительныя по большей части въ родительномъ единственномъ на У склоняются: *базар, базару; верхъ, верху; низъ, низу; передъ, переду; задъ, заду; вечеръ, вечеру и вечера; вѣкъ, вѣку и вѣка... лугъ, луку и луга.*

§ 171. Которыми именами значатся снасти, платье, строеніе, посуда и симъ подобныя; тѣ въ родительномъ больше А содержатъ: *топоръ, топора... брусъ, бруса; дворъ, двора; кафтанъ, кафтана; сапогъ, сапога; чулокъ, чулка; поясъ, пояса...*

§ 172. Имена, включающія въ родительномъ изъ окончанія самогласныя, и соединяющія согласныя, больше на А кончатся: *желудокъ, желудка; конецъ, конца; мизинецъ, мизинца; овесъ, овса; палецъ, пальца.*

§ 173. Присемъ примѣчать должно, какъ не рѣдко одно правило отнимаетъ силу другаго. Овесъ, по § 169, долженъ бы имѣть въ родительномъ овсу; однако, по § 172, имѣетъ овса. Напротивъ того не взирая на § 172 *пѣсокъ, пѣску; перецъ, перцу* удерживаютъ У, по § 169.

§ 174. Вообще служить можетъ для разбору помянутыхъ родительныхъ сочиненіе именъ съ числительными два, три, четыре: ибо они родительнаго на У отнюдь не терпятъ.

И такъ рассудивъ по натурѣ вещей, о которыхъ, можно сказать: *два, три, четыре*; тѣхъ имена имѣютъ родительный падежъ на А; хотя иногда и У въ другихъ случаяхъ не отменяютъ... (Там же. – С. 81–83).

А. А. Барсов указывает ту особенность родительного падежа, которая находит своё применение и отражение в лексикографической практике:

Родительный падежъ единственного числа особливо примѣчать надлежитъ... для самаго того что узнать которому склоненію какое нибудь встрѣтившееся намъ имя подлежить, какъ о томъ выше сего упомянуть. (Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. – М., 1981. – С. 103).

Дательный падеж

На протяжении всей истории изучения русской грамматики и её падежной системы дательный падеж всегда назывался только *дателънымъ* – с той морфологической особенностью, что в статье «О восьми частях речи» и в рукописной переводной грамматике Доната падеж обозначало однокорневое существительное среднего рода – *падение*, причём в древнейшей славянской грамматике, приписываемой Иоанну – экзарху Болгарскому, прилагательное стоит в женском роде – *дателна*.

Название падежа, заимствованное из старославянского языка, где оно является калькой греч. *δοτική πτῶσις* 'дателъный падеж', в котором *δοτική* – дериват от *δίδωμι* «давать». М. Фасмер считает *дателъный падеж* калькой лат. *casus dativus* (из греч. *δοτική πτῶσις*). На неоправданность такой точки зрения справедливо указано в «Этимологическом словаре русского языка» под ред. Н. М. Шанского (М.: Изд-во Московского университета, 1973. – Вып. 5. – С. 17). В славянском мире издавна были известны труды греческих философов, появлялись грамматические руководства на церковнославянском языке национальных изводов. Как бы то ни было, во всех терминах: и в греч. *δοτική πτῶσις*, и в лат. *casus dativus* (от *dare* 'давать'), и в рус. *дателъный* – просматривается указание на одну из его функций, выбранную при создании термина в качестве самой важной, как определил Смотрицкий:

Дате(л)ный есть / имже дае(м): яко чл(о)в(ѣ)ку.

М. В. Ломоносов в главе «О сочинении глаголов» сокрушался о судьбе так называемого дательного самостоятельного:

Сожалѣтельно, что изъ обычая и употребленія вышло славенское въ сочиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣепричастій дательный падежъ причастій полагался, которой служилъ въ разныхъ лицахъ: *ходящу мнѣ по пустынь, показался звѣрь ужасный*. И хотя еще есть нѣкоторые того остатки Россійскому слуху сносные, какъ: *бывшу мнѣ на морѣ, восстала сильная буря*: однако протчія изъ употребленія вышли. Въ высокихъ стихахъ можно по моему мнѣнію съ рассужденіемъ нѣкоторыя принять. Можетъ быть современемъ (так! – Т. Б.) и сія потерянная краткость и красота въ Россійское слово возвратится. (Ломоносов М. В. Российская грамматика. – СПб., 1755. – С. 199).

(Окончание следует.)

Т. А. БОБРОВА
г. Москва

За строкой текста

По страницам поэтического словаря А. К. Толстого

(Окончание)

Собственно авторское (оказионально-семантическое) словоупотребление

Среди выделенных нами типов авторского словоупотребления в поэзии А. К. Толстого закономерно преобладают случаи собственно авторского (оказионально-семантического) преобразования значений. Чаще оно осуществляется в пределах используемой поэтом узусальной лексемы, привнесённые в которую оригинальные семы не обнаруживают принципиальных отличий от семантического ядра, но в их совокупности позволяют выделить данное словоупотребление в особый ЛСВ. Такие случаи можно квалифицировать как проявления индивидуально-авторской многозначности.

Так, наряду с тремя узусальными значениями существительного **бег** в стихотворении «Колокольчики мои» А. К. Толстой дважды использует это слово в оказиональном метафорическом ЛСВ 'быстрое безостановочное и неуправляемое движение во времени; ход жизни, судьбы своей и своего народа, отечества':

- (1) Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!;
- (2) Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек –
Знает Бог единый.

Однокоренное прилагательное **беглый** в стихотворении «Я вас узнал, святые убежденья» Толстой наполняет оказиональной семантикой 'призрачный, исчезающий, неуловимый':

Я вас узнал, святые убежденья,
Вы спутники моих минувших дней,
Когда, за *беглой* не гоняясь тенью,
И думал я и чувствовал верней.

А причастие **бегущий** в одном из трех случаев употребления обретает авторское значение 'исходящий, распространяющийся':

Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя так тихо уходила,
Как лёгкий запах вешнего цветка,
Как синий дым, *бегущий* от кадила.

По-своему интересны случаи авторского семантического преобразования слов с приставкой *без-/бес-*. Так, у существительного **безветрие** в поэме «Дракон» возникает оказиональное значение 'тишина как фон для более острого слухового восприятия':

И с чавканьем зубастых челюстей
В *безветрии* к нам ясно долетали
Доспехов звяк и хрупанье костей.

Бездна в двух из десяти случаев употребления наполняется оказиональной метафорической семантикой 'космос, вечность' (хотя уже известной в русской поэзии, ср. у Ломоносова: *Открылась бездна, звезд полна...*):

И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная *бездна*
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезёю лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула.
(«Он водил по струнам; упали...»);

Мне словно мир провиделся надзвездный –
И чулась как будто близость *бездны*.
(«Портрет»).

Прилагательное **безмятежный** наряду с узуальной семантикой 'спокойный, невозмутимый' реализует в стихотворении «И у меня был край родной когда-то» авторское значение 'по-детски наивный, светлый и безгрешный':

Я там мечтою чистой, *безмятежной*
 Был озарен,
Я был любим так искренно, так нежно –
 Всё это сон!

Существительное **безумец** используется в лирике А. К. Толстого только в единичном – окказиональном – случае употребления в значении 'человек, охваченный сильной, безрассудной страстью' («Алхимик»):

Ему ответить силы нет –
Какой *безумцу* дать ответ?

Эта же семантика проявляется в родственных словах. Прилагательное **безумный** употреблено в сходном значении – 'полный безрассудной страсти, вдохновленный ею' – в одном из девяти случаев:

Он водил по струнам; упали
Волоса на *безумные* очи,
Звуки скрипки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.

В балладе «Гакон Слепой» встречаем ещё один окказиональный семантический вариант – 'неистовый, безудержный':

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный *безумного* гнева,
Слепой между ними помчался Гакон
И врезался в сечу, и, ей опьянён,
Он рубит средь гула и рёва
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

Существительное **безумье** имеет сходную авторскую семантику – 'безрассудная страсть, неосознанное сильное влечение' – в каждом из четырёх словоупотреблений:

Как достичь до неё – не ищи, не гадай,
Тут расчёт никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но *безумье* в тот край,
Но удача принесть тебя может!
(«Темнота и туман застилают мне путь...»);
Я сознаюсь в любви мятежной,
В тревоге чувств, в *безумье* дел –
Тому *безумье* неизбежно,
Кто раз, сеньора, вас узрел!
(«Алхимик»);

Я взор её ловил – и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробегала,
И ревности огонь, бог весть к кому,
Понятен стал *безумью* моему.
(«Портрет»).

В той же поэме А. К. Толстой употребляет лексему **беспорядок** в оригинальном метафорическом значении 'смятение чувств':

Когда души смущённой *беспорядок*
Нам не даёт смирить прибоя дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнакомый.

Прилагательное **беспощадный** в контексте баллады «Алёша Попович» обретает у А. К. Толстого особое метафорическое содержание 'космически неизмеримый, вечный, холодный и всепоглощающий':

И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе *беспощадная* бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезёю лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула.

Беспредельное в посвящении И. С. Аксакову «Судя меня довольно строго...» выступает в субстантивированном авторском ЛСВ 'космос':

В *беспредельное* влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.

Бесцветный в одном из двух случаях употребления – в переводе Гёте «Коринфская невеста» – наполняется особой метонимической семантикой 'помертвелый, безжизненный':

Полночь бьёт – и взор доселе хладный
Заблестал, лицо оживлено,
И уста *бесцветные* пьют жадно
С тёмной кровью схожее вино.

Высокочастотное существительное **берег** А. К. Толстой использует в семи ЛСВ, три из которых окказиональные метафорические, весьма характерные для индивидуально-поэтической картины мира автора:

1. Земля обетованная, страна мечты, место или человек как предмет ностальгических воспоминаний:

И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной.
(«Он водил по струнам; упали...»);

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым *берегам*.

(«Не верь мне, друг, когда в избытке
горя...»);

От *берегов* благоуханных,
Где спят лавровые леса,
Уходит в даль зыбей туманных
Корабль, надувши паруса.

(«Алхимик»);

Была пора то дерзостных догадок,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сладок
Бывает платья шёлкового шум;
Когда души смущённой беспорядок
Нам не даёт смирить прибою дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем *берег* незнакомый.

(«Портрет»)

2. Предел, граница чего-л. в сравнении с космосом и любовью как божественной первоосновой мироздания:

Но я любить могу лишь на просторе –
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни *берега*
«Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...»;

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди ещё – неволя недолга, –
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные *берега*.

(Там же)

3. Светлое будущее как награда за верность идеалам, убеждениям:

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею –
На *берег* вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
(«Против течения»).

Частотный глагол **бить** и производное существительное **битва** А. К. Толстой употребляет в одном из случаев в перекликающихся авторских метафорических значениях 'переполняя душу, песню и т. п., неудержимо и стремительно рваться наружу' и 'внутреннее сдерживание чувств, душевного порыва, борьба с самим собой':

Не знаю, откуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них *бьёт* и кипит.
(«Из Индии дальней...»).

Но тщетно я, в бесплодной *битве*,
Твержу уставные слова
И заучённые молитвы –
Душа берёт свои права!
(«Иоанн Дамаскин»)

Среди многочисленных употреблений слов с корнем **-благ-/-блаж-**, распространённых в эпоху А. К. Толстого и обладающих, как правило, книжной окраской, также встречаются окказионально-семантические варианты: так, **благодатный** в одном из трёх случаев использования – в стихотворении «Благовест» – наполняется контекстуальной семантикой 'являющийся объектом приятных, светлых воспоминаний':

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовёт и манит
Он в край родимый,
В край *благодатный*,
Забывший мною, –
И, непонятной
Томим тоскою,
Молюсь, и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого.

А слово **блаженный** в поэме «Иоанн Дамаскин» четыре раза выступает в авторском метонимическом значении 'райский':

Прими усопшего раба, Господь, в *блаженные* селенья!

Среднечастотное причастие **блестящий** дважды выступает у А. К. Толстого в авторских метафорических значениях:

1. Сверкающий и искрящийся отблесками золота, серебра и драгоценных камней; дорогой, бесценный:

Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик желанный и любимый
И ясно вижу глубь, где, как *блестящий* клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

(«Порой, среди забот и жизненного шума...»)

2. Издающий холодный, безжизненный, безрадостный блеск.

Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью –
Всё же не стану *блестящей* холодной сталью
(«Сердце, сильнее разгораясь от году
до году...»).

Высокочастотный теоним **Бог** А. К. Толстой дважды в балладе «Поток-богатырь» наполняет авторской семантикой 'правитель, царь, князь (с оттенком поддобирастия или иронии)':

Но вдруг слышит слова: «То земной едет *бог*,
То отец наш казнить нас изволит!»

<...>

«...Да и полно, уж вправду ли я на Руси?

От земного нас *бога* господь упаси!

Нам Писанием велено строго

Признавать лишь небесного *Бога*!»

В другом случае – в стихотворении «Над неприступной крутизною», первом из цикла «Крымские очерки», это слово обретает метафорическое значение 'могучие силы природы, стихий, времён года':

Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый *бог*
Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воем в их гранитный рог.

В третьем случае – в сатире «Сон Попова» – лексема **Бог** используется в ироническом авторском фразеологизированном выражении, характеризующем проявления страха в характере человека:

Я повторю: как люди в страхе гадки –
Начнут как *бог*, а кончат как свинья!

Лексема **богатый** наряду с тремя узусными значениями в одном из четырнадцати словоупотреблений – в балладе «Слепой» – реализует контекстуальную авторскую семантику 'исполненный чувств, вдохновения, божественного испуга, служения высокой идее':

Не пелось ему ещё так никогда,
В таком расцветанье *богатом*
Ещё не сплеталась дум череда –
Но вот уж вечерняя в небе звезда
Зажглась над алым закатом.

Прилагательное **богатырский** в балладе «Песня о походе Владимира на Корсунь» в сочетании с темпоральным существительным *дни* наполняется окказиональной семантикой 'славный, героический':

Когда ж умолкает священный канон,
Запев начинают дружины,
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времён
И дней *богатырских* былины.

Прилагательное **бодрый** в сатире «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» – в архаичной, иронически окрашенной форме (с вторичной, дополнительной слоговой версификационным характером) **бодор** – наполняется метафорической авторской семантикой 'крепкий, сильный (об интеллекте)':

За ним царить стал Фёдор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не *бодор*,
Трезвонить лишь горазд.

Высокочастотная лексема **брат** в двух из пятидесяти трёх случаев употребления обретает у Толстого окказиональные значения:

1. Духовно близкий любимый человек противоположного пола:

И видится ль тебе туманный образ *брата*,
С улыбкой грустною склонённый
над тобой?

(«С тех пор, как я один, с тех пор как ты далеко...»)

2. Соотечественник, русский:

Но к *братьям* он горит любовью,
Он полн к насилию вражды,
Грустит о том, что русской кровью
Жиреют немцы и жида.

(«Друзья, вы совершенно правы...»)

Однокоренное слово **братчик**, представляющее собой иронически окрашенный архаизм времени, А. К. Толстой использует только один раз, но в авторском значении 'обитатель рая':

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.
Первые утверждают, что кто умрёт,
Тот весь обращается в кислород.
Вторые – что он входит в небесные угодия
И делается *братчиком* Кирилла-Мефодия.

Среднечастотный глагол **брать** поэт один раз наделяет авторской семантикой 'принимать, получать предлагаемое в своё пользование как дар, памятный подарок, награду':

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
(«Коринфская невеста»).

В сравнении с проявлениями авторской многозначности случаи *о к к а з и о н а л ь н о й о м о н и м и и*, при которой контекстуальное идиостилевое значение не обнаруживает общих сем с узуальной лексемой той же части речи, имеющей в соотносимых равнозначных грамматических формах тождественный фонетико-графический план выражения, т. е. принципиально отличается от её семантического ядра, в поэзии А. К. Толстого встречаются гораздо реже. К ним можно отнести, например, употребление высокочастотного прилагательного **белый** в омонимическом значении 'богоподобный, богоравный, достойный поклонения как божество' в переводе Андре Шенье «Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я прекрасна!..»:

Неэра, не вверяй себя морским волнам,
Не то богинею ты станешь, и пловцам
Придётся в бурю звать, к стерну теряя веру,
Фетиду белую и белую Неэру!

Авторским *о к к а з и о н а л ь н о - о м о н и м и ч е с к и м* следует, по-видимому, считать и употребление существительного **бред** в поэме «Портрет» в значении 'парадоксальное, необъяснимое сочетание противоположностей':

Тревожной жизни первая вежа:
Бред чистоты с предвкушем греха!

Гораздо более редким в сравнении с предыдущими вариантами идиостилевой семантизации слова в поэзии А. К. Толстого мы считаем **совмещение узуального значения с собственно авторским**. Пример такого синкретизма находим, анализируя особенности семантического наполнения высокочастотной лексемы **Бог**. Она употребляется 70 раз, из них 25 в узуальном ЛСВ 'в политеизме – одно из сверхъестественных существ, правящих миром':

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
Оратаем идёт за взрезанной браздой.

Ср. также со словоупотреблением в стихах «Если б я был богом океана...», поэме «Портрет» (*О бог любви!*) и т. д.

В третьем варианте семантизации эта лексема в первом стихотворении из цикла «Крымские очерки» выступает в уже известном нам собственно авторском ЛСВ 'олицетворение могучих сил природы, стихий, времён года':

Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воет в их гранитный рог.

Наконец, в четвёртом ЛСВ можно констатировать авторское совмещение 2-го и 3-го значений слова **бог** как обозначения Посейдона и символа моря вообще в стихотворении «Солнце жжёт; перед грозою...»:

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюблённый бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

О. Е. ВОРОНИЧЕВ
г. Брянск

Слова текут – вода живая

Воспаление

«Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (М., 1968. – Вып. 3. – С. 172) сообщает нам, что слово *воспаление* заимствовано из старославянского языка и что в старинных русских памятниках оно имеет значение ‘огонь, пожар’, а медицинское значение появляется значительно позже и фиксируется лишь в Словаре Академии Российской 1806 г. Так как приводится только дата лексикографической фиксации, читатель вправе подумать, что медицинское значение существительного *воспаление* возникло вследствие семантического развития на базе старого значения ‘огонь, пожар’, и основания для такого толкования были: воспаление обычно сопровождается повышением температуры и покраснением воспалённого участка, что и отмечено во втором значении слова в Академическом словаре:

Состояние какой либо части тела, которая от сильного жара или трудного прохождения крови в сосудах рдеет, краснеет и пухнет с болью. *Воспаление лёгкого опасно*. (САР. – СПб., 1806. – Т. I. – С. 685).

Однако время первой лексикографической фиксации существительного *воспаление*, приведённое в ЭСРЯ, нуждается в уточнении. Это слово фиксируется уже в XVIII в., в первом издании Академического словаря, так называемом гнездовом:

ВОЗПАЛЕНИЕ <...> 2. *Состояние какой-нибудь части телесной, которая от сильного жара или трудного прохождения крови в сосудах рдеет, краснеет или горит с болью. *Возпаление лёгкого*. (САР. – 1793. – Т. IV. – С. 705).

Как видим, дефиниции почти буквально повторяют одна другую.

Словарная фиксация слова как правило появляется уже после того, как оно успешно укорениться в языке. Так было и с медицинским термином *воспаление*, который активно использовался не только в специальной, но в популярной литературе:

Линирия есть горячка, при воспалении желудка или селезёнки приключаящаяся. (Переводы из Энциклопедии. – М., 1767. – Ч. II. – С. 65);

<Настойку> употребить для примачивания глаз в случае воспаления оных. (Сельской житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. – М., 1779. – Ч. II. – С. 205 // СлРЯ XVIII в. – Вып. 4. – С. 82);

Ежели оно [биение сердца. – Н. А.] крепко и жоско, сие обыкновенно означает воспаление или инфламацию и требует кровопущения и прохладительных лекарств. (Тиссо С. Наставление народу в рассуждении его здоровья / с фр. пер. Н. Озерецковский. – СПб., 1781. – С. 20);

Припадок сей или болезнь называется принятым с латинского языка именем Инфламация, которую покойный Штаб-Лекарь Шеин хотя и перевёл воспалением, однако всегда почти означают оную у нас огнём или жаром. (Пекен М. Х. Домашний лечебник, или Простой способ лечения / переведён А. Протасовым. – СПб., 1782. – С. 27);

Inflammation, разпаление, воспаление, жар в какой части тела... воспаление лёгкого. (Полной французской и российской лексикон. – СПб., 1786. – Т. I. – С. 650).

Последние три примера показывают, что слова *воспаление* и *инфламация* употреблялись как синонимы. Русский медицинский термин *воспаление* является калькой научно-латинского *inflammatio*, префиксально-суффиксального производного от *flamma* 'пламя'.

Прямое заимствование *инфламация* часто встречается в памятниках первой половины XVIII в.:

инфламация (Санктпетербургские ведомости. – СПб., 1728. – С. 80); *инфламация* (Кантемир А. Д. Реляции князя А. Д. Кантемира из Лондона (1735). – М., 1903. – Т. II. – С. 233; *инфламация* (Материалы для истории императорской Академии наук (1744). – СПб., 1885–1900. – Т. VII. – С. 21; *инфламация* (Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. – СПб., 1755. – Т. I. – С. 167); *инфламация* (Ежемесячные сочинения и известия о учёных делах (1756, генв.). – СПб., 1755–1764. – С. 105).

Любопытно, что прямое заимствование *инфламация* фиксируется в оригинальных русских текстах, а попытки калькирования – преимущественно в переводных. Ср.:

О *вожжении*, де инфламационе (Платнер И. З. Основательные наставления хирургические, медические и рукопроизводные в пользу учащихся / переведены с латинского М. Шеиным. – СПб., 1761. – С. 17); *распаление* в матке (Эрasmus И. Ф. Наставление. Как каждому человеку вообще в рассуждении диеты, а особливо женщинам в беременности, в родах и после родов себя содержать надлежит...). – М., 1762. – С. 124); *зажжение* (Волштейн И. Г. Наставление, как лечить лошадей / пер. с нем. – СПб., 1784. – С. 4).

Сущ. *воспаление* как медицинский термин быстро и прочно вошло не только в специальную литературу, но и в общее употребление.

Керосинка

Примусы, керосинки и керогазы ушли из нашего быта, да и слова, их обозначающие, стали забываться. Примусу ещё повезло – спасибо коту Бегемоту. Из тетрадок исчезли промокашки, с парт – непроливайки...

«Этимологический словарь русского языка» МГУ (М., 1982. – Вып. 8. – С. 122) вслед за «Словарем современного русского литературного языка» (М.; Л., 1956) датирует первую лексикографическую фиксацию слова *керосинка* 1909 годом. Но в письменных текстах оно появляется двумя десятилетиями ранее. Так, мы находим его в письме А. П. Чехова Н. П. Чехову в марте 1886 г.:

Воспитанные люди <...> не могут уснуть в одежде, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. (Чехов А. П. – ПСС. – М., 1948. – Т. XIII. Письма. – С. 197).

В ноябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1887 г. (С. 15) читаем:

На одном из окон варилось какое-то кушанье на керосинке...

И позднее, с дополнительной информацией о незнакомом нам предмете:

На мокром и грязном подоконнике стоит керосинка в один фитиль <...> на ней небольшой белый фарфоровый чайник, до половины почерневший. Очевидно, она в этом чайнике кипит на керосинке воду, когда хочет чаю в неурочное время. (Призыв: Литературный сборник в пользу престарелых и лишённых способности к труду артистов и их семейств. – М., 1897. – С. 275–276).

Словом *керосинка* в XIX в. назывался не только нагревательный прибор, но и осветительный:

...Катя, сидя за пряхой в промёрзлой хате, слабо освещённой смрадной керосинкой, тихо пела жалобную песенку. (Русское богатство. – 1889. – Июль. – С. 100); В комнате тускло горела керосинка. Молодая женщина с красивым, испуганным лицом, держа на руках ребёнка, подкладывала у печки щепки под таганок, на котором кипел большой жестяной чайник. <...>Керосинка, коптя и мигая, слабо освещала комнату. (Вересаев В. В. Без дороги, 1895 // Библиотека Мошкова); ...у нас лучинка, да керосинка или сальная свечка макая. (Вагнер Н. П. К Христовой заутрени // Вагнер Н. П. Повести, сказки и рассказы Котамурлыки. – СПб., 1896. – Т. VI. – С. 17); ...у Насти <...> горела всю ночь керосинка, и она упивалась «Роковой любовью». (Анненский И. Книга отражений [1905]. – М., 1987. – С. 271).

Но если слово *керосинка* прочно укрепилось за названием нагревательного устройства, то прибор для освещения стал называться *керосиновая лампа* или *коптилка* – это были разные вещи. Керосиновые лампы встречались самого разного вида, статуса и цены – от самых простых до роскошных, с хрустальными или фарфоровыми расписными резервуарами и абажурами. Коптилка же сооружалась из какого-нибудь стеклянного пузырька, в который наливался керосин, а в пробку вставлялся фитиль из тонкого шнура или толстой нитки. При свете такого осветительного прибора автор сих строк и делал свои уроки в начальной школе.

Но вернёмся к лингвистической стороне вопроса.

Существительное *керосинка* образовано универбацией словосочетания *керосиновая кухня* или *керосиновая печка*:

На окне стояла керосиновая кухня. (Отечественные записки. – 1876. – Т. CCXXVII. – С. 402); Анна уже несла сюда... всю свою кухню. Кухня её была очень несложна: это была простая керосиновая печка с тремя лампами... (фитилями. – Н. А.). (Дело: Журнал литературно-политический. – СПб., 1879. – № 1. – С. 27); керосиновая кухня (Чехов А. П. Контрабас и флейта, 1885); «Кухни керосиновые, бензиновые и спиртовые». (Курьер. – 1898. – № 343. – С. 7).

Существовал и другой универб, т. е. слово, образованное на основе устойчивого словосочетания:

Мужики <...> при слабом свете керосинниц, сидели в хатах. (Бунин И. А. Божьи люди, 1887–1889 // Литературное наследство. – Т. LXXXIV. – Кн. 1. – С. 141).

Из *керосиновых кухонь* получились *керосинки*, из *спиртовых* – *спиртовки*, а из *бензиновых* – недолгое время существовавшее слово *бензинка*:

Марья Павловна... стояла у стола и что-то кипятила на бензинке. Бензинка шипела и ровно гудела, точно мурлыкала. (Жизнь: Литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1900. – Т. VII. – С. 26); На бензинке... жарились готовые отбивные котлеты и варился настоящий «кофе мокка». (Куприн А. И. По заказу, 1901).

Так же, как в случае с керосинкой, бензинкой назывался и осветительный прибор:

Можно также заменить лампу Пушкарёва обыкновенной маленькой бензиновой лампой («бензинкой») с целым кольцом языков пламени, какие у нас в большом ходу в домашнем хозяйстве. (Записки Киевского Общества естествоиспытателей. – Киев, 1895. – Т. XV. – С. 593).

Такая модель универбации оказалась чрезвычайно продуктивной и буквально в текущем году обогатилась словами *удалёнка*, *дистанционка*.

Н. С. АРАПОВА
г. Москва

У нас на уроке

Про что фильм-то?

Пересказываем содержание фильма. Делимся впечатлениями от увиденного

I. Текст для чтения.

8+

– Его кошмары связаны со скрытыми страхами из детства, хранящимися в глубоких уголках подсознания в виде обрывков воспоминаний. – Света отложила «Семь дней» и посмотрела на Серёжу. – Хорошо, что мы сначала посмотрели фильм, а потом нам попалась эта газета. Если бы наоборот – ни за что бы не пошли. Там совсем не про страхи из детства.

– Точно, – согласился Серёжа. – У этого Стивена BMW M3. Суперкар, G-Power M3 Tornado RS. С такой машиной не бывает страхов из детства. Это понятно с первого кадра, когда Стивен едет в Ливинстоун со скоростью 220. До такой скорости BMW M3 разгоняется за 9,5 секунд.

– Он едет с такой скоростью, потому что спешит к Долорес. Ты что, не понял? Родители Долорес хотели увезти её в Мексику. А Стивен приезжает раньше родителей и увозит Долорес в Милуоки. Между прочим, Стивен ради Долорес бросает Розалин. А у Розалин папа миллионер. А у Миранды...

– 720.

– Что 720?

– Лошадей.

– Каких лошадей?

– Лошадиных сил! Ты вообще фильм смотрела или нет? У BMW G-Power M3 Tornado RS – 720 лошадиных сил, развивает скорость 220 километров в час за 9,5 секунд. Знаешь, сколько стоит такая машина?!

– Это ты не смотрел! Ничего не помнишь, кроме своей BMW. Ты хоть помнишь, чем всё заканчивается?

– Плохо заканчивается.

– Надо же, ты всё-таки не такой чурбан. Бедная Долорес, да?

– Да, теперь Стивену за ремонт придётся выложить 18 тысяч евро, не меньше.

(А. Гиваргизов).

II. Слово учителя.

Света и Серёжа посмотрели один и тот же фильм. О чём он? Света говорит о Стивене, который спешит к Долорес, чтобы увезти её в Милуоки; говорит о Розалин, у которой папа – миллионер. А Серёжа с точностью называет марку машины Стивена, о которой он знает, кажется, всё: скорость разгона, мощность в лошадиных силах и примерную стоимость ремонта.

В журнале «Семь дней» Света читает статью о фильме, который только что посмотрела вместе с Серёжей. В журнале говорится о кошмарах и страхах, которые хранятся в уголках нашего подсознания. Но Света не согласна с автором статьи.

Неужели каждый из нас фильм воспринимает по-своему? Да, это так. Поэтому мы и делимся впечатлениями об увиденном с друзьями или родными. Слушая собеседника, мы как будто просматриваем фильм чужими глазами.

Если вы хотите рассказать о том, какую кинокартину вы вчера смотрели, то начните с передачи своих чувств (понравился вам фильм или нет); потом назовите главных героев и место, где происходит действие; вспомните, в чём состоит завязка сюжета; рассказывайте эмоционально, чтобы заинтересовать слушателей.

III. Выполнение заданий.

Задание № 1

Прочитайте тексты о фильмах. Какой текст, на ваш взгляд, яснее других передаёт содержание фильма? Какой текст в большей степени отражает эмоции рассказчика? Можете ли вы назвать чувства, которые переживает рассказчик?

Сильное кино

Заранее, заранее	А он им – раз!
Всё было решено:	А тут как раз
У школьников собрание,	Она ползла,
Потом у них кино.	А он как даст ему
Домой придёт	Со зла!
Мой старший брат,	Они ей – раз!
Он мне расскажет	Она им – раз!
Всё подряд,	Но тут как раз
Он объяснит мне,	Её он спас,
Что к чему.	Он был с ней
А я большая!	Заодно...
Я пойму.	Ух, сильное кино!
И вот он начал	Нет, видно я ещё мала:
Свой рассказ:	Я ничего не поняла.
– Они ползут,	

(А. Барто).

«Жизнь Пи» – это фильм о мальчишке-индусе по имени Писсин, сокращенно Пи. Его отец заведует зоопарком. Семья с животными переезжает на корабле в Европу. Корабль тонет. Спасается только Пи и животные: тигр, гиена, орангутан и зебра. Зебру потом съедает гиена, такая же участь постигает орангутана, гиену убивает тигр по имени Ричард Паркер. Оставшихся в живых мальчика и тигра пытаются съесть акулы, позже Пи и Ричард Паркер попадают на остров-хищник. В конце концов они возвращаются к людям.

(*Ответ.* В стихотворение «Сильное кино» включен рассказ мальчишки о фильме, который он только что посмотрел со своими одноклассниками. Слушая этот рассказ, младшая сестра мальчика ничего не поняла. Скорее всего он больше показывал, чем рассказывал: «Они ей – раз! Она им – раз!» Однако понятно, что кинокартина тронула мальчишку за душу, он сопереживал героям, болел за «наших».

Второй текст о фильме «Жизнь Пи», безусловно, яснее передаёт его содержание. Однако читать не очень интересно: написано сухо, неэмоционально.)

Задание № 2

Всем вам наверняка известна серия мультфильмов о Винни-Пухе. А смотрели ли вы мультфильмы об этом медвежонке, созданные на студии Диснея? В 1961 г. по книге Алана Милна «Винни-Пух и все-все-все» американская кинокомпания выпустила 4 мультфильма: «Винни-Пух и медовое дерево», «Винни-Пух и день забот», «Винни-Пух, а с ним и Тигра!», «Винни-Пух и праздник для Иа-Иа».

Чуть позже (1969–1972) и в нашей стране на студии «Союзмультфильм» были созданы три мультфильма: «Винни-Пух» (соответствует 1-й главе книги «Глава первая, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчёлами»), «Винни-Пух идёт в гости» (соответствует 2-й главе книги «Вторая глава, в которой Винни-Пух пошёл в гости и попал в безвыходное положение»), «Винни-Пух и день забот» (соответствует 4-й и 6-й главам книги).

При общем сходстве этих двух экранизаций Винни-Пух и его друзья производят впечатление совершенно разных героев. Создайте словесные портреты похожих, но вместе с тем разных медвежат. Для выполнения задания выберите из предложенного списка слов и выражений те, которые подходят для описания каждого медвежонка:

мягкий, толстый, жадный, весёлый, капризный, грустный, наивный, грубый, невоспитанный, неунывающий, навязчивый, находчивый, услужливый, добродушный, скромный, друг Пятачка, приятель Кролика.

Дополните портреты медвежат, рассказывая о том, что каждый из них любит делать.

Задание № 3

Поиграем в игру «Кто найдёт больше отличий?». Вспомните (или пересмотрите) первую серию мультфильмов о Винни-Пухе студии Диснея и аналогичную первую серию студии «Союзмультфильм». Расскажите о различиях. Используйте вопросы-помощники и фразы-помощники:

- Сколько героев? Назовите их.
- Какими по характеру показались вам Кролик, поросёнок, ослик и другие персонажи?
- Кто такой Кристофер Робин?
- В отличие от американского мультлика в нашем мультфильме... геро (-я, -ев).
- Как в диснеевском, так и в советском мультфильме есть... , но нет...
- Если в мультике студии Диснея ослик Иа-Иа (какой?)... , то в сериях «Союзмультфильма»

он...

- Диснеевский Кролик (какой?)..., ... и ... , а Кролик из нашего мультлика (какой?)..., ...

и ...

Задание № 4

Представьте, что вы монтируете мультфильм из разрозненных, снятых в разное время фрагментов. Расставьте фрагменты в хронологической последовательности, чтобы получилось начало истории, рассказанной в серии «Винни-Пух и день забот» (студия «Союзмультфильм»). Допишите историю.

1. С пустым горшочком и тем, что осталось от шарика, друзья решили зайти к Сове.
2. Поэтому ослик стоял на берегу небольшого прудика и грустил.
3. У своего дома медвежонок встретил Пятачка и рассказал ему о том, что у Иа-Иа сегодня день рождения.
4. По дороге к ослику Винни-Пух съел мёд, а Пятачок, так как очень торопился, чтобы успеть за Винни, споткнулся и упал на шарик.
5. Винни-Пух, узнав о таком радостном событии в жизни ослика, помчался домой за каким-нибудь подарком.
6. Воздушный шарик лопнул.
7. У ослика был день рождения, но об этом никто не знал.
8. Медвежонок решил подарить ослику горшочек мёда, а Пятачок – зелёный воздушный шарик.
9. Вдруг Винни заметил шнурок, который висел около домика Совы, и спросил, откуда «это» у неё.
10. Сова рассказала, что нашла этот бесхозный шнурок в лесу.

Задание № 5

Перед вами краткое содержание одной из историй о Винни-Пухе. Расскажите эту историю в подробностях, используя вопросы в скобках.

1. Винни-Пух идёт по лесу и поёт. (Зачем он пошёл в лес?)
2. Медвежонок видит дуб, решает залезть на него. (Зачем он это делает?)
3. Медвежонок идёт к Пятачку. (Зачем?)
4. Медвежонок выбирает синий воздушный шарик. (Почему?)
5. На воздушном шарике Винни-Пух поднимается к вершине дуба. Но тут... (Что же происходит?)
6. Имя медвежонка Винни-Пух. (Почему же его так называли?)

Задание № 6

Поиграем! Предлагаем создать воображаемый форум, на котором можно было бы прочитать живое обсуждение просмотренных мультфильмов или фильмов. Правила такие: один из вас пишет отзыв о мультфильме/фильме и передаёт другим, и каждый по очереди пишет свой комментарий к этому отзыву. Для выражения своих эмоций используйте слова-синонимы. Выражайте свои чувства грамотно!

Задание № 7

Отредактируйте предложенные ниже небольшие сочинения пятиклассников. Учитывайте рекомендации учителя.

Сочинение пятиклассника	Рекомендации учителя
(1) Фильм «Парк Юрского периода» о том, как учёные создали или даже восстановили динозавров и сделали парк, где они жили. (2) Его ещё не открыли и пригласил туда людей заведующий парком. (3) И потом началось самое опасное, то есть мой самый любимый момент. (4) Все заборы были обесточены, и вырвались все динозавры. (5) В конце концов некоторые умерли, но потом восстановили электричество, и они спаслись. (6) Очень страшный и кровавый фильм.	1. Основной недостаток сочинения – это неудачная последовательность слов в предложении. Например, в предложении 2 подлежащее <i>заведующий парком</i> лучше употребить перед сказуемым <i>пригласил</i> . То же самое необходимо проделать и в предложении 4: подлежащее <i>динозавры</i> употребить перед сказуемым <i>вырвались</i> . 2. При изложении событий необходимо следить за логикой повествования, которая нарушена в предложениях 2 и 5. 3. В предложении 1 в сочетании <i>сделали парк</i> лучше подобрать другой глагол: например, <i>разбили</i> .
(1) «Ранчо» – превосходный мультфильм! (2) Крутой сюжет с очень забавными героями и пейзажами. (3) Также очень хорошая озвучка как русская, так и английская. (4) Также очень смешной главный герой, который хочет узнать, зачем он живёт и кто он такой. (5) Мне очень понравился этот мульт.	1. В слово <i>крутой</i> каждый говорящий вкладывает своё значение. Что имеется в виду в сочетании слов <i>крутой сюжет</i> – интересный, захватывающий? Лучше выбрать слово, которое конкретно охарактеризует сюжет мультфильма. 2. Построение текста однообразно: два подряд предложения начинаются с союза <i>также</i> . Предложения лучше построить по схеме: «подлежащее + сказуемое, выраженное прилагательным»: например, «главный герой очень смешной». 3. Слова <i>озвучка</i> и <i>мульт</i> в письменной речи неуместны.

Задание № 8

1. Расскажите о фильме или мультфильме, который вы недавно посмотрели. При составлении рассказа можете воспользоваться планом:

- Название фильма (можно указать, если вам известно: когда фильм был снят, кто режиссер, кому или чему этот фильм посвящён).
- Чувства, которые вы испытали во время просмотра кинокартины (понравился вам фильм или нет).
- Как зовут главных героев, где происходит действие?
- В чём заключается завязка сюжета?
- Какой эпизод произвёл на вас самое яркое впечатление?

2. Расскажите, о чём может быть мультфильм, если он называется «Панцирь черепахи».

Задание № 9

Прочитайте текст, вставьте на место пропусков подходящие по смыслу слова из словарика.

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без кино. А ведь _____ появился не так давно: в конце XIX века. Сегодня создание кинофильмов стало настоящей _____.

Чтобы получился фильм, который мы видим на экране, нужен творческий союз людей разных профессий. Сначала пишется _____, где излагается содержание будущего фильма. Потом подбираются актёры на роли героев фильма, художники готовят костюмы и _____, композитор сочиняет музыку.

Первую скрипку в творческом процессе играет _____, который объединяет усилия всего коллектива.

_____ снимает фильм на плёнку. Благодаря его мастерству сцена получается яркой, впечатляющей. Успех фильма в значительной степени зависит от актёров, от того, насколько убедительно и правдиво они сыграют своих героев.

Фильм снимается отдельными кусками, их бывает более 500. Соединение этих разрозненных кусков называется _____. Это нелёгкое, сложное и ответственное дело, ведь фильм должен смотреться не как лоскутное одеяло, а как цельное произведение.

Теперь вы видите, как много людей должны постараться, чтобы вы увидели фильм в кинотеатре.

Словарик

Декорации – живописное или архитектурное изображение места и обстановки, в которых происходит действие фильма.

Индустрия – промышленность, производство.

Кинематограф – отрасль человеческой деятельности, заключающаяся в создании движущихся изображений.

Кинооператор – специалист, производящий киносъёмку.

Монтаж – сборка, соединение разрозненных частей в единое целое.

Режиссёр – тот, кто руководит творческой работой по созданию кинокартины.

Сценарий – литературно-драматическое произведение (содержащее подробное описание действия и текст речей персонажей), на основе которого создаётся фильм.

Е. В. ПЕРЕЦВЕТОВА
г. Москва

Рабочая тетрадь

Слитное и раздельное написание *не* с разными частями речи

Слитное и раздельное написание *не* с наречиями

1. Прочитайте пословицы и поговорки. Устно объясните лексическое значение устаревшего слова *непригоже* (поговорка 11), подобрав к нему синоним. Найдите в предложениях наречия с *не*, выпишите их, графически объясняя условия слитного и раздельного написания *не*. Какие ещё пословицы или поговорки вы знаете, где употребляются наречия с *не*? Запишите одну из них.

1) Учиться никогда не поздно. 2) Недаром говорится, что дело мастера боится. 3) Умный не всегда развяжет, что глупый завяжет. 4) Ума немного надо, чтобы дураком назвать. 5) Застарелую болезнь нелегко лечить. 6) Соврёт – недорого возьмёт. 7) Кто ничего не делает, тому всегда некогда. 8) Как мороз ни скрипуч, да не очень жгуч. 9) Одна пчела не много мёду принесёт, а мало. 10) Жить горько, да и умирать совсем не сладко. 11) Непригоже есть лёжа. 12) Недолго думал, да ладно молвил. 13) Яблоку негде упасть. 14) Неладно скроен, да крепко сшит.

2. С каждым из данных наречий составьте по два предложения так, чтобы в первом предложении *не* писалось слитно, а во втором – раздельно. Произведите синтаксический разбор одного из предложений (на выбор).

(Не)редко, (не)спокойно, (не)искренне, (не)громко, (не)плохо.

3. Образуйте от данных прилагательных наречия и запишите их поморфемно.

Недружный, неловкий, нелестный, незаметный, неопрятный.

4. Спишите. Найдите в данном предложении фразеологизм. Что он обозначает? Графически объясните правописание *не* с наречием. Какие ещё вы знаете фразеологизмы, куда бы входили наречия с *не*? Запишите один из них.

Васяка твёрдо решил учинить Петьке строгий допрос и в случае чего поколотить его, чтобы вперёд так делать было (не)повадно. (А. Га й д а р).

5. С каждым данным словосочетанием составьте и запишите простое предложение. Подчеркните члены предложения. Почему выделенные слова пишутся с *не* слитно?

Негде разместиться, **незачем** спорить, **некуда** бежать, **неоткуда** взяться.

6. Расскажите о правописании *не* с наречиями в сравнительной степени. Проиллюстрируйте письменный ответ собственными примерами.

7. Расскажите, у каких частей речи слитное и раздельное написание *не* подчиняется тем же правилам, что и у наречий на -о, -е. Проиллюстрируйте письменный ответ собственными примерами.

8. Составьте обобщающую таблицу на тему «Слитное и раздельное написание *не* с наречиями». Сколько в ней получилось колонок и почему? Заполните таблицу своими примерами (по 3–5 в каждую колонку), обозначая условия слитного и раздельного написания *не*.

9. Соберите информацию и запишите рассказ на тему «Недаром помнит вся Россия про день Бородина!» (М. Лермонтов). В своём высказывании о знаменитом Бородинском сражении употребите не менее семи наречий с *не*.

10. Напишите сочинение-описание на одну из тем: 1) «Снежные заносы слепяще, нестерпимо блещут» (М. Шолохов); 2) «Пурга неистово выла, стонала и плакала» (Г. Марков); 3) «Вокруг всё непроглядно серо» (Н. Почивалн). Используйте в своём сочинении, где это уместно, наречия с *не*.

11. Прочитайте высказывание английского драматурга У. Шекспира. Согласны ли вы с ним? Напишите ответ.

Общая участь всех хвастунов: рано ли, поздно ли, а всё-таки непременно попадёшь впросак.

12. Из произведений К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто и других детских писателей и поэтов (на ваш выбор) выпишите 5 предложений, в которых есть наречия с *не*. В скобках укажите, из какого произведения взят пример и фамилию писателя. Графически объясните слитное/раздельное написание *не* с наречиями.

13. Придумайте и запишите в форме диалога шутливую миниатюру на тему «Как я нечаянно научился плавать». Используйте в своём диалоге не менее семи реплик, употребив в них, где это необходимо, наречия с *не*.

14. Письменно ответьте на вопросы. Употребите в ответах данные для справки слова и сочетания слов.

Как долго { вы здесь живёте?
вы пробудете в нашем городе?
вы ждёте своего друга?

Для справки: (не)совсем долго, (не)больше месяца, (не)меньше часа.

Давно ли { вы пришли в парк?
приехали в наши края?
началась экскурсия?

Для справки: (не)давно, (не)очень давно, (не)много времени тому назад.

Как часто { вы бываете в библиотеке?
вы ходите в кино?
вы ходите в гости?

Для справки: (не)часто, отнюдь (не)часто; (не)часто, а редко.

Когда вы { уезжаете домой?
поедете к своим родственникам в Нижний Новгород?
отправитесь в морское путешествие?

Для справки: (не)сегодня, (не)летом, (не)скоро.

15. Подготовьтесь к словарному диктанту. Устно объясните слитное и раздельное написание *не* с наречиями. Попросите продиктовать вам из данных списков 5–7 словосочетаний. Слова, в которых вы допустите ошибки, запишите не менее шести раз.

1. Неспроста я так обидчив; невыносимо больно; неудачно сказано; нисколько не трудно; никогда не весело; говорил негодуя; растёт совсем не высоко; неуверенно отвечал; немало книг; ударил несильно; поступил не хорошо, а плохо; расчитать не точно, а приблизительно; чувствовал себя нехорошо; неточно подсчитал;

писать небрежно; обрадовался неискренне; приблизился незаметно; держаться невозмутимо; был не遠далеке; никому не известно; отвечал не в попад; не вполне ясно; не совсем удачно; не там искали; этот щенок выглядел не хуже моего; встретимся не сегодня; живёт не далеко, а близко.

2. Смотрел недоумевающе; неподалёку находится фонтан; не вполне уверен; никому не интересно; вовсе не легко; не глубоко, а мелко; бегут неуклюже; не низко, а высоко; идти неторопливо; пел негромко; обращался неоднократно; приехал неожиданно; немного устал; поступил непорядочно; читал невыразительно; невозмутимо спокоен; купил недорого; продал недёшево; поступил неразумно; последние слова произнёс невнятно; выступил не вполне убедительно; смотрел на директора невозмутимо; невольно стал свидетелем; в кафе было невообразимо тесно; отвечал на вопросы нечётко; первое чувство пришло к ней неожиданно-негаданно; спрятать было негде; неграмотно написано.

3. Приходил не часто, а редко; совсем не важно; писал неразборчиво; придумано нелепо; ответил не любезно, а грубо; подойти неслышно; светить неярко; неохотно соглашался; смотрел недоверчиво; приехал недавно; выглядел неряшливо; изменился неузнаваемо; неожиданно упал; дом мне достался не даром; незавидно идёт хозяйство у соседей; глядел приятель независимо; я посетил тётушку незадолго до её отъезда; малыш незаметно исчез и скрылся неизвестно где; конференсье незатейливо вёл концерт; собачонка незло укусила котёнка; мама незлобно прервала отца; неточно перевёл фразу; незнакомо билось сердце; был болен неизлечимо; неинтересно рассказывал; неисправно платил налоги; выглядел неказисто.

Л. Г. ЛАРИОНОВА
г. Ростов-на-Дону

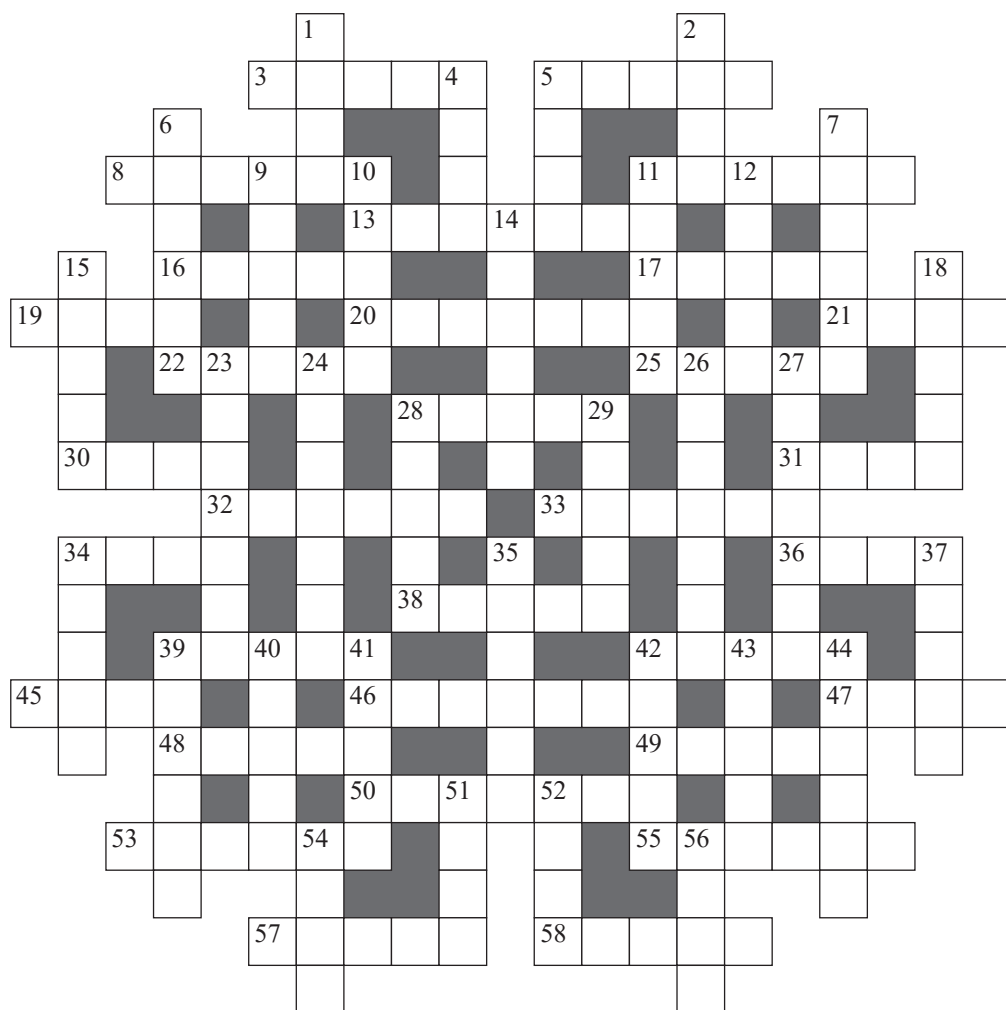
255 лет назад, в 1765 г., родился академик Василий Михайлович Севергин – русский минералог, химик, технолог, автор научных трудов и пособий по естественной истории, специальных словарей, много сделавший в разработке русской научной терминологии – химической, минералогической, ботанической. Вот что он писал **205** лет назад, в 1815 г.: «Слова суть, конечно, выражения понятий, а чем более понятий, тем более распространяется язык; и в сем отношении вводимые вновь названия могут иногда быть допускаемы, яко объяснения; но тщание придавать новые наименования вещам или составам, имеющим уже приличное название, есть злоупотребление науки.

Мы ныне, к сожалению, должны учиться более словам, нежели самому делу. Можно достоверно сказать <...> одна и та же вещь имеет иногда до тридцати особых названий. Что подумает учащийся? Куда устремит внимание, везде задерживают его названия, везде останавливается, везде учит слова, вместо самой вещи! Учащийся теряет время, наука цель свою, а общество пользу, от оной ожидаемую.

Неоспоримо, что буде открыли новое тело, новый состав, то имеем полное право и должно дать ему новое имя. Но когда названия заимствуются только от нового образа мыслей, от посторонних понятий, от посторонних обстоятельств, случайных, перемене подлежащих, то не могут они не запутать самого дела. Блистать изобретением новых названий в науке есть блеск для изобретателя лестный, но для науки вредный!

Если употреблённое название основывается на существе вещи, если выражает оную просто, кратко и ясно, ежели не заключает в себе посторонних понятий, ежели согласно со свойством языка, не странно, не дико, не двусмысленно, то имея таковые, можно составить попечение о изобретении новых без важной побудительной к тому причины».

Кроссворд

По горизонтали. **3.** Пасхальное изделие из сдобного теста. **5.** Город в Греции. **8.** Депрессия у Онегина. **11.** Историческая область на Балканском полуострове. **13.** Советский график и живописец – член Мира искусства. **16.** Мера писчей бумаги. **17.** Резной камень с выпуклыми изображениями. **19.** Система условных знаков для секретного письма. **20.** Вид ивы. **21.** Пресмыкающееся. **22.** Буква греческого алфавита. **25.** Сплав железа с углеродом. **28.** Древний сосуд для питья в виде рога. **30.** Город в Йемене. **31.** Режущий инструмент с заострёнными зубцами по краям. **32.** Плетёнка из стеблей растений, мочала. **33.** Русская просторечная уменьшительно-уничтожительная форма имени *Иерофей*. **34.** Большое водное пространство, имеющее выход в океан. **36.** Зимние осадки. **38.** Задняя часть судна. **39.** Небольшое гребное или парусное судно. **42.** Грызун с защёчными мешками. **45.** Испанский народный танец. **46.** Автор оперы «Севильский цирюльник». **47.** Древний русский город – место ожесточённых боёв во время Великой Отечественной войны. **48.** Обувь

футболиста. **49.** Одна из сестёр, приютивших Христа во время его странствий, которая не избрала благую часть. **50.** Русская коллективная детская игра. **53.** Стрекобужее насекомое. **55.** Русский поэт-переводчик – автор «Вечернего звона». **57.** Другое название финифти. **58.** Государство в Азии.

По вертикали. **1.** Художественный музей в Париже. **2.** Французский киноактёр. **4.** Традиционно-поэтическое название судна. **5.** Вид гарнира. **6.** Имя итальянского художника Боттичелли. **7.** Былинный воин-богатырь. **9.** Собрание документов, сведений о ком- или чём-либо. **10.** Испанский герцог – правитель Нидерландов. **11.** Болотная птица. **12.** Рыба семейства лососёвых. **14.** Горы в Центральной Европе. **15.** Горный перевал в Болгарии. **18.** Осколок дерева. **23.** Ироническое наименование летнего убежища от городских забот у М. Е. Салтыкова-Щедрина. **24.** Таджикский героический эпос. **26.** Итальянский художник венецианской школы. **27.** Прежнее название города Чехова Московской области. **28.** Пастуший музыкальный инструмент. **29.** Город в Якутии. **34.** Повесть А. И. Куприна. **35.** Стул с подлокотниками. **37.** Автор «Илиады» и «Одиссеи». **39.** Обезьяна рода павианов. **40.** Новое имя Каштанки. **41.** Постоянный обитатель помоек. **42.** Одна из специализаций племянника княгини Тугоуховской в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». **43.** Отец Снегурочки в пьесе А. Н. Островского. **44.** Город в Польше. **51.** Герой оперы «Снегурочка», партию которого Н. А. Римский-Корсаков предназначил певице. **52.** Имя обезьянки – спутницы Доктора Айболита. **54.** Французский писатель, по мотивам романа которого Дж. Верди написал оперу «Травиата». **56.** Сельскохозяйственная постройка.

ОТВЕТЫ Кроссворд (2020. – № 4)

По горизонтали. **1.** Барс. **3.** «Утёс». **7.** «Старик». **8.** Балхаш. **10.** «Мать». **11.** Метро. **14.** Нина. **15.** Жижка. **16.** Гранд. **18.** Рубка. **19.** Капрал. **20.** Вершок. **21.** Садовод. **25.** Доска. **27.** Иргиз. **30.** Маренго. **31.** Диего. **32.** Репей. **33.** Причуда. **34.** Осада. **36.** Мекка. **39.** Лулаба. **44.** Ликург. **46.** Пещера. **47.** Верей. **48.** Стужа. **49.** Холуй. **50.** «Клоп». **52.** Тонна. **53.** Берг. **55.** «Восток». **56.** Матвей. **57.** Сочи. **58.** Село.

По вертикали. **1.** Бром. **2.** «Соть». **3.** Уран. **4.** Сера. **5.** «Кинжал». **6.** Катаев. **7.** Степан. **9.** Шишков. **11.** Марка. **12.** Табло. **13.** Огайо. **15.** Жерло. **17.** Дерби. **21.** Самопал. **22.** Дарница. **23.** Вентура. **24.** Диорама. **25.** Дидло. **26.** Свеча. **28.** Гопак. **29.** Зойка. **35.** Скунс. **37.** Кащей. **38.** Вирхов. **40.** Ухват. **41.** Ларин. **42.** Бляха. **43.** Трофей. **45.** Глунов. **46.** Паллас. **50.** Кокс. **51.** Потти. **53.** Берс. **54.** Гуно.

Русский язык в школе и дома. 2020. № 5. 1–24

Редакция:

Т. А. Боброва, А. Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная вёрстка – К. В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8 (495) 671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© ООО «Наш язык». 2020

Пускай ты выпита другим...

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

(К статье Е. А. Фроловой)

